

Национальный
исследовательский
Томский
государственный
университет

ISSN 2306-2061

Текст Книга Книгоиздание

Text. Book. Publishing | № 38 2025

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2025

№ 38

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

16+

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»**

И.А. Айзикова (Томск) – главный редактор
А.В. Галькова (Томск) – отв. секретарь
С.В. Березкина (Санкт-Петербург)
Т.А. Гридина (Екатеринбург)
Н.П. Дворцова (Тюмень)
Ю.М. Ершов (Томск)
Н.В. Жилиякова (Томск)
И.В. Лизунова (Новосибирск)
В.В. Мароши (Новосибирск)
И.В. Тубалова (Томск)
К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)
О.Г. Щитова (Томск)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Якимова С.И., Бабкина Е.С.</i> Литературная газета «Чураевка» в дискурсе русского зарубежья Дальнего Востока	5
<i>Колмогорова А.В., Куликова Е.Р., Колмогорова П.А.</i> Лингвистическая сложность текстов жанра «виртуальная экскурсия по музею» (на материале Виртуального визита в Государственный Эрмитаж)	29
<i>Айзикова И.А.</i> Проза А.П. Чехова в современной отечественной литературе: виды продуктивной художественной рецепции непрофессиональных авторов	55

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Есипова В.А.</i> Наставник нелюбинских странников Никита Иванов Вихляев и его библиотека	92
<i>Крылов В.Н.</i> Жанровое своеобразие литературно-критических книг А.А. Измайлова	109
<i>Soghoyan A.V., Devrikyan Sh.V.</i> Artistic decoration of “History of Armenia” published by Hakobos Issavertents	133

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Захарова Е.М.</i> «Волшебник поэзии»: Н.Ф. Сумцов в «Южном крае»	149
<i>Чечнёв Я.Д., Ариас-Вихиль М.А.</i> Подходы к изданию художественных произведений Востока во «Всемирной литературе» А.М. Горького	158
<i>Киржаева В.П., Осовский О.О.</i> С.И. Гессен в работе над книгой о советской школьной политике (по материалам писем Н.А. Ганцу)	176
Правила оформления статей	198

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Yakimova S.I., Babkina E.S.</i> The <i>Churaevka</i> literary newspaper in the Russian émigré discourse of the Far East	5
<i>Kolmogorova A.V., Kulikova E.R., Kolmogorova P.A.</i> The linguistic complexity of texts of the "virtual museum tour" genre (based on the material of a virtual visit to the State Hermitage Museum)	29
<i>Ayzikova I.A.</i> Anton Chekhov's prose in modern Russian literature: Types of productive artistic reception by non-professional authors	55

BOOK AND READING IN CULTURE

<i>Esipova V.A.</i> Mentor of the Nelubino wanderers Nikitia Ivanov Vikhlyaev and his library	92
<i>Krylov V.N.</i> Genre uniqueness of literary-critical books by Alexander Izmaylov	109
<i>Soghoyan A.V., Devrikyan Sh.V.</i> Artistic decoration of <i>History of Armenia</i> published by Hakobos Issavertents	133

BOOK PUBLISHING

<i>Zakharova E.M.</i> "The wizard of poetry": Nikolai Sumtsov in the <i>Yuzhnyy Kray</i> newspaper	149
<i>Chechnev Ya.D., Arias-Vikhil M.A.</i> Approaches to publishing artistic works of the East in Maxim Gorky's <i>Vsemirnaya Literatura</i>	158
<i>Kirzhaeva V.P., Osovsky O.O.</i> Sergei Gessen at work on the book on Soviet educational policy (based on letters to Nikolai Hans)	176
Rules for Article Submission	198

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья
УДК 070(091)
doi: 10.17223/23062061/38/1

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА «ЧУРАЕВКА» В ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Светлана Ивановна Якимова¹, Екатерина Сергеевна Бабкина²

^{1, 2} Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹ 005563@togudv.ru

² 006007@pnu.edu.ru

Аннотация. На основе научной категории дискурса анализируется продуктивный профессиональный опыт формирования и функционирования публицистического дискурса эмигрантских периодических изданий Харбина начала 1930-х гг.: еженедельного приложения «Молодая Чураевка» к газете «Харбинские ежедневные новости» и его преемницы, литературной газеты «Чураевка», периодического издания харбинского кружка искусства, науки и литературы «Молодая Чураевка», в национальном социокультурном и историко-литературном контексте смыслов, этимологически заложенных в концепте «Чураевка».

Ключевые слова: журналистика русского зарубежья Дальнего Востока, литературная газета «Чураевка», Харбин, русская национальная культура, социокультурный национальный контекст, дискурсивный аспект

Благодарности. Исследование выполнено в ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» за счет гранта РФФИ (проект № 24-28-20352 «Литературное и журналистское наследие русского зарубежья Дальнего Востока как актуальный, продуктивный поликультурный контент в пространстве стран Восточной Азии в контексте решения задач патриотического воспитания и укрепления устойчивости глобального мира»), <https://rscf.ru/project/24-28-20352/>

Для цитирования: Якимова С.И., Бабкина Е.С. Литературная газета «Чураевка» в дискурсе русского зарубежья Дальнего Востока // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 5–28. doi: 10.17223/23062061/38/1

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

THE *CHURAEVKA* LITERARY NEWSPAPER IN THE RUSSIAN ÉMIGRÉ DISCOURSE OF THE FAR EAST

Svetlana I. Yakimova¹, Ekaterina S. Babkina²

^{1,2} Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation

¹ 005563@togudv.ru

² 006007@pnu.edu.ru

Abstract. Based on the scientific category of discourse, the article analyzes the rich professional experience of the creation and functioning of the artistic and journalistic discourse of the emigrant periodicals of Harbin in the early 1930s: the weekly supplement *Molodaya Churaevka* to the newspaper *Harbin Daily News* and its successor, the *Churaevka* literary newspaper, the periodical of the Harbin circle of art, science and literature "The Young Churaevka". The authors of the article focus on new scientific aspects: the preservation of the Russian national identity of the Russian emigration based on the development of interaction between Russian classical literature and domestic journalism, strengthening the sovereignty of the Russian national verbal culture, its promotion into the world space in order to strengthen the stability of the global world. Characterizing the features of the content of these publications, the authors of the article focus on the analysis of the concept of "Churaevka" in the national socio-cultural and historical-literary context, on identifying the integrative concept of Russian national culture embedded in it, its philosophical, aesthetic, spiritual and moral origins and axiological values that remain relevant. The consideration of the etymology of the concept "Churaevka", which contributes to the actualization of the deep national-historical foundations of Russian culture, is for the first time complemented by the inclusion in scientific discourse of the epistolary of Siberian writers A.A. Gryzov (Achair) and G.D. Grebenshchikov, more fully reflecting the dynamics of a meaningful, civilly responsible choice by emigrants of "Russian" China of the name of their periodical, the continuity of national cultural traditions, traditions of Russia, the peculiarities of the spiritual and moral foundations of the Russian national character. The background and multifaceted activities of the art, science and literature circle "The Young Churaevka", which largely determined the ideological and creative priorities and directions in the formation of the professional ideology and editorial policy of the literary newspaper *Churaevka* and its activities, are considered in the article as an important factor in increasing its socio-cultural role and influence on the life, self-determination of the young, rising generation of Russian emigrants in China, on the formation of their ideological picture of the world, as an important

contribution to the then beginning process of the formation of the global Russian world. Analyzing the organizational, educational, journalistic, literary-critical activities of journalists, writers and critics of the émigré literary newspaper *Churaevka* and its predecessors, the authors of the article particularly note their high professionalism, patriotism, active civic position, objective, scientific-critical approach to the analysis of socio-cultural processes, literary and artistic phenomena, devoid of political expediency, based on commitment to professional ideology and the ideals of Russian national culture.

Keywords: journalism of the Russian diaspora in the Far East, literary newspaper "Churaevka", Harbin, Russian national culture, socio-cultural context, discursive aspect

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-20352, <https://rscf.ru/project/24-28-20352/>

For citation: Yakimova, S.I. & Babkina, E.S. (2025) The *Churaevka* literary newspaper in the Russian émigré discourse of the Far East. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 38. pp. 5–28. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/38/1

Введение

Продуктивный и востребованный в отечественной и зарубежной науке в последние десятилетия дискурсивный подход в анализе контента СМИ проявляет свою эффективность и в ретроспекции, при изучении особенностей формирования и развития отечественной печати 1920–1930-х гг. метрополии и диаспоры.

Актуализация дискурсивного подхода в изучении истории отечественной журналистики XX в. обусловлена его комплексностью, обеспечивающей полное, интегративное рассмотрение способов создания журналистского контента, его содержания, формы трансляции, реализуемых коммуникативных стратегий, в совокупности характеризующих журналистский дискурс «как востребованную, эффективную систему» [1. С. 135]. Данный подход открывает новые научные перспективы в изучении профессионального опыта русской эмигрантской журналистики в Китае 1920–1940-х гг. в контексте высокого запроса на богатый потенциал русской национальной словесной культуры.

В условиях динамичного развития цифровизации сфера массмедиа-коммуникации, представляя собой сложный, многоаспектный феномен, выступает как важный и эффективный фактор формирования общественного сознания и развития общества. «Средства массовой информации не только передают информацию, но и путем осознанного отбора выделяют и субъективно интерпретируют события окружающей дей-

ствительности, влияя на сознание личности и формируя общественное мнение» [2. С. 7].

Транслируя новое знание о мире, оценку актуальных событий, газетный дискурс расширяет информационное пространство, способствует «повышению полноты и комплексности в структурировании и моделировании приобретаемого социокультурного опыта и убеждений» [3. С. 51].

Сложный и многоаспектный комплекс дискурсов русского зарубежья Дальнего Востока, от публицистического до художественного, сформировавшийся в 1920–1930-е гг. усилиями русских эмигрантов, включает в себе богатый и конструктивный опыт взаимодействия русской литературы и журналистики за рубежом в контексте истории русской национальной словесной культуры.

Изучению разных аспектов жизни и деятельности русских эмигрантов первой волны в Китае посвящено немало научных исследований, в том числе о кружке искусства, науки и литературы «Молодая Чураевка», позднее называвшемся «Чураевка». Важный вклад в изучение творческой и культурно-просветительской деятельности русского писателя, критика и журналиста, общественного деятеля Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1883, Томская губерния – 1964, штат Флорида, США), оказавшего большое влияние на деятельность дальневосточной эмиграции, внесли отечественные и зарубежные исследователи: В.В. Десятов [4], А.Ю. Горбенко [5], А.А. Санникова [6], Д. Шаохуа [7]. Весьма существенным является вклад исследователей восточной ветви русской эмиграции из Амурского государственного университета (г. Благовещенск, научная школа под руководством профессора А.А. Забияко), работы которых охватывают широкий круг научных проблем, включающих исследование духовных, этнокультурных, этнорелигиозных феноменов русской жизни в Маньчжурии сквозь призму литературно-художественного творчества дальневосточных беженцев. Ученые этой научной школы много внимания уделяют изучению особенностей межкультурного взаимодействия русской эмиграции, русской зарубежной литературы и культуры Востока [8, 9].

В данной статье внимание исследователей сосредоточено на выявлении и изучении нового богатого и продуктивного опыта организации профессиональной журналистской деятельности создателей литературной газеты «Чураевка» в Харбине в контексте решения актуальных вопросов самоопределения русских эмигрантов, формирования Русского мира за рубежом на основе консолидации западноевропейской и восточной ветвей русской эмиграции. Авторы статьи акцентируют внима-

ние на новых научных аспектах: сохранение русской национальной идентичности русской эмиграции на основе развития взаимодействия русской классической литературы и отечественной журналистики, укрепление суверенизации русской национальной словесной культуры, ее продвижение в мировое пространство в целях укрепления устойчивости глобального мира.

Рассмотрение заявленной в статье темы продолжает комплексное изучение наследия писателей и журналистов русского зарубежья Дальнего Востока в историко-культурном контексте. В научной статье С.И. Якимовой «Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока как поликультурное пространство» представлен обзор главных научных и документальных источников по направлению исследования [10]. В главе «Литературная критика на страницах газеты литературной студии «Молодая Чураевка» монографии С.И. Якимовой подчеркивается важность установления связей между восточной и западной ветвями русской эмиграции, связанных «общностью исторических корней и стратегических целей» [11. С. 178]. Монография С.И. Якимовой «Дискурсы русского зарубежья Дальнего Востока» дополняет исследование продуктивных аспектов наследия отечественной журналистики русского зарубежья Дальнего Востока [12].

Предметом изучения в данной статье выступает художественно-публицистический дискурс издававшейся в Харбине в 1920-е годы эмигрантской литературной газеты «Чураевка» в рамках научной актуализации заложенного в дихотомии концепта «Чураевка» (свой/чужой) историко-культурного национального кода. Целью статьи послужило выявление комплекса социокультурных, филологических факторов, обусловивших идейно-художественное своеобразие, высокую продуктивность художественно-публицистического дискурса эмигрантской литературной газеты «Чураевка» в контексте формирования интегративной концепции русской национальной культуры, сохранения в условиях эмиграции её национальной идентичности, философско-эстетических, духовно-нравственных истоков.

Для достижения поставленной цели в статье рассматриваются главные идеи эпистолярия писателей-сибиряков Г.Д. Гребенщикова и А.А. Грызова (псевдоним – А. Ачаир), способствовавшие самоопределению русской эмиграции в Китае, культурно-исторические истоки национального концепта «Чураевка» в контексте приоритетных направлений редакционной политики изучаемого издания, начавшегося процесса формирования глобального Русского мира.

Активизировавшиеся в контексте культуры Востока идейно-художественные искания российских эмигрантов побуждали их к поиску обновляющих элементов, способствующих формированию философско-эстетической основы жизни и творчества в контексте изменившихся дискурсивных факторов.

В современных условиях активного разворота на Восток ценный опыт формирования и развития российской эмигрантской печати дальневосточного зарубежья в контексте консолидации русских диаспор, влияния философии и культуры Китая может быть продуктивно использован современной журналистикой в условиях развития многополярного мира.

Национальный концепт «Чураевка» в дискурсе русского зарубежья Дальнего Востока

Уникальная приверженность русских писателей и журналистов, оказавшихся в период первой волны русской эмиграции в Харбине, имени «Чураевка» заслуживает отдельного научного внимания и тщательного рассмотрения в контексте социокультурных обстоятельств жизни русских эмигрантов в Китае и влияния культуры Востока. Заключенные в этом названии глубокие смыслы и через столетие не утратили своего научного и социокультурного значения.

Данному концепту суждено будет стать национальным культурным знаком глобальной общности русского зарубежья первой волны эмиграции из России (1920-е гг.).

Предыстория и многоаспектная деятельность кружка искусства, науки и литературы «Молодая Чураевка» во многом обусловили идейно-художественные приоритеты и направления в формировании редакционной политики литературной газеты «русского» Харбина «Чураевка».

Харбинская «Молодая Чураевка», как кружок искусства, науки и литературы, была создана по инициативе и при активном участии Алексея Алексеевича Грызова (литературный псевдоним – Алексей Ачаир, 1896–1960, сибиряк, станица Ачаир, Омская губерния – Новосибирск).

Через десять лет после начала деятельности харбинского филиала Христианского союза молодых людей (ХСМЛ) А. Грызов, стоявший у истоков многих начинаний этой организации, посвятил юбилею этого филиала публицистический очерк «Бог, Родина и Честность», который был опубликован в созданной им в 1932 г. литературной газете «Чураевка» [13. С. 3].

Отмечая в этом очерке ведущую роль образовательной деятельности харбинского отделения ХСМЛ, начиная с 1923 г., А. Грызов формулирует главный принцип образовательной политики русской организации в Харбине: «Наука на службе у жизни» [13. С. 3]. Изменившиеся реалии жизни в эмиграции требовали от руководства отделения ХСМЛ в Харбине корректировки образовательных программ, их более тесной связи с культурно-патриотическими воспитательными задачами. К заслугам ХСМЛ А. Грызов относит реализуемый Союзом принцип автономии русской школы за рубежом, что способствовало формированию национального самосознания подрастающего поколения эмигрантов. Вынося в заголовок очерка систему национальных духовно-нравственных ценностей (Бог, Родина, Честность), автор акцентирует внимание на значимых ценностях и их формировании в воспитательной работе с эмигрантской молодежью.

Вместе с тем автор подчеркивает, что, являясь христианским, Союз остается не религиозным, а светским учреждением, уделявшим большое внимание пробуждению в молодежи деятельного национального чувства и патриотизма в условиях эмиграции.

Публицистическую заостренность очерку придает четкость и лаконизм в выражении авторской позиции при характеристике главных направлений деятельности ХСМЛ: «Преданность Родине? – Да. Борьба против богоборчества и религиозного безразличия? – Да. За национальное достоинство? – Да. За преданность Христовой вере? – Да. За честность и правдивость, чистоту и порядочность? – Да» [13. С. 3]. Диалогический характер публицистического дискурса очерка передает сложность социокультурного контекста взаимодействия русских эмигрантов не только с иностранцами, гражданами Китая, но и с представителями третьих стран, американцами, руководителями ХСМЛ в Китае. Как педагог, констатируя важность и значимость работы ХСМЛ для настоящего и будущего русской национальной культуры, А. Грызов убедителен в своих педагогических наставлениях молодому читателю-соотечественнику в изгнании: «Христианский Союз в Харбине есть и должен быть нашим общим Союзом, построенным на единстве нашего кредо: «Бог, Родина и Честность». Во имя русского достоинства, русской культуры, во имя будущего, достойного Великой России» [13. С. 3].

Будущая литературная студия «Молодая Чураевка» заявила о себе 8 ноября 1925 г. Именно тогда начались первые заседания организованного А. Ачаиром юношеского кружка «У зелёной лампы», возникшего вокруг «ХСМЛ Журнала», который начал издаваться как первое печатное издание кружковцев под началом А. Ачаира с 1926 г.

Литературной основой этого кружка стала поэтическая студия под председательством поэта Николая Щёголева (1910–1970), которая официально оформилась 20 марта 1926 г. Участники кружка собирались на свои первые собрания в пустоватом зале в доме номер 62 по улице Садовая в Харбине. Название кружка «У зелёной лампы» включает в себе явную отсылку к эпохе А.С. Пушкина, чье имя было одним из главных в системе творческих, духовно-нравственных ориентиров русских эмигрантов первой волны, рассеянных по всему миру. Аналогичное название имели литературно-философские собрания русских эмигрантов, которые в 1920-х гг. проводили в своей парижской квартире Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус.

Как свидетельствует Ю. Крузенштерн-Петерец, «в «Молодой Чураевке» не замедлили появиться творческие группы, лагеря, где разгорались споры о том, как и о чём писать, под чьим знаменем идти – Блока, Гумилева, Есенина, Маяковского или кумира сибиряков Гребенщикова» [14. С. 45].

Культурно-исторические истоки национального концепта «Чураевка» формировались в контексте философско-эстетических исканий кружковцев из Харбина, которые в главном были созвучны экспериментальным начинаниям русских эмигрантов в других частях света. Потребовались годы поисков, чтобы в изменившихся в эмиграции социокультурных обстоятельствах сформировались идейно-художественные приоритеты и принципы, способствующие самоопределению в жизни и творчестве эмигрантов из России.

Созданный в данном историко-культурном контексте кружок русской культуры послужил основой будущей общественно-литературной студии в Харбине. Кружковцы под руководством А. Грызова (Ачаира), серьезно размышляя о будущем своей эмигрантской жизни, во многом ориентировались на идеи и произведения всемирно известного художника и мыслителя Н.К. Рериха и писателя-сибиряка Г.Д. Гребенщикова, которые были знакомы друг с другом, общались в Париже, затем в Америке, долгое время состояли в дружеской переписке.

Стать общепризнанным центром литературной и культурной жизни русских харбинцев кружку искусства, науки и литературы будет суждено под названием «Молодая Чураевка», а позже просто «Чураевка». История возникновения названия и главных направлений деятельности этого кружка оказались тесно связанными с именем сибирского писателя Г.Д. Гребенщикова, более 40 лет (с 1923 г.) прожившего в эмиграции, сначала во Франции до 1924 г., затем в Америке.

В изгнании Г.Д. Гребенщиков много сил отдал написанию грандиозной эпопеи «Чураевы» о первых русских поселенцах на Алтае. При жизни Гребенщикова вышло 7 томов из 12-ти задуманной этим писателем-эмигрантом книги, получившей большой резонанс в русском эмигрантском сообществе по всему миру.

В 1925 г. Г.Д. Гребенщиков поселился в американском штате Коннектикут на реке Помпераг, где в одиночку заложил русский скит, который по плану, разработанному им совместно с Н.К. Рерихом, должен был превратиться в деревню-сад Чураевку, трудовой и культурный русский центр. Совместно с издательством Н.К. Рериха «Алатас» (Белый камень) Чураевка должна была стать прообразом будущего культурного центра в горах Алтая. Свои идеи о Чураевке Г.Д. Гребенщиков изложил в книге «Гонец: Письма с Помперага /Первая помощь человеку/» [15], а также – в очерке «Вечер у Шаляпина», специально написанном в 1929 г. для харбинского журнала «Рубеж» (№ 23).

В деятельности Ф.И. Шаляпина Г.Д. Гребенщиков отметил одно из проявлений исключительного разнообразия русских творческих сил. «Это, – отмечает автор очерка, – должно нас все время утешать в лишениях и двигать в минуты неподвижности или усталости вперед, к нашему неслыханно-прекрасному грядущему, которое теперь строится (и в самой России), и во всех странах мира, где только существуют русские. А они, несмотря на свои скорби, а, может быть, именно благодаря им, всюду действуют и так или иначе укрепляют победную поступь могучей народной российской культуры. Только бы почаще русские об этом думали и крепче берегли бы русское достоинство. Это всем и всякому помогло бы многое преодолеть и ускорить шаг к созидательному единению культурных сил, независимо от того, где они и под какими флагами идут или работают» [16. С. 11–13]. Эти идеи послужат мировоззренческим фундаментом для многих эмигрантов из России в формировании их картины мира, стремящегося к своей устойчивости.

Харбинский кружок искусства, науки и литературы историей возникновения своего названия обязан совместной, вдумчивой работе первых чураевцев, принявших в 1927 г. название «Молодая Чураевка». Это название стало ответом на идею писателя-сибиряка Г.Д. Гребенщикова – создать русские культурные очаги за границей. Именно в честь Чураевки, русской деревни в Америке, основанной Г.Д. Гребенщиковым в 1926 г. после посещения дома Ильи Львовича Толстого, сына писателя Л.Н. Толстого, на реке Помпераг в американском штате Коннектикут. Эти места напомнили писателю его малую родину, Алтай. Поэтому, вероятно, и возникло желание купить здесь участок земли, чтобы постро-

ить дома для русской эмигрантской общины. Первый дом был построен уже в 1926 г.

На создание Г.Д. Гребенщиковым Чураевки, русской колонии в Америке, повлияли факторы как объективного, так и субъективного характера, интеграция которых обусловила уникальность проекта, синтезирующего в себе материальное и духовное начала. Переехав в 1924 г. Из Франции в США по приглашению Н.К. Рериха, с которым познакомился в Париже в начале 1920-х гг., Г.Д. Гребенщиков принял решение воплотить в жизнь свою давнюю мечту: построить дом для себя, а потом и для других. Дом в Америке не был для Гребенщикова главной целью, он был этапом его жизни, акцентирующим евангельскую притчу о домах, построенных на песке и на камне, духовно связанным с его малой родиной, Сибирью и Алтаем. В одном из писем он признавался: «<...> строю в Америке, чтобы научиться строить в лучшей из стран – в Сибири» [17. Т. 4. С. 475].

По замыслу Г.Д. Гребенщикова, изложенному его автором в 1952 г. в программной статье «Что такое Чураевка?», Чураевка являет собою «то, что на огне не горит, в воде не тонет и ржавчиною, и травую забвения не покрывается». Она «несокрушима и для истребителей свободного мышления неуловима» [17. Т. 6. С. 396]. Масштабный проект Г.Д. Гребенщикова в геополитическом аспекте отводил Чураевке роль основы «взаимной кооперации» Сибири и США [18. С. 89].

Глобальный масштаб и универсальный характер чураевской идее Г.Д. Гребенщикова придавала программная установка ее автора на создание по всему миру широкой сети русских Чураевок. Отчасти эта программа была реализована харбинской организацией «Молодая Чураевка», позднее просто «Чураевка», через общность национально-культурных основ деятельности объединений русских эмигрантов в Китае и Америке.

Основываясь на общих историко-культурных, национально-творческих корнях, русские эмигранты, оказавшиеся в разных концах мира, через поиски и сомнения обретали смысл своего существования на благо и во имя будущего России. Этому процессу самосохранения и развития русской словесной культуры за рубежом, ее продвижению в глобальное пространство во многом способствовало название литературной студии и позже созданной литературной газеты «Чураевка». Это название, производное от художественно вымышленной фамилии героев романа Г.Д. Гребенщикова «Чураевы», в годы эмиграции приобрело глубокое, философское, поистине мифологическое звучание. В нем воплощены авторские представления об уникальном многообразии и богатстве рус-

ской культуры, присущих ей в качестве культурного кода. Тема жизни крестьян-старообрядцев, получившая художественное воплощение в романе Г.Д. Гребенщикова «Чураевы», дополняет картину многообразия русской культуры, ее сложных исканий и обретений.

Этимологически фамилия героев романа «Чураевы» происходит от глагола «чураться» и связана с разговорной традицией русского языка. Устаревший смысл слова «чур», заключающего в себе значение «ограждать себя от чего-л. (в играх, а также в заклинаниях против «нечистой силы») и т. п.)), интегрируется со значением «сторониться, избегать кого-либо, чего-либо» [19]. В этимологическом словаре Фасмера корень «чур» включает в себе сему «чураться»; восходит к первоначальному значению «предок, дух предка». Через семантику фамилии Чураевых автор романа в условиях духовного раскола России в первой четверти XX в. актуализировал тему русского национального характера, ментальную приверженность выходцев из России национальным культурным корням, которые обуславливают готовность и способность русского человека противостоять «чужому», сохраняя верность «своим», осознанным и осмысленным ценностям и приоритетам. В одном из современных словарей корень «чур» трактуется как «далекий предок», «дух предка», «родоначальник», в славянской мифологии соотносится с семьей «щур, пращур» [20]. Уникальность «своего» дополняет общую картину мира, делая его богаче и разнообразнее, сохраняя вместе с тем ценность «своего». Смыслы, заложенные автором в фамилию главного героя и в название романа, деятелями эмиграции актуализируются, транспонируясь в их современную реальность, отражая и укрепляя ведущие тенденции в деятельности русских эмигрантов в Китае.

Концептуальность национальной идеи, отраженной в названии и содержании романа Г.Д. Гребенщикова, проявила свою высокую жизнеспособность и продуктивность, способствуя консолидации русской национальной культуры и литературы в изгнании, формированию глобального Русского мира на основе и в контексте такой важной особенности русской культуры, как литературоцентризм.

Эпистолярный писателей-сибиряков А. Ачаира и Г.Д. Гребенщикова

Зародившийся в начале 1920-х гг. эпистолярный диалог А. Ачаира (А.А. Грызова) с писателем-земляком Г.Д. Гребенщиковым, переехавшим в 1924 г. из Франции в Америку, оказал существенное влияние на содержание и характер деятельности харбинской Чураевки и весь дискурс русского зарубежья Дальнего Востока.

Идейная связь харбинской Молодой Чураевки под руководством А. Ачаира с жизнетворчеством русского сибирского писателя Г.Д. Гребенщикова послужила основой большой организационной, культурно-воспитательной, литературно-творческой, журналистской деятельности русских эмигрантов на противоположном конце земли, в Китае. Формат связи русских эмигрантов в Китае с русской диаспорой в США хотя и носил исключительно эпистолярный характер, характеризовался высокой эффективностью, поскольку объединял начинания двух земляков, выросших на одной, сибирской, земле с богатой народной культурой.

Русская диаспора в Харбине, преодолевая оторванность от европейских центров русского зарубежья, стремилась быть интегрированной в общенациональные процессы русской жизни за рубежом. А. Ачаир в своем первом письме от 28 марта 1927 г. из Харбина в далекую Америку Г.Д. Гребенщикову, своему «дорогому старшему брату по народу», чье имя вызывало у него «один отзвук: Сибирь», обращается за советом и поддержкой [21].

Глубокое откровение, выраженное в письме А. Ачаира к писателю-земляку, с которым был знаком только по его произведениям, свидетельствует о большом уважении, высоком признании имени и дела писателя Гребенщикова в русском зарубежье. Задавая главный вопрос своему адресату уже в первом своем обращении, «можно ли писать о Сибири? И как надо писать о Сибири, чтобы полно охватить всю Сибирскую Русь?», А. Ачаир выражает существо основных раздумий и исканий своих учеников и соратников [21].

В письме к Г.Д. Гребенщикову от 31 мая 1927 г. А. Ачаир делится раздумьями об «установлении «всемирной Сибирской связи» для учета культурно-творческих сил, которые могут быть использованы для будущей помощи строительству Нашей Страны», деликатно интересуясь у своего респондента, не мог бы он «положить почин этому делу» [21].

Присоединяясь к идее Г.Д. Гребенщикова объединить усилия русских эмигрантов по всему миру, А. Ачаир с надеждой смотрит в будущее, где «всемировая Чураевка явится деревней, отдельные дома которой разбросаны по всей земле» [21].

Эпистолярный дискурс включает в себя глубокий смысловой контекст, передает высокую степень доверия между писателями-земляками, во многом единомышленниками. «Молодые земляки, – читаем в письме А. Ачаира, – думая о названии своего кружка, просили на последнем нашем сборе: пусть нам Георгий Димитриевич посоветует какое-нибудь название, если он так был добр и дал нам свое доверие – быть отделением Чураевки ... <...>». Завершая обращение харбинцев к Г.Д. Гребен-

щикову, А. Ачаир резюмирует: «Ваш совет будет крещением нашего молодого дела – крещением духом Жизни, Света и Любви» [21].

Г.Д. Гребенщиков тепло и радушно откликнулся на готовность А. Ачаира присоединиться к созданию «всемировой Чураевки». Об этом свидетельствует его письмо от 07 сентября 1927 г. кружку христианской молодежи в Харбине, в котором Г.Д. Гребенщиков, опираясь на заветы своего учителя, Н.К. Рериха, «искренне и просто» отвечает на вопросы юных друзей из Харбина: «Будем творить благо всюду и всегда – и, как лучами солнца, покроем мир искренностью и любовью. И тогда станет легко и радостно работать даже в дымовой трубе» [21].

Разделяя представление об эмиграции как «прекрасной миссии распространения русской культуры», Гребенщиков уточняет: «Мы <...> должны свободно и по внутреннему зову отобраться для работы там, но не путем интервенций и реставраций, а путем Верхним – путем рыцарского служения культуре и путем искреннего понимания происходящей Космической Эволюции. Вот это Вам то слово, о котором Вы просили и которое можете в себе развить исключительно внутренним устремлением к общему благу на земле» [21].

По-отечески тепло и искренне звучат и через столетие наставления Г.Д. Гребенщикова своим соотечественникам: «Пожалуйста, нигде, ни в какой чужой стране не чувствуйте себя эмигрантами, но чувствуйте везде необходимыми людьми, твердою походкою идущими к высокой цели. И когда так идете, во всякой стране, всякому народу Вы делаете лишь добро. И когда так будете творить вашу Чураевку, у Вас все больше будут расти силы, а с ними – возможности» [21].

Эта переписка двух писателей-сибиряков, оказавшихся к середине 1920-х гг. в эмиграции на разных континентах земли, стала достоянием исследователей благодаря кропотливой работе В.А. Росова, ученого и подвижника творчества писателя Г.Д. Гребенщикова [21]. В настоящее время она ярко иллюстрирует актуальность вдумчивых и важных исканий и устремлений только начавшего в те годы формирования глобального Русского мира. Решение вопроса о названии кружка искусства, науки и литературы в Харбине приобрело высокую идейно-философскую значимость и ценность.

Созданный в 1927 г. в Харбине кружок «Молодая Чураевка», а с 1932 г. просто «Чураевка», просуществовал до 1935 г. В контексте имени Чураевых, героев романа Г.Д. Гребенщикова «Чураевы», советы писателя-сибиряка с берега далекой американской реки Помпераг звучали для его земляков, оказавшихся на Востоке, в Китае, убедительно и весомо, наполняя духовно-нравственным смыслом и творческим све-

том начинания членов будущей Чураевки в Харбине, городе на берегу реки Сунгари.

Глубокую причастность природы и культуры Алтая формированию национального культурного кода, художественно воплощенного в романе «Чураевы» писателя-сибиряка Г.Д. Гребенщикова, эмигранты взяли с собой как необходимый культурный багаж, осознавая и укрепляя на его основе главный смысл своего существования за рубежами России. Русское мессианство как национальная идея России наполняла смыслом жизнь и творчество большей части русской эмиграции в ее стремлении продвигать в глобальное пространство мира конструктивное и благодатное влияние жизнеутверждающего богатства и многообразия русской культуры, органически соединяющей в себе взаимодействие традиций и новаторства с открытостью миру.

Предыстория и история литературной газеты «Чураевка»

Чураевское начало в своей концептуальной сути продолжило свое развитие в харбинской периодике. С конца 1932 г. периодика «русского» Харбина, а вместе с ней и общекультурный дискурс всего русского зарубежья Дальнего Востока существенно дополнились и обогатились новым опытом периодических изданий литературно-творческой направленности.

Новым печатным органом кружка искусств, науки и литературы «Чураевка» Христианского союза молодых людей в Харбине в 1932 г. стало еженедельное приложение (вкладыш) «Молодая Чураевка» к русскоязычной версии вечернего издания американской газеты «The Harbin Daily News» («Харбинские ежедневные новости»), которая была зарегистрирована в Американском генеральном консульстве в Харбине. Приложение стало выходить по соглашению с редакцией газеты «Харбин Дейли ньюс».

Редактором этого приложения стал тогда начинающий поэт В. Перелешин (наст. фамилия Валерий Францевич Салатко-Петрище, псевдонимы: Перелешин, Сигма и др.; 7 июля 1913, г. Иркутск, Российская империя – 7 ноября 1992, г. Рио-де-Жанейро, Бразилия). Главной целью печатного издания оставалась проблема подготовки молодого поколения русских писателей с опорой на национальные традиции отечественной классики и достижения деятелей Серебряного века. Приоритетные темы диктовала жизнь: самоопределение в искусстве, национальные традиции и новаторство, развитие ориентализма в контексте межкультурного диа-

лога России и Китая, литературные течения, жанровые и дискурсивные искания, проблема русского национального характера в условиях межкультурного диалога с Востоком.

3 июля 1932 г. вышел первый номер еженедельного литературного приложения «Молодая Чураевка». Позднее, став самостоятельной литературной газетой, это издание стало называться «Чураевка», первый номер которой увидел свет 27 декабря 1932 г.

Первый номер приложения «Молодая Чураевка» вышел с концептуальной редакционной статьей «Перед началом», открытый заголовок которой анонсировал новое, важное начинание в жизни русских эмигрантов Харбина. Актуализируя классическую проблему «отцов и детей», автор редакционной статьи уточняет, что «центр пресловутых конфликтов «отцов и детей» заключается в непонимании младшего поколения старшим, и наоборот [22. С. 1].

Чутко улавливая запросы новой целевой аудитории в изменившихся социокультурных обстоятельствах, когда «и отношение к литературе у молодости становится осторожней и испуганней», авторы литературного приложения подчеркивают важность и принципиальность редакционной политики своего издания [22. С. 1].

Редакция литературного приложения заявляет о себе как издании творческом, рефлексиирующем, хотя и развивающемся вдали от родной земли, но сохраняющем с нею корневую связь: «Не ищите в этом листке бодрости в обычном смысле этого слова», потому что тяготы жизни в изгнании дополняются «сугубо трудными условиями для развития литературных дарований на Дальнем Востоке». Указывая на внутренние причины усугубляющего характера, «из которых – мы не в России – самая главная», редакция выражает твердую уверенность в том, что в это «переходное время сохранить себя, перетерпеть, пережить – залог дальнейшего процветания» [22. С. 1].

В рамках решения главной в период духовного раскола в России задачи сохранения гуманистических традиций русской литературы и культуры именно русское писательское слово принимает на себя ответственность за сохранение в изгнании духовно-нравственной основы русской жизни. Писательская критика в лице представителей старшего поколения писателей-эмигрантов из России заняла ведущие позиции в самоопределении эмигрантов и первые страницы этого литературного приложения. Актуализируя в своих литературно-критических публикациях методологические проблемы искусства, писатели-эмигранты выступали подвижниками русской литературы, ее популяризаторами для широкой аудитории изгнанников из России, учителями-наставниками

для молодого поколения эмигрантов в их самоопределении и сложных поисках жизненного призвания в его связи с Родиной, Россией.

Арсений Несмелов (наст. фамилия Арсений Иванович Митропольский, 1889, Москва – 1945, с. Гродеково, Приморский край), известный в русской эмиграции поэт и прозаик, литературный критик и журналист, в одном из выпусков приложения выступил с литературно-критическим очерком «О творческом процессе» с темой для дискуссии. В нем А. Несмелов, синтезируя опыт писателя и критика, разрушает стереотипные, ошибочные представления о существовании творческого процесса в адрес не только молодых поэтов «подольше посидеть над стихами», как будто количество времени вообще как-то связано с глубиной и значительностью их содержания. «Вопрос об «обработке» стихов с целью повышения их художественного качества решается совсем не так просто, как это кажется людям, не переживавшим творческого процесса», – отмечает автор очерка [23. С. 1]. Утверждая, что «слепая логическая воля, тупое упорство старательного ремесленника с истинно творческим трудом отнюдь не связаны или связаны очень слабо», – поэт напоминает известную истину о том, что «на три четверти творческий процесс протекает в сфере надсознательной» [23. С. 1]. Уточняя при этом, что перенесение результатов этого процесса в сознание не зависит от рабочей воли поэта, творца.

Приводя в качестве убедительного и авторитетного аргумента историю написания А.С. Пушкиным стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...», критик отмечает, что процесс работы Пушкина над ним протекал непредсказуемо и спонтанно, «стихотворение в окончательном виде не сохранило ни одной строки от первоначальной попытки раскрыть тему. Каждый из последующих вариантов был приближением к совершенству. Тема раскрывается, как цветок из бутона» [23. С. 1]. Апеллируя к высоким образцам русской классической поэзии, А. Несмелов резюмирует: «История же написания этого произведения указывает, что творческая работа Пушкина была процессом глубочайшего постижения, для которого были мобилизованы все силы творца. Форма и содержание закристаллизовались неразделимо, и в окончательном виде стихотворение возвышается грандиозной поэтической мистерией над косной материей слова и косной душой современников (над своей собственной тоже), ибо, выступая над планом эстетическим, стихотворение это даёт ощущение прикосновения к иным мирам, к областям божеским» [23. С. 1].

Критик подводит читателя к пониманию философии творчества как непрерывного искания и обретения в сложном процессе мытарств

и страданий художника: «<...> творческий процесс связан с ростом души, стабилизация – конец творчеству» [23. С. 1]. Мысль о том, что страдания обогащают душу, в условиях эмигрантского дискурса трансформируется в творчески созидательный импульс, способствуя укреплению национального духа и самосознания.

Только богатство и уникальность выражаемого художником содержания определяет качество его творения – к такому выводу приходит поэт и критик, не оставляя альтернативы и своему читателю.

Одной из конструктивных, сохраняющих свою актуальность публикаций «Молодой Чураевки» стала проблемная статья писателя и журналиста Н. Щёголева «О детективных романах». В ней автор обращает внимание русской эмигрантской аудитории на одну из главных тенденций мирового литературного процесса конца 1920-х – начала 1930-х гг., анализирует причины господства детективных писателей среди литературных коммерсантов: «Они наживают себе состояния, – возьмите Уоллеса, Оппенгейма, или японского детективиста, Эдогава Рампо. Смешно, – но факт: это самые влиятельные теперь писатели, хотя их творческие усилия минимальны» [24. С. 1].

Н. Щёголев предлагает «серьёзней пересмотреть вопрос о детективных романах», которые быстро заняли освободившуюся нишу «произведений художественных и, вместе с тем, внешне занимательных» [24. С. 1]. Критик напоминает писателям-современникам, что пренебрегать занимательностью большой писатель не должен. Упрекая писателей и критику в инфантильности, когда художники слова совместно с серьёзными критиками смотрят невозмутимо, как растёт тираж у их злейших соперников, в буквальном смысле требует перемен. И эти перемены необходимо начинать с себя, «перестраиваться психологически, будить в себе закосневшую коммерческую жилку» [24. С. 1].

Касаясь проблемы коммерциализации художественного творчества в изменившихся социокультурных обстоятельствах жизни русских эмигрантов, Н. Щёголев проявляет приверженность национальным культурным традициям, опыту русской классики: «Присмотреться к Пушкину, – так даже странно становится: он был больше коммерсант, чем нынешние художники слова, хотя время было не такое коммерческое, как наше. А Достоевский, который всегда остро присматривался к бульварным писателям типа Эжена Сю, потому что хотел, чтобы его романы помимо внутренней ценности обладали внешней занимательностью! Разве от этого потеряли его романы в глубине»? [24. С. 1].

В финальных строках статьи критик с публицистической остротой, обусловленной необходимостью усиления русского дискурса в окруже-

нии чужого языка и другой культуры, разделяя ответственность за существующее положение вещей, призывает писателей-соотечественников преодолеть, с одной стороны, «беспочвенное презрение к детективным романам, и с другой, слепое увлечение фабулярностью, как таковой, как целью» [24. С. 1].

Идея высокого гражданского служения своей Родине, России, отражая мессианиззм национального сознания, во многом определяла жизнь и деятельность русских эмигрантов Харбина, авторов приложения «Молодая Чураевка», а затем и самостоятельной литературной газеты «Чураевка», способствовала новым дискурсивным исканиям в философско-эстетическом и духовно-нравственном аспектах.

Литературная газета «Чураевка» внесла свой заметный вклад в развитие и укрепление взаимодействия восточной ветви русской эмиграции с западноевропейской, в консолидацию усилий по формированию Русского мира. Профессиональный интерес литераторов и журналистов восточной ветви русской эмиграции к литературно-журнальной жизни «русского» Парижа был достаточно высоким и вполне закономерным, отражая идею единства русской эмигрантской культуры и литературы, идею общности национальных корней и традиций.

Обзор содержания первых номеров парижского периодического издания русских эмигрантов «Числа» был подготовлен автором под псевдонимом «Н. З-ов» и опубликован в 1933 г. в одном из ноябрьских номеров литературной газеты «Чураевка» под заголовком «Числа IX. Париж». Внимательно и предметно рассмотренные в нем публикации поэтов, прозаиков и критиков русского зарубежья западноевропейской ветви: Н. Оцупы, Ю. Мандельштама, Б. Поплавского, Ю. Терапиано и др. – отражают высокий интерес эмигрантов-дальневосточников к этому изданию. Фрагментарная цитация выявляет общность взглядов писателей восточной и западной ветвей русской эмиграции. Особую актуальность сохраняют представления эмиграции о большой роли и важном значении их труда для России будущего: «Мы заговорим с народом тогда, когда он захочет нас слушать, а пока мы знаем, что никакая социальная пуганица не может разрушить личной жизни человека, на глубине которой находится его величайшая радость, его личное, никому не передаваемое общение с человеком и Богом» [25. С. 4]. Посвящая обзору парижских «Чисел IX» целую полосу в харбинской литературной газете, автор резюмирует: «Числа» дают огромный материал, и этот материал настолько ценен, настолько своевременен...» [25. С. 4].

В октябре 1934 г. В. Перелешин, под псевдонимом Сигма, публикует статью «Чураевка в «Числах», где рассказывает о первых, противоречи-

вых, упоминаниях в парижском издании о литераторах далёкой Чураевки, иронически открывая статью словами: «Блистательные “Числа”, наконец, снизошли до нашей провинциальной незрелости. Снизошли и подумали: как обрадуется, как залоснится благоговейным восторгом провинция! Какие гимны воспевает великолепному парижскому средоточию миров, кинувшему поощрительный лучик (вот вам соломинка: хватайтесь!) задворкам российской эмиграции!» [26. С. 5]. Указывая на целый ряд неточностей и даже ошибок при освещении в «Числах» событий литературной и журналистской жизни дальневосточной эмиграции, В. Перелешин отмечает присущее отдельным деятелям «русского» Парижа столичное высокомерие и даже пренебрежение к провинции, какой считалась русская эмиграция в Китае. Скрывая досаду за иронией, проявляя великодушие и мудрость, В. Перелешин философски замечает: «О, дерзкие провинциальные юноши! Как смели они надеяться, что их незрелый лепет прочтет сам маститый Ю.Т. (Юрий Терапиано. – С.Я., Е.Б.)» [26. С. 5]. Не вступая в открытую полемику с маститыми авторами из журнала «Числа», В. Перелешин лишь напоминает о приоритете профессионализма в оценках произведений искусства, о важности этических норм: «Такой отдел, как отдел рецензий, требует высокой интеллигентности. Плохие результаты получаются тогда, когда их пишут молодые люди, плохо воспитанные» [26. С. 5].

О необходимости углубления и развития диалога между восточной и западной ветвями русской эмиграции в своей статье «Отклик из Парижа» рассуждает поэт дальневосточной эмиграции Сергей Сергин. Называя среди главных целей деятельности эмигрантов «осознание единства, духовной спаянности», он подчеркивает, что именно этого не хватало многим русским начинаниям на Дальнем Востоке: «Не желая вариться в собственном соку, топтаться на одном месте», чураевцы искали пути единения «с основным руслом русской эмиграции», с русскими эмигрантами Парижа [27. С. 4].

В ответ на отправленное в феврале 1934 г. письмо Ю. Мандельштаму, председателю объединения русских писателей и поэтов в Париже, «Чураевка» к маю получила отклик. Этот ответ отчасти разрушает ошибочное представление дальневосточников о, якобы, благополучии русских эмигрантов в Париже, знакомит с непростыми реалиями жизни русской эмиграции в Европе, где создалось «почти безвыходное положение – поэты пишут, а выпустить сборника своих стихов не имеют возможности, а если эта трудность преодолена, то встаёт другая – нет рынка, книг не покупают. Поэтому сейчас пишут только те, кто решили в душе, что они ДОЛЖНЫ писать, эти смельчаки готовы преодолеть все

трудности, а колеблющиеся отсеиваются» [27. С. 4]. Констатируя как факт «известное затишье» в литературной жизни русских эмигрантов в Париже, С. Сергин отмечает, что Ю. Мандельштам, проявляя упорство и настойчивость в решении стоящей перед русской эмиграцией задачи развития Русского мира, «старается выбиться из полосы штиля» [27. С. 4]. Понимание общности переживаемых трудностей обеими ветвями эмиграции способствовало консолидации, укреплению морального духа, осознанию трудностей как временных, требующих новых, еще больших усилий к их преодолению. В этом важном и необходимом для жизни и творчества русских эмигрантов деле литературная газета «Чураевка» выполняла важную и нужную работу, способствуя поиску профессиональных решений возникающих проблем, ставя во главу угла национально-культурные интересы России.

Главной темой этих изданий на всем протяжении существования оставалась тема русской словесной культуры и литературы в ее тесной связи с Россией, как самой конструктивной и важной в дискурсе русской эмиграции Дальнего Востока. Редакционная статья, очеркистика и публицистика, художественная проза и поэзия сформировали уникальное богатство, непреходящую ценность контента этих изданий. Тема искусства, выполняющего культууроформирующую функцию, заключающего в себе неразрывный синтез добра и красоты, определяла основу профессиональной идеологии в работе редакции и творческие приоритеты авторов литературной газеты «Чураевка», способствовала консолидации русских эмигрантов на основе приверженности идеалам русской национальной культуры.

Заключение

Проанализированный в данной статье богатый профессиональный опыт литературно-критического и публицистического контента эмигрантской литературной газеты «Чураевка» и предшествовавшего ей приложения сохраняет свое высокое профессиональное и воспитательное значение в силу своей высокой историко-культурной, аксиологической значимости.

История формирования профессиональной идеологии издания, принципов деятельности литературной газеты «Чураевка», периодического печатного издания русских эмигрантов в Харбине, в контексте ее концептуального названия, заключающего в себе национальный культурный код, актуализирует высокую философско-эстетическую значимость

и ценность комплекса дискурсивных процессов по сохранению и развитию традиций русской национальной словесной культуры в условиях эмиграции.

Приверженность редакционной политики этого издания историческим национальным и культурным корням усиливалась консолидацией общекультурного потенциала русских диаспор, дополнялась конструктивным диалогом с культурой Востока, сохраняя свою открытость миру.

Дискурсивные поиски эмигрантской литературной газеты «Чураевка» и предшествовавшего ей приложения, обусловленные комплексом объективных факторов (физическая и моральная оторванность от России, жизнь в окружении чужого языка и другой культуры) и субъективных обстоятельств (продуктивный настрой эмигрантов на служение России посредством консолидации национально-культурных сил), аккумулируют в себе ценный и продуктивный опыт, отражают сложное, вместе с тем поступательное развитие отечественной журналистики XX столетия.

Список источников

1. Ерофеева И.В. Аксиосфера современных СМИ: специфика и компоненты конструирования // Вестник ВолГУ. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. 2009. С. 132–140.
2. Темникова Л.Б. К вопросу о типологии медиадискурса // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 119 (05). С. 1–13.
3. Уварова Е.А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 47–54.
4. Десятов В.В. Г.Д. Гребенщиков: Забытый классик // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 5–18.
5. Горбенко А.Ю. К механизмам жизнестроительства Георгия Гребенщикова: Чураевка как реплика скита Сергия Радонежского // Вестник Кемер. гос. ун-та. 2015. № 4-3 (64). С. 193–197.
6. Санникова А.А. Чураевка как идеал русской общины (культурно-просветительская деятельность Г.Д. Гребенщикова) // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. Барнаул, 2006. С. 18–28.
7. Шаохуа Д. Харбинская «Чураевка» // Рубеж : Тихоокеанский альманах. Владивосток : Рубеж (В), 2003. С. 219–228.
8. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии : Монография. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. 340 с.
9. Забияко А.А., Забияко А.П., Леошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
10. Якимова С.И. Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока как поликультурное пространство // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 4. С. 26–42.

11. Якимова С.И. Литературно-художественная критика русского зарубежья Дальнего Востока в историко-культурном контексте. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 213 с.
12. Якимова С.И. Дискурсы русского зарубежья Дальнего Востока. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2024. 177 с.
13. Чураевка. Харбин. 1933. № 4. С. 3.
14. Крузенштерн-Петерсц Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С. 25–83.
15. Гребенщиков Г.Д. Гонец: Письма с Помпеяга. Сотбери : Изд-во Алатас, 1928. 188 с.
16. Гребенщиков Г.Д. Вечер у Шаляпина // Рубеж. Харбин. 1929. № 23. С. 11–13.
17. Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений: В 6 т. Барнаул : Издательский дом «Барнаул», 2013.
18. Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 214 с.
19. Этимологический словарь Фасмера. <https://www.slovorod.ru/slavic-roots/osl-ch.html> (дата обращения: 02.10.2024).
20. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 02.10.2024).
21. «Полно охватить всю сибирскую Русь»: «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира. Предисловие и публикация В.А. Росова // Новый журнал. Нью-Йорк. 2009. № 256. С. 239–263. <http://www.aryavest.com/work.php?workid=16> (дата обращения: 22.09.2024).
22. Перед началом: Передовая статья // Молодая Чураевка. Харбин. 1932. № 36. С. 1.
23. Несмелов Арс. О творческом процессе // Молодая Чураевка : еженедельное приложение к газете «Харбинские ежедневные новости». 1932. № 6. С. 1.
24. Н. Щ. (Николай Щёголев). О детективных романах // Молодая Чураевка : еженедельное приложение к газете «Харбинские ежедневные новости». Харбин. 1932. № 6. С. 1.
25. Н. З-ов. Числа IX. Париж // Чураевка. Харбин. 1933. № 4 (10). С. 4.
26. Сигма. Чураевка в «Числах» // Чураевка: литературная газета кружка искусств, науки и литературы «Чураевка» Х.С.М.Л. в Харбине. 1934. № 8 (14). С. 5.
27. Сергин С. Отклик из Парижа // Чураевка: литературная газета кружка искусств, науки и литературы «Чураевка» Х.С.М.Л. в Харбине. 1934. № 6 (12). С. 4.

References

1. Erofeeva, I.V. (2009) Aksiosfera sovremennykh SMI: spetsifika i komponenty konstruirovaniya [The axiosphere of contemporary media: specificity and components of construction]. *Vestnik VolGU. Seriya 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 8. pp. 132–140.
2. Temnikova, L.B. (2016) K voprosu o tipologii mediadiskursa [On the typology of media discourse]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. 119(05). pp. 1–13.
3. Uvarova, E.A. (2015) Mediatekst i mediadiskurs: k probleme sootnosheniya ponyatiy [Media text and media discourse: on their conceptual correlation]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika*. 5. pp. 47–54.

4. Desyatov, V.V. (2018) Grebenshchikov: Zabytyy klassik [George D. Grebenstchikoff: A forgotten classic]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. 1. pp. 5–18.
5. Gorbenko, A.Yu. (2015) K mekhanizmam zhiznestroitel'stva Georgiya Grebenshchikova: Churayevka kak replika skita Sergiya Radonezhskogo [On the mechanisms of George D. Grebenstchikoff's life-building: Churaevka as a replica of Sergius of Radonezh's skete]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–3(64). pp. 193–197.
6. Sannikova, A.A. (2006) Churayevka kak ideal russkoy obshchiny (kul'turno-prosvetitel'skaya deyatelnost' G.D. Grebenshchikova) [Churaevka as an ideal of the Russian community (George D. Grebenstchikoff's cultural and educational activities)]. In: Chernyaeva, T.G. (ed.) *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Altai text in Russian culture]. Vol. 3. Barnaul: Altai State University. pp. 18–28.
7. Shaokhua, D. (2003) Kharbinskaya "Churayevka" [The Harbin "Churaevka"]. In: Kolesov, A.V. (ed.) *Rubezh: Tikhookeanskiy Almanakh* [Rubezh: Pacific Almanac]. Vladivostok: Rubezh. pp. 219–228.
8. Zabayako, A.A. & Efendieva, G.V. (2009) *Mezh dvukh mirov: Russkie pisateli v Man'chzhurii* [Between Two Worlds: Russian Writers in Manchuria]. Blagoveshchensk: Amur State University.
9. Zabayako, A.A., Zabayako, A.P., Levoshko, S.S. & Khisamutdinov, A.A. (2015) *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [The Russian Harbin: Life-building in the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk: Amur State University.
10. Yakimova, S.I. (2015) Literatura i zhurnalistka russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka kak polikul'turnoye prostranstvo [Literature and journalists of Russian diaspora in the Far East as a multicultural space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 4. pp. 26–42.
11. Yakimova, S.I. (2016) *Literaturno-khudozhestvennaya kritika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v istoriko-kul'turnom kontekste* [Literary and artistic criticism of the Russian diaspora in the Far East in the historical and cultural context]. Khabarovsk: The Pacific State University.
12. Yakimova, S.I. (2024) *Diskursy russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka* [Discourses of Russian diaspora in the Far East]. Khabarovsk: The Pacific state University.
13. *Churaevka*. (1933) 4. p. 3.
14. Kruzenshtern-Peterets, Yu.V. (1998) Vospominaniya [Memories]. *Rossiyanе v Azii*. 5. pp. 25–83.
15. Grebenstchikoff, G.D. (1928) *Gonets: pis'ma s Pomperaga* [The Messenger: Letters from Pomperag]. Sotberi: Alatas.
16. Grebenstchikoff, G.D. (1929) Veчер u Shalyapina [An Evening at Chaliapin's]. *Rubezh*. 23. pp. 11–13.
17. Grebenstchikoff, G.D. (2013) *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Barnaul: Barnaul.
18. Grebenstchikoff, G.D. (2002) *Moya Sibir'* [My Siberia]. Barnaul: Altai State University.
19. Vasmer, M. (ed.) (n.d.) *Etimologicheskij slovar' Fasmera* [Vasmer's Etymological Dictionary]. [Online] Available from: <https://www.slovorod.ru/slavic-roots/osl-ch.html> (Accessed: 10th May 2024).

20. Efremova, T.F. (n.d.) *Tolkovyy online-slovar' russkogo yazyka* [Explanatory online dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (Accessed: 10th May 2024).
21. Rosov, V.A. (ed.) (2009) "Polno okhvatit' vsyu sibirskuyu Rus'": "Molodaya Churaevka" v pis'makh Georgiya Grebenshchikova i Alekseya Achaira ["To Fully Embrace All of Siberian Rus'": "Young Churaevka" in the Letters of George Grebenshchikoff and Alexey Achair.]. *Novyy zhurnal*. 256. pp. 239–263.
22. Anon. (1932) *Pered nachalom: Peredovaya stat'ya* [Before we begin: Editorial]. *Molodaya Churaevka*. 36. p. 1.
23. Nesmelov, Ars. (1932) O tvorcheskom protsesse [About the creative process]. *Molodaya Churaevka*. 6. p. 1.
24. N. Shch. (Shchegolev, N.) (1932) O detektivnykh romanakh [About detective novels]. *Molodaya Churaevka*. 68. p. 1.
25. N. Z-ov. (1933) Chisla IX. Parizh [Numbers IX. Paris]. *Churaevka*. 4(10). p. 4.
26. Sigma. (1934) Churaevka v "Chislakh" [Churaevka in "Numbers"]. *Churaevka*. 8(14). p. 5.
27. Sergin, S. (1934) Otklik iz Parizha [Response from Paris]. *Churaevka*. 6(12). p. 4.

Сведения об авторах:

Якимова Светлана Ивановна – доктор филологических наук, профессор высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия). E-mail: 005563@togudv.ru

Бабкина Екатерина Сергеевна – доктор филологических наук, директор института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия). E-mail: 006007@pnu.edu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Svetlana I. Yakimova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Pacific National University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: 005563@togudv.ru

Ekaterina S. Babkina, Dr. Sci. (Philology), Director of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications, Pacific National University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: 006007@pnu.edu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 14.04.2025*

*The article was submitted 10.12.2024;
approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication 14.04.2025*

Научная статья
УДК 81.33
doi: 10.17223/23062061/38/2

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ ТЕКСТОВ ЖАНРА «ВИРТУАЛЬНАЯ ЭКСКУРСИЯ ПО МУЗЕЮ» (НА МАТЕРИАЛЕ ВИРТУАЛЬНОГО ВИЗИТА В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ)

Анастасия Владимировна Колмогорова¹,
Елизавета Романовна Куликова²,
Полина Алексеевна Колмогорова³

^{1,2,3} *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

¹ *akolmogorova@hse.ru*

² *kulikova.e.r@hse.ru*

³ *kolmogorovapa@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу метрик лингвистической сложности текстов Виртуального визита по Главному музейному комплексу Государственного Эрмитажа, размещенного на сайте музея. Цель исследования – определить, в какой мере лингвистические характеристики данных текстов коррелируют с признаками виртуальной экскурсии по музею как речевого жанра. В результате исследования сделан вывод о том, что базовые лингвистические метрики текстов Виртуального визита соответствуют большинству признаков жанра виртуальной экскурсии по музею, за исключением признака «аргументативность»; на уровне синтаксиса и морфологии данные тексты обнаруживают больше сходств с массмедийными текстами об искусстве, чем с научными искусствоведческими.

Ключевые слова: лингвистическая сложность текста, музей, научные искусствоведческие тексты, массмедийные тексты об искусстве, Виртуальный визит по Эрмитажу, речевой жанр, культурное наследие

Благодарности. Публикация подготовлена в результате проведения исследования по проекту № 24-00-033 «Экспериментальное изучение и моделирование когнитивных механизмов речевой деятельности» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2025 г.

Для цитирования: Колмогорова А.В., Куликова Е.Р., Колмогорова П.А. Лингвистическая сложность текстов жанра «виртуальная экскурсия по музею» (на материале Виртуального визита в Государственный Эрмитаж) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 29–54. doi: 10.17223/23062061/38/2

Original article

THE LINGUISTIC COMPLEXITY OF TEXTS OF THE "VIRTUAL MUSEUM TOUR" GENRE (BASED ON THE MATERIAL OF A VIRTUAL VISIT TO THE STATE HERMITAGE MUSEUM)

Anastasia V. Kolmogorova¹, Elizaveta R. Kulikova²,
Polina A. Kolmogorova³

^{1, 2, 3} *National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *akolmogorova@hse.ru*

² *kulikova.e.r@hse.ru*

³ *kolmogorovapa@gmail.com*

Abstract. The article discusses the linguistic features of the texts of the virtual visit to the State Hermitage Museum, available on its official website. The aim of the study is to analyze the set of lexical, morphological, syntactic and discursive metrics of the linguistic complexity of these texts in comparison with the same metrics of scientific art history texts and mass media texts about art to answer the question of whether the level of complexity of the text content of a virtual excursion corresponds to the expectations that the frame of the speech genre "virtual excursion" forms – to be informative and, at the same time, attractive and uncomplicated. The research material consisted of 3 corpora: a corpus of virtual visit texts with a total volume of 169,223 tokens; a corpus of scientific articles on art history – 187,695 tokens, a corpus of mass media texts about art – 186,123 tokens. The research methodology included (1) description of the speech genre "virtual museum tour", its genre features, (2) calculation of the values of 132 metrics of linguistic complexity of texts from three subcorpora using a computer model, (3) identifying the specific features of "Hermitage" texts in comparison with the two other text subcorpora, (4) analysis of the correlation of specific features with the characteristics of the speech genre of virtual excursion. The analysis of text linguistic complexity metrics showed that the texts of the virtual visit to the Hermitage differ from both text corpora in comparison at the level of their basic metrics that are not closely related to one or another level of the language system: sentence length, indexes of lexical diversity, the presence of numeric symbols, high nominativity index, and low verballity index, which results in a number of grammatical text properties. The "Hermitage" texts approach mass media texts mainly at the level of morphology and syntax, and with scientific texts they only have in common a rather high value of the proportion of long words. Comparing the specifics identified at the level of linguistic complexity metrics with the characteristics of the "virtual excursion" speech genre, we determined that there is a correspondence between the metrics and such characteristics of the genre as descriptiveness, informativeness, linguistic simplicity, and non-banality of the communicative style. At the same

time, it was found that the texts practically do not contain verbal means contributing to the realization of such genre feature as "argumentativeness": the proportion of speech markers of persistence, deictic means of ensuring coherence of discourse, etc. is generally very low. The prospect of research is an experimental study of the difficulty of such texts for the reader's perception.

Keywords: linguistic complexity of text, museum, scientific art criticism, mass media texts about art, Virtual Tour of the Hermitage, speech genre, cultural heritage

Acknowledgments: The publication was prepared as a result of research on project No. 24-00-033 "Experimental study and modeling of cognitive mechanisms of speech activity" within the framework of the Program "Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE University)" in 2025.

For citation: Kolmogorova, A.V., Kulikova, E.R. & Kolmogorova, P.A. (2025) The linguistic complexity of texts of the "virtual museum tour" genre (based on the material of a virtual visit to the State Hermitage Museum). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 38. pp. 29–54. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/38/2

Введение

Многие культурные институции сегодня ставят перед собой задачу популяризации искусства и повышения доступности культурного наследия для разных социальных групп. Одним из способов добиться подобного результата является цифровизация музеев и музейных экспозиций. Термин «клиенториентированность» стал уместным и в отношении музейных институций [1]: цифровизация музейных продуктов и услуг становится условием привлечения посетителей и обеспечения их комфортного и интересного пребывания в музее. Тот же вектор задает и государство. Так, в паспорте Национального проекта «Культура» [2] на период с 2018 по 2024 г. сформулирован целевой показатель «увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в 5 раз».

В этой связи актуальным становится вопрос о том, каких изменений в типичных практиках взаимодействия музея и посетителя потребует подобная трансформация. Ведь основная функция сотрудников музея, например, в сфере экскурсионно-образовательной деятельности – служить своеобразным медиатором между шедеврами мировой культуры и миром повседневности, из которого приходит обычный посетитель музейной экспозиции. Как отмечают С. Харрисон и П. Вуд, «устный или письменный процесс аналитического и вдумчивого рассуждения об искусстве можно сравнивать с надеванием одежды на привидение с той целью, чтобы другие могли его увидеть» [3. С. 1].

Если в классическом музее фигура такого медиатора вполне реальна – экскурсовод рассказывает харизматично, увлекательно, владея своим голосом, мимикой, речью, ему можно задавать вопросы – то в случае цифровой среды эстафету аттрактивности и адаптивности должен принять текст, например, на сайте музея, в приложении и т. д. Аттрактивность и несложность для восприятия и понимания становятся тем более важными чертами цифровой текстовой музейной среды в силу того, что пользователи привыкли потреблять именно такой цифровой контент. В музейной же практике каноническим текстовым жанром является так называемый искусствоведческий текст, сочетающий черты письменности, научности, включающий терминологию и сложную критическую рефлексию. Возникает некоторая коллизия: вливаясь в категорию цифрового контента и пытаясь сохранить свою медиативную функцию, текстовое сопровождение «новых» музейных практик должно отвечать требованиям лингвистической «несложности», однако оно зачастую попадает под инерционное влияние складывавшейся годами сложной стилистики научных искусствоведческих текстов.

В данной статье мы помещаем в зону нашего исследовательского интереса тексты Виртуального визита в Государственный Эрмитаж, размещенного на официальном сайте музея. Они будут рассмотрены на фоне двух жанровых полюсов своеобразной «шкалы» искусствоведческих текстов: научных искусствоведческих текстов и массмедийных текстов об искусстве. Цель исследования – проанализировав совокупность лексических, морфологических, синтаксических и дискурсивных метрик лингвистической сложности данных текстов в сравнении с метриками научных искусствоведческих текстов и массмедийных текстов об искусстве, ответить на вопрос о том, соответствует ли уровень сложности текстового контента виртуальной экскурсии тем ожиданиям, которые формирует рамка речевого жанра «виртуальная экскурсия» – быть информативным и, одновременно, привлекательным и несложным.

Понятие лингвистической сложности текста

Измерение сложности текста представляет собой междисциплинарную проблему как с точки зрения используемых методов (экспертный лингвистический анализ, статистические и компьютерные методы), так и с точки зрения применения полученных результатов. Исследования в данной области зачастую являются практико-ориентированными: запрос на измерение сложности текстов существует в юриспруденции [4], лингводидактике [5], медицине [6] и других сферах.

Стоит отметить, что ввиду многообразия подходов к данному вопросу существует неоднозначность в использовании трех понятий – трудность, сложность и читабельность текста. С опорой на мнения ряда отечественных исследователей [7, 8 и др.] дифференцировать эти понятия можно следующим образом.

Сложность текста рассматривается как объективная величина, которая может быть измерена на основе специально подобранных дескриптивных параметров. Такие параметры многочисленны. Наиболее базовыми из них являются количество слов в тексте, средняя длина предложения в словах, средняя длина слова в буквах и аналогичные, исключительно количественные критерии, которые были предложены на ранних этапах разработки проблемы. В ходе исследований на материале текстов разных стилей и жанров набор метрик был значительно расширен: в качестве предикторов сложности стали рассматриваться частотность используемой лексики [9], лексическая плотность [10], соотношение слов с конкретным и абстрактным значением, количество специальных терминов [11] и многие другие критерии. При оценке сложности часто прибегают к использованию формул читабельности (удобочитаемости). Это математические формулы, отражающие линейную зависимость сложности текста от его количественных характеристик. Значения индексов читабельности, как правило, интерпретируются в соответствии с возрастом читателя или количеством лет образования, необходимым для беспрепятственного чтения текста. Такие формулы языкоспецифичны: многие были созданы на материале английского языка, а затем адаптированы для других языков. Так, например, для русского языка формула Флеша–Кинкейда была скорректирована в исследовании И.В. Оборновой [12].

Таким образом, оценка сложности основывается на чисто лингвистическом подходе, при этом из поля нашего внимания исключается фактор языковой личности читателя как субъекта восприятия текста. Однако, как отмечает М.И. Солнышкина, «только включение читателя, а также процессов восприятия и понимания в объект исследования позволяет осуществить комплексную и всеобъемлющую оценку сложности текста» [13. С. 20]. В тех случаях, когда анализ осуществляется с учетом фоновых знаний, языковых навыков и когнитивных особенностей читателя или группы читателей, говорят об оценке трудности текста как более субъективной, чем сложность, категории.

Безусловно, данные два понятия взаимосвязаны: трудность текстового материала во многом определяется именно его сложностью, выраженной в показателях объективных параметров. Однако предопределять

трудность текста для разных групп читателей будут разные объективные текстовые характеристики. Так, для одной группы важным критерием сложности окажется терминологическая плотность, а для другой – длина предложения. В связи с этим измерение сложности и трудности текстов конкретного типа (учебных, юридических, медицинских, искусствоведческих) можно рассматривать как последовательные этапы: сначала выявляются общелингвистические, объективные предикторы сложности, которые затем уточняются в контексте триады «читатель–чтение–текст». С учетом такого подхода к обсуждаемым понятиям, данная работа посвящена изучению лингвистической сложности текстов, сопровождающих Виртуальный визит в Главный музейный комплекс Государственного Эрмитажа, с точки зрения соответствия метрик сложности характеристикам виртуальной экскурсии как жанра.

Жанровая специфика текстов Виртуального визита в Государственный Эрмитаж

Виртуальная экскурсия – это относительно новый жанр взаимодействия музея и посетителя. Л.Ю. Щипицина так определяет суть жанра: это любой вид представления экскурсионного объекта, опосредованный цифровыми устройствами и средствами связи и имеющий в качестве прагматической цели знакомство аудитории с новым для нее объектом показа, а также характеризующийся физической разобщенностью участников экскурсии, которые находятся на удалении от показываемого объекта и не могут воспринимать его собственными органами чувств [14. С. 236–238]. Тем не менее, виртуальные туры, несмотря на опосредованность восприятия цифровыми технологиями, позволяют посетителям музеев одновременно сформировать в своем когнитивном опыте полноценные симметричные когнитивный и аффективный образы культурных объектов, что не всегда достижимо в ситуации реального визита [15, 16]. В ходе виртуального визита посетитель «погружается» в новые локации, может, не торопясь и не стесняясь, обойти все интересные экспонаты, рассмотреть их, прочитать информацию о них, если нужно, то несколько раз. В ситуации реального визита данные эвристические действия (рассмотреть, узнать новое, вспомнить известную информацию, осмыслить полученное впечатление) могут быть затруднены большим скоплением людей, нехваткой времени, присутствием зрителей и т. д.

Совершить виртуальное путешествие по Государственному Эрмитажу посетитель официального сайта музея может, кликнув на вкладку

«Виртуальный визит» (<https://pano.hermitagemuseum.org/3d/html/pwoa/main>). Пользователь попадает на страницу, где представлены иконки для каждого составляющего Эрмитаж музейного комплекса, его галерей и выставочных центров, а также проектов – всего 6 зданий и 300 локаций. Кликнув на соответствующую иконку, виртуальный посетитель попадает на страницу, где представлен план музейного помещения, на котором обозначены основные его элементы: залы, переходы, лестницы. Нажав на название элемента музейного комплекса, посетитель получает на экране 3D-изображение помещения. При помощи специальных кнопок можно увеличивать и удалять изображение, двигаться по нему в том или ином направлении, а при нажатии значка «Информация» появляется всплывающее окно, которое содержит текст-описание помещения (рис. 1) или краткую характеристику экспоната (рис. 2). Материал нашего исследования составили только тексты первого типа.

Таким образом, если применить к данному типу текстовой продукции известную «анкету» речевого жанра Т.В. Шмелевой [17], то получается нижеследующая характеристика жанра «Виртуальный визит в музей»:

Коммуникативная цель – создание у посетителя привлекательного аффективного и насыщенного когнитивного образа объекта культурного наследия (экспозиции, музея).

Образ автора – специалист в области искусствоведения, выступающий в роли медиатора между высокой эстетикой культурного наследия и посетителем, имеющим, как правило, достаточно поверхностные, базовые знания об искусстве.

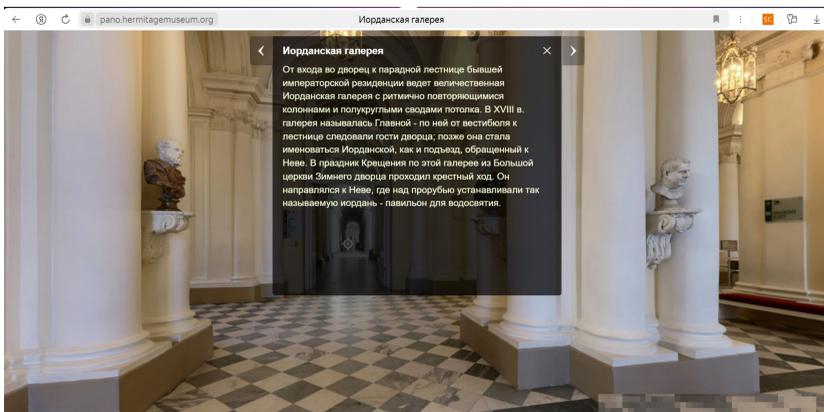

Рис. 1. Скриншот экрана Виртуального визита по Государственному Эрмитажу с всплывающим окном – текстовым описанием музейной локации

Рис. 2. Скриншот экрана Виртуального визита по Государственному Эрмитажу с всплывающим окном – текстовым описанием музейного экспоната

Образ адресата – человек, не имеющий специальных искусствоведческих знаний, погруженный в собственную повседневность, но заинтересованный данным музейным комплексом и имеющий некоторое, как правило, небольшое, количество свободного времени, доступ к электронному устройству (компьютеру или смартфону) и сети Интернет.

Образ будущего складывается из того, какое решение примет виртуальный посетитель музея – купить билет и прийти в локации в реальном времени и пространстве или не делать этого.

Образ прошлого формируется под влиянием двух факторов: опыт посещения музейных объектов в реальной жизни посетителя и опыт его взаимодействия с цифровой средой в целом, в том числе характер цифрового контента, ставшего привычным: социальные сети, рекомендательные платформы, маркетплейсы, компьютерные игры.

Диктумное содержание жанра очерчивается схемой описания того, что видит посетитель, находясь в локации.

Отметим, что указанные выше характеристики жанра сформулированы нами как результат обсуждений с коллегами из Государственного Эрмитажа, в частности, работающих с Цифровой коллекцией музея, относительно того, какими они видят цель виртуальной экскурсии, ее потенциального посетителя и других условий бытования жанра. Иными словами, это своего рода проект жанровых ожиданий музейных работ-

ников в том числе. При этом проверить, насколько текстовая реальность близка к данным ожиданиям, было поручено нам, лингвистам.

Исходя из вышеуказанных жанровых характеристик, мы можем сформулировать некоторые ожидания: какими лингвистическими характеристиками должен обладать текст, обрамленный в такую жанровую рамку. Перечислим их:

– дескриптивность, наличие дейктиков и других способов реализации категории референтности (диктумное содержание – описание локации);

– информативность (коммуникативная цель – создать насыщенный когнитивный образ культурного объекта);

– черты скрытого аргументатива: сравнительные конструкции, лексические единицы с семантикой оценочности, средства выражения модальных значений, маркеры персуазивности (образ будущего – создаются условия для прихода посетителя в музей; образ адресата – человек, заинтересовавшийся искусством, мотивацию которого нужно поддерживать);

– лингвистическая несложность: недлинные предложения и слова, отсутствие сложных синтаксических конструкций и перечислений (образ прошлого: посетитель – опытный потребитель цифрового контента);

– небанальность коммуникативного стиля, его некоторая «эксклюзивность»: использование редких лексических единиц, отсутствие разговорной лексики и сленгизмов (образ адресанта – медиатор между областью высокого искусства и повседневностью);

– эмоциональность: наличие эмотивов, прецедентных феноменов, средств создания образности (коммуникативная цель – создать аффективно-насыщенный образ музейного объекта).

Мы постараемся проверить, соответствует ли корпус текстов, взятых со страницы Виртуального визита, данным лингвистическим ожиданиям, обусловленным их жанром. Для этого мы посчитаем значения 132 лингвистических метрик, используемых для оценки лингвистической сложности текста, в трех подкорпусах: текстах со страницы Виртуального визита, научных искусствоведческих текстах, массмедийных текстах об искусстве. Сопоставление значений метрик поможет нам лучше увидеть специфику текстов виртуальной экскурсии и сделать выводы о том, насколько они соответствуют с точки зрения выбора языковых средств поставленной жанровой задаче.

Материал и методы

Материал исследования составили три корпуса. Первый корпус, анализ которого является основной зоной нашего интереса, – это собранная нами коллекция текстов, сопровождающих Виртуальный визит по Главному музейному комплексу Государственного Эрмитажа [18]. Корпус включает 886 текстов общим объемом 169,223 токена. Два других корпуса используются для сравнительно-сопоставительного анализа: это корпус научных статей по искусствоведению и корпус массмедийных текстов об искусстве. Научный корпус сформирован нами из находящихся в открытом доступе 50 статей из разделов «Теория и история искусства», «Виды искусства», «Декоративно-прикладное искусство» из журналов «Манускрипт» и «Культура и искусство». Объем корпуса – 187,695 токенов. Набор массмедийных текстов сформирован из текстов, опубликованных на сайте газеты «Новости искусства» в рубриках «Новости», «Выставки» и «Музей будущего». Объем корпуса – 186,123 токена.

В выборе методики оценки сложности мы опираемся на исследование О.В. Блиновой и Н.А. Тарасова, проведенное на материале юридических текстов [19]. В наших текстах из трех подкорпусов оценивались 132 лингвистические метрики: их значения извлекались автоматически при помощи компьютерной модели, предложенной упомянутыми выше авторами [20], затем доработанной А.В. Марголиной [21]. В код модели нами были внесены дополнительные изменения, обусловленные объектом нашего исследования. Поскольку исходная модель О.В. Блиновой и Н.А. Тарасова была разработана для текстов юридического характера, в ней заложено измерение доли юридических терминов, что нерелевантно для нашей задачи, поэтому для оценки терминологической плотности текстов взамен словаря юридических терминов нами был использован словарь искусствоведческих терминов Российской академии художеств [22]. Таким образом, тексты каждого из трех подкорпусов подавались на вход модели, которая выдавала значения метрик.

Все оцениваемые параметры можно разделить на несколько групп (ниже приводим список групп с несколькими примерами):

- 1) базовые метрики: количество лемм, словоформ, букв, средняя длина предложений в словах;
- 2) формулы читабельности: адаптированный для русского языка индекс Флеша–Кинкейда, адаптированный SMOG;

3) частеречные показатели: доля глаголов, существительных, функциональных слов;

4) биграммные и триграммные метрики: доля биграмм, включающих различные комбинации частей речи;

5) частотность слов: доля слов, входящих в каждую из 9 групп лексем, разделенных на ранги на основе закона Ципфа;

6) морфологические параметры: доля словоформ в родительном падеже, доля существительных среднего рода;

7) лексические и семантические параметры: доля архаичных слов и выражений, доля абстрактных лемм;

8) синтаксические метрики: доля аппозитивных конструкций, доля составных (неоднословных) выражений;

9) метрики связности: количество повторов существительных в соседних предложениях, количество повторов граммем времени и вида у глаголов в личной форме (в соседних предложениях).

Для анализа полученных значений метрик использовался сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты

После получения значений всех метрик для каждого текста в каждом корпусе мы нормализовали абсолютные величины для тех метрик, которые не предусматривают нормализацию в рамках своей математической формулы, для того чтобы учесть разницу в количестве токенов в каждом из корпусов, и затем получили средние значения для всех метрик.

Специфические черты текстов Виртуального визита в Государственный Эрмитаж

Рассмотрим группу базовых метрик. В коллекции «эрмитажных» текстов отмечено наибольшее количество числовых символов (метрика N на рис. 3). Это связано с тем, что тексты, сопровождающие Виртуальный визит по Эрмитажу, знакомя посетителя с музейным объектом, фиксируют его внимание на датах создания объекта и годах жизни его автора, например:

1) *В витринах у окна представлены французский фаянс второй половины XVIII века в стиле рококо и предметы из десертного сервиза со сценами по гравюрам Жана Батиста Пиллемана (1728–1808)* (Виртуальный визит в Государственный Эрмитаж: Главный музейный комплекс).

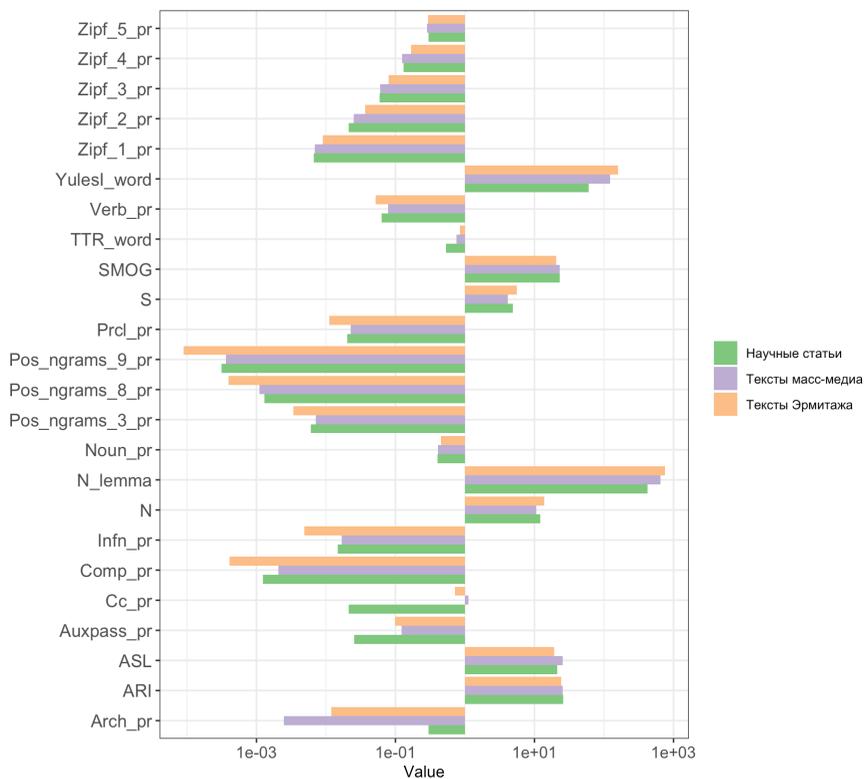

Рис. 3. Логарифмированная шкала значений метрик лингвистической сложности, специфичных для текстов Виртуального визита в Государственный Эрмитаж на фоне научных и искусствоведческих текстов

В приведенном примере (пр. 1) мы видим и порядковые, и количественные числительные, записанные как буквами, так и римскими и арабскими цифрами.

Тексты сайта Эрмитажа оказались самыми разнообразными с точки зрения используемого вокабуляра: если наибольшее количество словоформ имеют научные искусствоведческие тексты, то наибольшее количество лемм – тексты Виртуального визита (N_lemma : 750 против 420 у научных текстов, рис. 3), т. е. в «эрмитажных» текстах используется больше разных слов, чем словоформ одного и того же слова. Данное наблюдение коррелирует со значениями других метрик (см. ниже).

Что касается метрик удобочитаемости, то отдельного внимания заслуживает индекс Юла. Yule's I (Индекс Юла Ай) – это статистический показатель, который измеряет долю уникальных слов среди всех слов текста. Индекс Юла часто используется в анализе текстов для оценки лексического разнообразия [23]. Показатель этого индекса (YulesI_word, рис. 3) у «эрмитажных» текстов значительно превышает аналогичные показатели для словоформ и лемм у фоновых текстов: 158,6 (словоформы) / 82,4 (леммы) – у «эрмитажных»; 60,3 (словоформы) / 18,3 (леммы) – у «научных»; 123,3 (словоформы) / 56,8 (леммы) – у массмедийных. Подтверждает данную тенденцию и коэффициент лексического разнообразия TTR (Type Token Ratio) (рис. 3), представляющий собой отношение количества уникальных слов к общему количеству слов в тексте [24]: для «эрмитажных» текстов его значение, например, для словоформ составляет 0,85, в то время как для научных – 0,52, а для массмедийных – 0,74.

Данные метрики позволяют нам сделать вывод о том, что текст виртуальной экскурсии менее клиширован, чем текст массмедийный или научный, поскольку включает в себя номинации разнообразных предметов и характеристик коллекции, имена их авторов, названия используемых техник и материалов, локаций, архитектурных деталей. Ср. в нижеследующем предложении все леммы уникальны (пр. 2):

2) *От входа во дворец к парадной лестнице бывшей императорской резиденции ведет величественная Иорданская галерея с ритмично повторяющимися колоннами и полукруглыми сводами потолка* (Виртуальный визит в Государственный Эрмитаж: Главный музейный комплекс).

В метриках, предопределяющих удобочитаемость, например ASL (Average Sentence Length in Words) и S (Number of sentences per 100 word forms), хорошо заметно (рис. 3), что у текстов Виртуального визита при наибольшем значении количества предложений на 100 слов – 5 на фоне 4 в массмедийном и научном подкорпусах – наблюдается наименьшая длина предложения в словах (19, на фоне – 21 и 25 слов в фоновых подкорпусах). Иными словами, в целом в «эрмитажных» текстах используются более короткие предложения. Кроме того, тексты Виртуального визита имеют самые низкие из трех подкорпусов значения метрик удобочитаемости ARI и SMOG (рис. 3) – 20 на фоне 23 и 24 в других подкорпусах, что говорит о том, что они менее сложны для чтения.

Говоря о частеречных признаках, стоит отметить, что у «эрмитажных» текстов самые высокие значения индекса номинативности

(Noun_pr), пропорции полных причастий (Prtf_pr) и самые низкие значения индекса вербальности (Vrb_pr), пропорции инфинитивов (Inf_pr) (табл. 1). Представляется, что это связано с диктумной частью данного жанрового типа текстов – описание локаций и объектов, которое не требует частого использования глаголов.

Низкие же значения пропорций местоимений (Npro_pr), сравнительных конструкций (Comp_pr) и частиц (Prcl_pr) (табл. 1) обусловлены, по-видимому, слабой выраженностью в текстах виртуальной экскурсии категории персуазивности. Этим же фактом объясняется и то, что таким текстам в наименьшей степени свойственна модальность деонтической возможности и необходимости (Deont_pr): 0,004 на фоне 0,006 и 0,005 у научных и газетных текстов соответственно.

При анализе биграмм было обнаружено, что в текстах сайта Эрмитажа в наименьшей степени представлены биграммы типа «наречие + глагол» (ADVB + VERB – 0,0034), в то время как для публицистических и научных статей показатели данной метрики составляют 0,0060 и 0,0070 соответственно, а также биграмм типа «деепричастие + существительное» (GRND + NOUN) и «наречие + деепричастие» (ADVB + GRND). Данные метрики подтверждают наблюдения о том, что глагольность в целом мало выражена в текстах виртуальных экскурсий.

Нами отмечена интересная особенность текстов виртуальных экскурсий по Эрмитажу: значение метрики «пропорция слов текстового дейксиса, обеспечивающих связность», для текстов Эрмитажа – 0,0007 на фоне 0,141 и 0,001 для научных и газетных текстов соответственно. Аналогично и для метрики «доля вхождений элементов, служащих для сегментации дискурса и обеспечения связности»: для «эрмитажных» текстов она составляет 0,003 на фоне научных – 0,14 и массмедийных – 0,017.

Таблица 1

Значения частеречных метрик лингвистической сложности

Подкорпус/ метрика	Vrb_pr	Noun_pr	Prtf_pr	Npro_pr	Comp_pr	Inf_pr	Prcl_pr
Виртуальный визит	0,051	0,453	0,028	0,013	0,0004	0,004	0,011
Научные тексты	0,063	0,400	0,022	0,021	0,0012	0,014	0,020
Массмедиа	0,078	0,406	0,016	0,028	0,0020	0,016	0,022

Как мы увидим далее, отсутствие дейктиков в текстах виртуальной экскурсии компенсируется таким средством лексической связности, как повторы лексем в рамках сверхфразового единства, что сближает «эрмитажные» тексты и массмедийные тексты. Отсутствие дейктиков, возможно, объясняется и наличием информативного визуального компонента в текстах Виртуального визита.

Обратим внимание на характеристики, связанные с частотностью слов: для текстов оценивалась доля слов, входящих в один из девяти рангов, выделенных на основе закона Ципфа (где 0 – самые редкие, 8 – самые частотные слова языка). Так, значения пропорции слов низкой и средней частотности Zipf₁–Zipf₅ (рис. 3) для «эрмитажных» текстов оказались более высокими, чем в других подкорпусах, даже в научном. Представляется, что данная характеристика связана с уникальностью экспонатов коллекции, описание которых предполагает употребление редких лексем, номинирующих их детали, элементы.

Тексты Виртуального визита ожидаемо содержат наибольшую долю терминов из области искусствоведения: 0,249 на фоне 0,052 для научных и 0,196 для массмедийных текстов. Например, в нижеследующем отрывке (пр. 3) используются такие термины, как *десюдепорт* (декоративная композиция в интерьере, расположенная над дверным проёмом), *медальон*:

3) *В двери цветного дерева, над которыми располагаются живописные десюдепорты, вмонтированы расписные фарфоровые медальоны, в мраморные каминные вставлены мозаичные композиции* (Виртуальный визит в Государственный Эрмитаж: Главный музейный комплекс).

Что касается синтаксических метрик, то для «эрмитажных» текстов характерны самые высокие значения метрики «доля вхождений пассивного подлежащего главной или зависимой клаузы»: 0,438 на фоне 0,0256 для научных и 0,284 для массмедийных текстов. Подобная специфика текстов обусловлена тем, что экскурсии Эрмитажа строятся на описании непосредственно «от музейного объекта»: где он расположен, кем был создан, чем украшен (пр. 4):

4) У окна **расположен** беломраморный камин. На каминной полке – бронзовые часы с группой «Амур и Психея» (Санкт-Петербург, фабрика Феликса Шопена, XIX). Стол перед камином **создан** во Флоренции в 1873. Его подстолье **украшено** бронзовыми барельефами, столешница с изображением колесницы бога Аполлона и атрибутов девяти Муз **выполнена** в технике флорентийской мозаики. Две мозаичные картины «Храм Сивиллы в Тиволи и водопад» и «Грот в Тиволи» **исполнены** мас-

тером Дж. Раффаэлли в 1817 в технике римской мозаики (Виртуальный визит в Государственный Эрмитаж: Главный музейный комплекс).

Характеристики «эрмитажных» текстов, приближающие их к массмедийным текстам об искусстве

Остановимся на некоторых характеристиках, приближающих тексты Виртуального визита в Эрмитаж к массмедийным текстам. Более подробно схожие метрики будут представлены в табл. 2.

В целом массмедийные и тексты с сайта Эрмитажа близки друг к другу по большинству синтаксических метрик: оба корпуса не отягощены составными (неоднословными) выражениями (Compound_pr, рис. 4) – их доля имеет значение 0,00051 и 0,00012 соответственно; в то время как для научных текстов этот параметр более чем в 1000 раз больше – 0,1318. В обоих случаях также имеем долю клауз с элементами, трактуемыми как связочные (Cor_pr, рис. 4), ниже чем 0,08, в то время как та же метрика у научных текстов была оценена моделью в 0,2.

Паратаксис и парафраз измеряются метрикой Parataxis_pr. Для научных текстов эта метрика оказалась значительно ниже (0,0596), чем для «эрмитажных» и публицистических текстов (0,3913 и 0,512 соответственно).

Среди синтаксических метрик обращает на себя внимание метрика «доля союзов, связанных с конъюнктами синтаксическим отношением "сс" (координация)» (Cc_pr, рис. 3): наибольшие значения метрика демонстрирует в текстах массмедийного подкорпуса – 1,13, «эрмитажные» тексты имеют близкое значение – 0,7208, в то время как для научных текстов сочинительная связь оказалась нехарактерна – 0,0211. Полагаем, что подобное распределение значений метрик связано с большей дескриптивностью массмедийных и «эрмитажных» текстов по сравнению с научными, поскольку у последних преобладает аргументативная составляющая.

В обоих типах текстов преобладают словоформы дательного (datv, рис. 4) и именительного падежа (nomn, рис. 4), которые призваны отобразить типичную ситуацию социального взаимодействия, где есть соответственно бенефициар и агентс (напр. *император заказал эту картину известному художнику*), а также глаголы несовершенного вида (Impf_pr, рис. 4). Последнее наблюдение довольно неожиданно, но обращение непосредственно к текстовым данным показало, что в массмедийных материалах об искусстве нередко подчеркивается ритуаль-

ность определенных художественных практик (*художник всегда ставил на своих картинах...*), а в «эрмитажных» текстах – типичность использованных техник изготовления чего-либо или способов использования интерьеров (*для балов лестницы украшали цветами...*). Одновременно глаголы в форме будущего времени (Futr_pr, рис. 4) совершенно нехарактерны – «эрмитажные» тексты описывают музейную коллекцию и ее историю, а тексты медиа рассказывают о недавних событиях в мире культуры и новых именах. В текстах обоих жанров относительно редко используются формы настоящего времени (в отличие от текстов научных): доля данных глагольных форм (Pres_pr, рис. 4) составляет 0,03 в обоих подкорпусах; для сравнения в научных текстах по искусствоведческой проблематике – 0,14.

Интересно, что и в публицистических, и в «эрмитажных» текстах велика доля абстрактных лемм (0,04). Так, абстрактные леммы включают в себя слова, которые обозначают идеи, концепции, чувства, состояния, названия категорий объектов, их типов и жанров. Сравним два предложения – из текста виртуальной экскурсии и из статьи электронных медиа:

5) *В начале XVII века в Италии возникло и получило развитие направление, известное как болонский академизм* (Виртуальный визит в Государственный Эрмитаж: Главный музейный комплекс);

6) *Они были модернистами по самоощущению и работали вместе, чтобы создать новый художественный текст, язык со своим специфическим грамматическим синтаксисом* (Новости искусства, «Премьера авангарда из Узбекистана на мировой сцене проходит во Флоренции и Венеции»).

Полужирным шрифтом (пр. 5, 6) выделены лексические единицы абстрактной семантики: названия типов объектов искусства, направлений в искусстве, эпох и традиций. Как видим, фрагмент публицистического текста также изобилует лексемами абстрактного характера, обозначающими различные временные, модальные, категориальные отношения, типы явлений, действий и решений.

«Эрмитажные» и массмедийные тексты также близки по метрике, оценивающей количество повторов существительных в соседних предложениях (0,3913 и 0,3826 соответственно; Cohes_1, рис. 4). Иными словами, лексическая связность в текстах Эрмитажа выше, чем в научных искусствоведческих текстах. В нижеследующем фрагменте хорошо прослеживаются лексические повторы (пр. 7: *зал, концертный зал, ярус, колонны, ярус*).

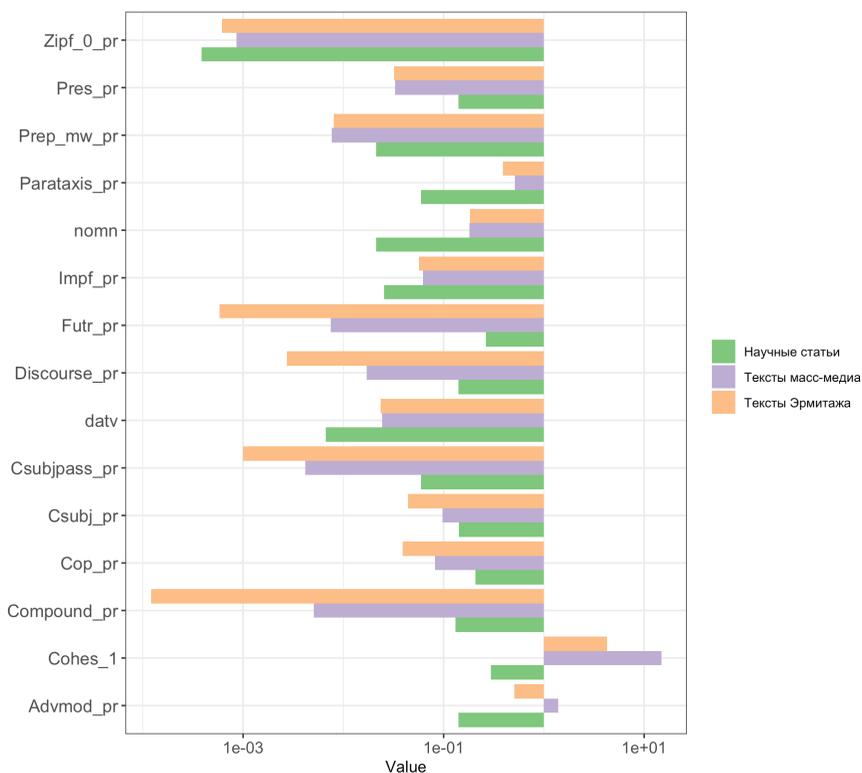

Рис. 4. Логарифмированная шкала значений метрик лингвистической сложности, значения которых близки у «эрмитажных» и массмедийных текстов

7) Ансамбль Невской анфилады замыкает **Концертный зал**. Он был создан на месте расстрелиевского Аванзала. После пожара П. Стасов восстановил это помещение почти без изменений. Антаблемент с сильно вынесенным карнизом делит зал по высоте на два яруса. Стены первого яруса украшают трехчетвертные колонны коринфского ордера, увенчанные статуями муз. Живопись на падугах и потолке, имитирующая лепку, с изображениями атрибутов искусства и аллегорических фигур, близка по тематике скульптурному оформлению зала. Эффект убранства интерьера строится на контрасте фактур белого цвета – матовых стен и полированных колонн, выполненных из искусственного мрамора. **Концертный зал** предназначался для придворных концертов

и балов (Виртуальный визит в Государственный Эрмитаж: Главный музейный комплекс).

Тексты Виртуального визита в Эрмитаж приближаются к массмедийным статьям и по метрике «доля длинных слов» (4 и более слога): в «эрмитажных» текстах и массмедийных статьях доля таких слов несколько меньше, чем в научных – 43,5 и 40,1 соответственно, против 48,9.

Характеристики «эрмитажных» текстов, схожие с характеристиками научных текстов по искусствоведению

Единственной метрикой, которая некоторым образом сближает «эрмитажные» тексты с научными оказалась метрика, фиксирующая долю архаичных слов: 0,297 – у научных текстов, 0,012 – у «эрмитажных» и 0,002 – у массмедийных. Вторая позиция в данном импровизированном рейтинге у «эрмитажных» текстов вполне ожидаема, поскольку в описаниях интерьеров появляется немало названий объектов, которые не встречаются более в рутинных практиках жизни домохозяйств и общества в целом (например, *складень, трон* и т. д.).

Обсуждение

В табл. 2 мы постарались систематизировать: 1) лингвистические метрики, составляющие специфику текстов Виртуального визита по Государственному Эрмитажу, т. е. отличающие их от научных искусствоведческих и массмедийных в области искусства одновременно; 2) метрики, близкие у «эрмитажных» и массмедийных текстов журнала «Новости искусства» (<https://www.theartnewspaper.ru/>); 3) метрики, близкие у «эрмитажных» и научных искусствоведческих текстов.

Анализируя табл. 2, мы видим, что у текстов с сайта Государственного Эрмитажа определенно есть свои особенности, которые проявляются преимущественно на уровне неспецифичных метрик, т. е. не связанных тесно с тем или иным уровнем языковой системы. Это длина предложения, индексы лексического разнообразия, присутствие числовых символов, общая тенденция к номинативности, а не вербальности, следствием которой становится ряд грамматических метрик. «Эрмитажные» тексты сближаются с массмедийными в основном на уровне морфологии и синтаксиса. Сходство «эрмитажных» текстов с научными фрагментарно – общим является только довольно высокое значение доли архаичных слов.

Таблица 2

**Результаты анализа метрик лингвистической сложности текстов
Виртуального визита в Эрмитаж на фоне двух других подкорпусов**

Метрики	Категория метрик
Метрики, имеющие значения, специфические для текстов на сайте Эрмитажа	
Количество числовых символов, N_lemma, Yule's I, TTR	Базовые метрики
ASL, S, ARI, SMOG	Метрики удобочитаемости
Пропорция инфинитивов, Пропорция частиц, Пропорция сравнительных форм, Индекс вербальности, Индекс номинативности, Пропорция полных причастий, Пропорция местоимений	Частеречные метрики
Доля искусствоведческих терминов	Лексические и семантические метрики
Пропорция ADVB + VERB, GRND + NOUN, ADVB + GRND	Метрики биграмм и триграмм
Цифф 1-5	Частотность слов
Доля вхождений пассивного подлежащего главной или зависимой клаузы	Синтаксические метрики
Метрики, имеющие значения, приближающие «эрмитажный» текст к массмедийному	
Длина слова	Базовые метрики
Цифф 0 (самые редкие слова)	Частотность слов
Доля словоформ в дательном падеже, в именительном падеже, глаголов несовершенного вида, в форме будущего времени, в форме настоящего времени	Морфологические метрики (словообразовательные и граммемные)
Доля неоднословных предлогов	Лексические и семантические метрики

Метрики	Категория метрик
Доля наречных модификаторов предиката (наречий или наречных групп), составных (неоднословных) выражений, клауз с элементами, трактуемыми как связочные, конструкций «с сентенциальным субъектом», пассивных конструкций «с сентенциальным субъектом», вхождений элементов, служащих для сегментации дискурса и обеспечения связности, элементов, связанных паратактическим отношением с другими элементами (discourse-like equivalent of coordination), а также парафраз; доля союзов, связанных с конъюнктами синтаксическим отношением «с» (координация)	Синтаксические метрики
Количество повторов существительных в соседних предложениях	Метрики связности
Метрики, имеющие значения, приближающие «эрмитажный» текст к научному	
Доля архаичных слов и выражений (Arch_pr)	Лексические и семантические метрики

Если мы вернемся к жанровым чертам текстов виртуальной экскурсии по музею, сформулированным нами ad hoc в самом начале, то увидим, что проанализированные нами лингвистические метрики данных текстов коррелируют с такими чертами, как дескриптивность (средства лексической когезии, частотность сочинительной синтаксической связи, тяготение к пассиву), информативность (частотность числовых символов), лингвистическая несложность (тенденция к использованию недлинных предложений, достаточно низкие значения индексов удобочитаемости, но при этом далеко не базовый вокабуляр), небанальность коммуникативного стиля (высокие индексы лексического разнообразия, наличие архаизмов, редких и низкочастотных слов).

Однако мы не обнаружили среди метрик лингвистических коррелятов такой предполагаемой жанровой черты виртуальной экскурсии по сайту музея, как скрытая аргументативность: для данных текстов оказалось характерно только незначительное количество сравнительных конструкций, средств выражения деонтической модальности, а также местоимений. Эмоциональность как жанровую черту оценить пока не удалось, поскольку среди метрик нет ни доли эмоциональных слов, ни

эмотивов. Однако на следующем этапе мы планируем провести сентимент-анализ подобных текстов.

Выводы

Проведенный анализ текстов Виртуального визита на официальном сайте Государственного Эрмитажа позволяет заключить, что их лингвистические характеристики в целом соответствуют большинству признаков (черт) жанра «виртуальная экскурсия по музею». При этом хорошо заметно, что, например, по морфологическим и синтаксическим характеристикам тексты виртуальной экскурсии ближе к массмедийным текстам об искусстве, чем к научным. Это свидетельствует о том, что продуценты текстов виртуальных экскурсий видят и понимают специфичность задачи таких текстов, их несводимость к простому трансферу из коллекций научных искусствоведческих текстов. Однако пока наиболее слабо выраженной является такая жанровая черта текстов виртуальных экскурсий, как персуазивность, скрытая аргументативность, коррелирующая с образом будущего в данном жанре – виртуальный посетитель получает такой заряд мотивации, который «приводит» его в реальные локации музея и подпитывает его дальнейший интерес к искусству.

На следующем этапе исследования мы планируем оценить эмоциональность текстов Виртуального визита на сайте Государственного Эрмитажа, а также их трудность для восприятия. Для решения последней задачи планируется использование инструментов фиксации глазодвигательной активности.

Список источников

1. Сизова И.А., Гордин В.Э. Цифровизация музеев: трудности, успехи, перспективы // Информационное общество. 2022. № 4. С. 35–44.
2. Национальный проект «Культура». URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (дата обращения: 07.05.2024).
3. Harrison C., Wood P. *Art in Theory: 1900–2000*. Oxford : Blackwell Publishing, 2002. 1214 p.
4. Белов С.А., Гулида В.Б. Язык юридических документов: сложности понимания // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. № 15. С. 56–103.
5. Solnyshkina M.I, Vishnyakova O.D., Gafiyatova E.V., Gabitov A.I. English textbooks for Russian students: Problems and specific features // *Journal of Social Studies Education Research*. 2017. № 3 (8). P. 215–226.
6. Oliffe M., Thompson E., Johnston J., Freeman D., Bagga H., Wong P.K.K. Assessing the readability and patient comprehension of rheumatology medicine information

- sheets: A cross-sectional Health Literacy Study // *BMJ Open*. 2019. № 9 (2). doi: 10.1136/bmjopen-2018-024582.
7. Blinova O., Tarasov N. Complexity metrics of Russian legal texts: selection, use, initial efficiency evaluation // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proc. International Conference “Dialogue 2022”* (June 15–18, 2022). 2022. P. 1017–1028. doi: 10.28995/2075-7182-2022-21-1017-1028
 8. Оборнева И.В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров : дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 165 с.
 9. Leroy G., Kauchak D. The effect of word familiarity on actual and perceived text difficulty // *Journal of the American Medical Informatics Association*. 2014. V. 21 (e1). P. 169–172.
 10. Gatiyatullina G.M., Solnyshkina M.I., Kupriyanov R.V., Ziganshina C.R. Lexical density as a complexity predictor: the case of Science and Social Studies textbooks // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022. № 9 (1). P. 11–26. doi: 10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-2
 11. Monakhov S.I., Turchanenko V.V., Cherdakov D.N. Terminology use in school textbooks: corpus analysis // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2023. № 9 (1). P. 27–49. doi: 10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-3
 12. Оборнева И.В. Автоматизация оценки качества восприятия текста // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования*. 2005. № 5. С. 86–91.
 13. Солнышкина М.И., Соловьев В.Д., Гафиятова Э.В., Мартынова Е.В. Сложность текста как междисциплинарная проблема // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2022. № 1. С. 18–39.
 14. Щипицина Л.Ю. Жанровая характеристика виртуальной экскурсии // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022. № 3. С. 234–248.
 15. Hyun M.Y., O’Keefe R.M. Virtual destination image: Testing a telepresence model // *Journal of Business Research*. 2012. № 65 (1). P. 29–35. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2011.07.011>
 16. Zhu Ch., Hoc Nang Fong L., Hall C.M., She C., Koupaei S.N. Understanding a virtual heritage site through the lens of telepresence and virtual destination image // *Journal of Heritage Tourism*. 2023. doi: 10.1080/1743873X.2023.2289949
 17. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. 1997. № 1. С. 88–98.
 18. Государственный Эрмитаж: виртуальный визит. URL: https://hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/panorama/virtual_visit/panoramas-m-1/?lng=ru (дата обращения: 01.04.2024).
 19. Blinova O.V., Tarasov N.A. Language complexity across sub-styles and genres in legal Russian // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2023. V. 9 (2). P. 73–96. doi: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-5
 20. Blinova O., Tarasov N. A hybrid model of complexity estimation: Evidence from Russian legal texts // *Front. Artif. Intell*. 2022. V. 5. P. 1008530. doi: 10.3389/frai.2022.1008530
 21. Github – репозиторий Generated VS Actual Movie Reviews in Russian. URL: <https://github.com/z00logist/generated-vs-actual-reviews/tree/main> (01.04.2024).
 22. Словарь терминов Российской академии художеств. URL: <https://rah.ru/science/glossary/?ID=19830&let=%D0%9F> (дата обращения: 01.04.2024).

23. Yule G. *The statistical study of literary vocabulary*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1944.
24. Казачкова М.Б., Галимова Х.Н. Лексическое разнообразие текста как параметр сложности текстов // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15, № 3. С. 384–390.

References

1. Sizova, I.A. & Gordin, V.E. (2020). Tsifrovizatsiya muzeev: trudnosti, uspekhi, perspektivy [Digitalization of museums: Difficulties, successes, prospects]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 4. pp. 35–44.
2. Russian Federation. (n.d.) *Natsional'nyy proekt "Kul'tura"* [National Project "Culture"]. [Online] Available from: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (Accessed: 7th May 2024).
3. Harrison, C. & Wood, P. (2002) *Art in Theory: 1900–2000*. Oxford: Blackwell Publishing.
4. Belov, S.A. & Gulida, V.B. (2019) Yazyk yuridicheskikh dokumentov: slozhnosti ponimaniya [The language of legal documents: Difficulties of understanding]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 15. pp. 56–103.
5. Solnyshkina, M.I., Vishnyakova, O.D., Gafiyatova, E.V. & Gabitov, A.I. (2017) English textbooks for Russian students: Problems and specific features. *Journal of Social Studies Education Research*. 3(8). pp. 215–226.
6. Oliffe, M., Thompson, E., Johnston, J., Freeman, D., Bagga H. & Wong, P.K.K. (2019) Assessing the readability and patient comprehension of rheumatology medicine information sheets: A cross-sectional Health Literacy Study. *BMJ Open*. 9(2). DOI: 10.1136/bmjopen-2018-024582
7. Blinova, O. & Tarasov, N. (2022) Complexity metrics of Russian legal texts: Selection, use, initial efficiency evaluation. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Proc. International Conference "Dialogue 2022", June 15–18, 2022. pp. 1017–1028. DOI: 10.28995/2075-7182-2022-21-1017-1028
8. Osborneva, I.V. (2006) *Avtomatizirovannaya otsenka slozhnosti uchebnykh tekstov na osnove statisticheskikh parametrov* [Automated assessment of the complexity of educational texts based on statistical parameters]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
9. Leroy, G. & Kauchak, D. (2014). The effect of word familiarity on actual and perceived text difficulty. *Journal of the American Medical Informatics Association*. 21. pp. 169–172.
10. Gatiyatullina, G.M., Solnyshkina, M.I., Kupriyanov, R.V. & Ziganshina, C.R. (2022) Lexical density as a complexity predictor: The case of Science and Social Studies textbooks. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 9(1). pp. 11–26. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-2
11. Monakhov, S.I., Turchanenko, V.V. & Cherdakov, D.N. (2023) Terminology use in school textbooks: Corpus analysis. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 9(1). pp. 27–49. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-3
12. Osborneva, I.V. (2005) *Avtomatizatsiya otsenki kachestva vospriyatiya teksta* [Automation of Text Perception Quality Assessment]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo*

- pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatika i informatizatsiya obrazovaniya.* 5. pp. 86–91.
13. Solnyshkina, M.I., Soloviev, V.D., Gafiyatova, E.V. & Martynova, E.V. (2022) Slozhnost' teksta kak mezhdistsiplinarnaya problema [Text complexity as an interdisciplinary problem]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki.* 1. pp. 18–39.
 14. Shchipsitsina, L.Yu. (2022) Zhanrovaya kharakteristika virtual'noy ekskursii [Genre characteristics of a virtual excursion]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki.* 3. pp. 234–248.
 15. Hyun, M.Y. & O'Keefe, R.M. (2012) Virtual destination image: Testing a telepresence model. *Journal of Business Research.* 65(1). pp. 29–35. DOI: 10.1016/j.jbusres.2011.07.011
 16. Zhu, Ch., Hoc Nang Fong, L., Hall, C.M., She, C. & Koupaei, S.N. (2023) Understanding a virtual heritage site through the lens of telepresence and virtual destination image. *Journal of Heritage Tourism.* 19(5). pp. 682–695. DOI: 10.1080/1743873X.2023.2289949
 17. Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Speech genre model]. *Zhany rech.* 1. pp. 88–98.
 18. *The State Hermitage Museum: A virtual visit.* [Online] Available from: https://hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/panorama/virtual_visit/panoramas-m-1/?lng=ru (Accessed: 1st April 2024).
 19. Blinova, O.V. & Tarasov, N.A. (2023) Language complexity across sub-styles and genres in legal Russian. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics.* 9(2). pp. 73–96. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-5
 20. Blinova, O. & Tarasov, N. (2022) A hybrid model of complexity estimation: Evidence from Russian legal texts. *Front. Artif. Intell.* 5. p. 1008530. DOI: 10.3389/frai.2022.1008530
 21. *GitHub – Repository Generated VS Actual Movie Reviews in Russian.* [Online] Available from: <https://github.com/z00logist/generated-vs-actual-reviews/tree/main> (Accessed: 1st April 2024).
 22. The Russian Academy of Arts. (n.d.) *Slovar' terminov Rossiyskoy akademii khudozhestv* [Dictionary of Terms of the Russian Academy of Arts]. [Online] Available from: <https://rah.ru/science/glossary/?ID=19830&let=%D0%9F> (Accessed: 1st April 2024).
 23. Yule, G. (1944) *The Statistical Study of Literary Vocabulary.* Cambridge University Press.
 24. Kazachkova, M.B. & Galimova, Kh.N. (2021) Leksicheskoe raznoobrazie teksta kak parametr slozhnosti tekstov [Text lexical diversity as a text complexity parameter]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta.* 15(3). pp. 384–390.

Сведения об авторах:

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, заведующий лабораторией языковой конвергенции, профессор департамента филологии Школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: akolmogorova@hse.ru

Куликова Елизавета Романовна – младший научный сотрудник лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: kulikova.e.r@hse.ru

Колмогорова Полина Алексеевна – аспирант НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kolmogorovapa@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Anastasia A. Kolmogorova, Dr. Sci. (Philology), head of the Laboratory of Language Convergence, professor, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: akolmogorova@hse.ru

Elizaveta R. Kulikova, junior research assistant, Laboratory of Language Convergence, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kulikova.e.r@hse.ru

Polina V. Kolmogorova, PhD student, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kolmogorovapa@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.05.2024;
одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 29.08.2024*

*The article was submitted 09.05.2024;
approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 29.08.2024*

Научная статья
УДК 82-1/-9
doi: 10.17223/23062061/38/3

ПРОЗА А.П. ЧЕХОВА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ВИДЫ ПРОДУКТИВНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АВТОРОВ

Ирина Александровна Айзикова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, wand2004@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрена опубликованная на портале Проза.ру в 2000–2020-е гг. малая проза непрофессиональных авторов, представляющая собой результат продуктивной художественной рецепции прозы А.П. Чехова и реализующаяся в разных видах трансформации произведений русского классика. Путем случайной выборки для анализа были отобраны 25 сочинений. В них выявлены разновидности рецепции, преобладающие – простейшие в художественной рецепции: прямая, формальная. Сделан вывод о том, что малая сетевая проза непрофессиональных авторов, являющаяся ремейками, пастишами, пародиями, парафразами чеховской прозы, отражает трансформации современного цифрового общества, в определенной мере характеризует современный литературный процесс, раскрывает трансформацию понятий художественная литература, литературное творчество, чтение, она востребована читателями портала, влияя на формирование современной читательской аудитории и современного читателя-писателя.

Ключевые слова: проза, А.П. Чехов, современная отечественная проза, креативная (продуктивная) рецепция, непрофессиональные писатели

Благодарности. Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Айзикова И.А. Проза А.П. Чехова в современной отечественной литературе: виды продуктивной художественной рецепции непрофессиональных авторов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 55–91. doi: 10.17223/23062061/38/3

Original article

ANTON CHEKHOV'S PROSE IN MODERN RUSSIAN LITERATURE: TYPES OF PRODUCTIVE ARTISTIC RECEPTION BY NON-PROFESSIONAL AUTHORS

Irina A. Ayzikova

*National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation, wand2004@mail*

Abstract. In the modern literary process, the productive or creative reception of Russian classics has become noticeably more relevant, attracting active research attention. Noting the vagueness of the concept of "creative/productive reception" (from convergence with intermediality to the interpretation of this type of reception as "perception and reinvention based on perceived own thoughts, ideas, texts; the intersection of impact and perception, "recreation" and "re-creation", leading to the generation of meaning, scientists (S.E. Trunin, M.S. Sloistova, V.V. Abramovskikh, and others) build a typology of such a reception. However, the available typologies and, accordingly, the research field exclude productive artistic reception that is not related to the professional one: works created as a result of the reception of classics by non-professional authors, which constitutes the subject of the proposed research, determines its aim, relevance and novelty. This article on the creative reception of Chekhov's works by modern non-professional authors presents the collected material in the aspect of the problem of the text's existence and transformations in a digital society. The methodological basis is Michel Foucault's theory of social discourse, his understanding of the text as a product generated by specific socio-historical practices that define the theme, structure, modality, etc. and relegate to the background the individuality, uniqueness of the creative act of creating and perceiving the text. Within the framework of this theory, the leading role in modern textual and semantic generation, designed for the general reader, is obvious, realized most often not by a professional writer, but by a reader who transforms himself into a writer, not so much of the genre as of the text format, which means the way it is presented (in a broad sense), orienting the creation of the text to a certain perception of the mass reader seen primarily as a consumer of content who highly appreciates the technical possibilities of presenting text, Internet communication about the text. By random sampling, 25 essays were selected and analyzed. Summarizing the main features of the presented corpus of texts, it can be seen that the range of Chekhov's writings that modern non-professional authors focus on in search of their author's "self" is mainly his early works, which become for them a kind of a universal text that generates their writings. On the other hand, the study shows how wide the range of modern works and their non-professional authors who respond to Chekhov's work is – they create a special kind of hypertext to the creative legacy of the classic writer. A significant result of the study is the

revealed paradigm of the author's receptive strategies – from remake to paraphrase, from simplification of the meanings of the classic works, which is most common, to new meanings, which, however, are very far from Chekhov's. The most popular type of reception is artistic, direct, and formal (according to M.S. Sloistova's classification). The general conclusion is made that the small online prose of non-professional authors, which is the result of the productive reception of Chekhov's prose, characterizes the modern literary process and reveals the transformation of the concepts of fiction, literary creativity, reading. It is in demand by the readers of the portal, influencing the formation of a modern readership. However, all this requires a more complete argumentation and, consequently, the continuation of research on the problems stated in the article, which, in the author's view, should be carried out in line with the arguments of scientists about the modernization of society and all spheres of its activity, including culture.

Keywords: prose, Anton Chekhov, modern Russian prose, creative (productive) reception, non-professional writers

Acknowledgments. This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2025-0016.

For citation: Ayzikova, I.A. (2025) Anton Chekhov's prose in modern Russian literature: Types of productive artistic reception by non-professional authors. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 38. pp. 55–91. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/38/3

Текстопорождающая сила прозы А.А. Чехова – факт, давно доказанный и литературоведением, и самими практиками продуктивной художественной рецепции классика в отечественной литературе. Традициям и тенденциям такого рода рецепции творчества А.П. Чехова в современной русской литературе посвящен ряд исследований. Не претендуя на их обзор, коротко остановимся всего на двух работах в аспекте их методологии. Прежде всего, назовем кандидатскую диссертацию Ч. Шаопина «Традиции А.П. Чехова в современной русской литературе (конец XX – начало XXI века)» [1]. Опираясь на труды известных чеховедов: В.Б. Катаева (в первую очередь, его монографию «Игра в осколки. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма»), З.С. Паперного, А.П. Чудакова, О.В. Богдановой, М.Н. Липовецкого и других и одновременно на методологию интертекстуальности, Ч. Шаопин исследует присутствие чеховских традиций в творчестве современных российских профессиональных авторов: В. Аксёнова, Ю. Буйды, Б. Акунина, Т. Толстой, Д. Рубиной и многих других, ставя своей целью выявление влияния на них русского классика. Наиболее важным для нас является следующее обобщение автора диссертации: «Характер обращений к творчеству А.П. Че-

хова вступает в противоречие с представлением о понятии “традиция”, которое предполагает бережное и уважительное отношение к наследию прошлого, осознание его как эталона и примера для подражания. Обращение современных писателей к наследию классической литературы (любой, не обязательно чеховской) под влиянием постмодернизма в общей массе носит прагматичный, экспериментаторский и иногда деконструктивный характер» [1. С. 5–6].

Обратим внимание на исследование Л.Е. Бушканец и Н.Ф. Ивановой, представленное в их статье «Переписывание Чехова в современной прозе: опыт Д.В. Драгунского», позицию которого авторы считают «репрезентативной для современной картины мира», «помогающей вскрыть причины, по которым современные авторы ведут постоянный внутренний разговор с Чеховым» [2. С. 101]. Говоря, по сути, о креативной рецепции, авторы оперируют терминами «псевдоклассика», «переписывание классики» и подобными. Объясняется это уже не только «постмодернистским мироощущением, что осмысляется как положительное явление (игра с чужими текстами), или отрицательное (нет “ничего святого”, деформация разрушает смыслы)», но и «отсутствием собственного воображения, соперничеством с предшественником и желанием его “переиграть”», «раздражением» и несогласием с предшественником, часто это раздражение вызывают не сами произведения классика, а их хрестоматийная интерпретация. Кроме того, берется во внимание стремление «проверить, как герои прошлого проявят себя в ситуации современности» [2. С. 102]. Общий вывод по исследованию звучит довольно однозначно: «Опыт современной литературы говорит об отчаянии современного человека и пока неудавшейся попытке найти что-то, на что можно было бы опереться, в отличие от Чехова» [2. С. 107].

Как видим, авторы нацелены на выявление влияния русского классика на современную русскую литературу, которое, по их мнению, выливается в разные формы: от интертекстуальных экспериментов до эпигонства. Так или иначе, исследовательское внимание обращено на диалог современного литературного процесса с классическим литературным наследием как источник порождения новых текстов и новых смыслов, нового читателя, новых читательских практик и способов восприятия текста.

Е.В. Абрамовских справедливо подчеркивает, что «для литературного процесса всегда было характерно появление произведений, вступающих в открытый диалог с текстами великих предшественников (литера-

турные мистификации, пародии, ремейки, продолжения)» [3. С. 91]¹. Так, продуктивная или креативная рецепция русской классики актуализировалась в современном литературном процессе, привлекая активное исследовательское внимание. Отмечая размытость понятия «креативная/продуктивная рецепция» (от сближения с интермедийностью до интерпретации данного вида рецепции как «восприятия и перевоссоздания на основе воспринятого собственных мыслей, идей, текстов и т. д.; пересечения воздействия и восприятия, “воссоздания” и “пересоздания”, приводящего к порождению смысла» [5. С. 192]²), ученые между тем выстраивают разные теории и типологии рецепции художественного произведения, перекликаясь друг с другом.

Например, С.Е. Трунин понимает под рецепцией «текст-рецепцию»/«текст-отклик» [8. С. 17], свою типологию он строит на объекте рецепции, т. е. на тексте, воспринимаемом и создаваемом в результате восприятия, и выделяет *культурфилософскую* (ее объект – дневники, письма и т. д.) и *художественную* рецепцию (объектом выступает художественный текст). Последняя, в свою очередь, делится на *прямую* (объект – текст-первоисточник) и *опосредованную* (рецепция происходит через текст-посредник). Ряд исследователей видят в рецепции воссоздание и пересоздание, «переписывание» воспринимаемого текста, в основе их типологии оказывается сам процесс восприятия³. М.С. Слоистова, опираясь на С.Е. Трунина, рассуждает в своей статье о художественной рецепции, под которой понимает «процесс, состоящий из двух взаимосвязанных действий – восприятия художественного текста-источника и со-

¹ См. также [4].

² Отметим, что современные концепции воссоздания и пересоздания классического текста, т. е. ее креативной рецепции восходят к классическим теориям читательской рецепции и художественного восприятия Ф. Брентано, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, Г.-Р. Яусса, В. Изера, к диалогическим концепциям восприятия А.А. Потебни, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, В.В. Виноградова, Б.С. Мейлаха, В.В. Прозорова, М.В. Строганова и других. Особое место в этом ряду занимают труды М.М. Бахтина и его последователей, в которых читательское восприятие понимается как активное, продуктивное, продолжающее творчество писателя. По М.М. Бахтину, понимание должно быть творческим, чтобы «восполнить» текст автора. «Понимание, – пишет М.М. Бахтин, – восполняет текст, оно активно и носит творческий характер» [6. С. 346]. Вслед за Бахтиным о читательской позиции сотворчества пишут В.И. Тюпа, Н.Д. Тмарченко, С.Н. Бройтман (см., например, [7. С. 77–105]).

³ Кроме названных работ Ч. Шаопина, Л.Е. Бушкенец и Н.Ф. Ивановой, можно назвать работы В.Г. Зинченко, В.Г. Зусмана, З.И. Кирнозе, Ю.А. Гимрановой, А.Ж. Ильясовой [1, 2, 5, 9, 10] и многих других.

здания на его основе собственного текста с отсылками к источнику (аллюзиями и реминисценциями), т. е. интертекста» [11. С. 113]. Далее автор встраивает в свою типологию *продуктивную рецепцию*, предполагающую создание текста на основе первоисточника, указывая, что этот вид рецепции впервые был представлен в трудах М. Наумана [12], «чтобы подчеркнуть творческую составляющую рецепции и отделить ее от простого восприятия» [11. С. 113].

В рамках продуктивной рецепции М.В. Загидуллина [13. С. 34] выделяет *внутрицеховую* рецепцию, понимая под ней «профессиональное чтение», т. е. восприятие текста одного писателя другим и создание последним на его основе своего сочинения. Ученый выделяет несколько подвидов внутрицеховой рецепции в зависимости от типа взаимодействия между писателями, участниками такой рецепции («приянь», ученичество и вражда) [13. С. 34].

В исследовании Е.В. Абрамовских [3, 4 и др.] вводится понятие *креативная рецепция*, которое интерпретируется как явление, близкое к продуктивной рецепции, но предполагающее продолжение автором-реципиентом первоисточника. Судя по работам этого исследователя, она считает свой термин синонимичным термину М. Наумана (т. е. креативная = продуктивная рецепция), с чем не соглашается М.С. Слоистова, обращающаяся к типологиям С.Е. Трунина и М.В. Загидуллиной и предлагающая понимать под креативной рецепцией продуктивную художественную внутрицеховую, а под рецепцией «восприятие текста читателем, приводящее к возникновению его собственных идей, выводов, умозаключений и т. д.» [11. С. 114]. Возвращаясь к концепции и типологии Е.В. Абрамовских, М.С. Слоистова вводит в создаваемую ею такие разновидности креативной рецепции, как *классическая* (с четырьмя выделяемыми ею стратегиями: *формальная* – заимствование сюжета, его элементов, мотивов; *аутентичная* – развитие авторского замысла; *нейтральная* – не усиливает авторский замысел, но и не противоречит ему; *антитетическая* (развивает замысел автора в не предусмотренном им направлении) и *постмодернистская* – с *конгениальной* стратегией (развивается подтекст авторского замысла) и *игровой* («состоит в пародировании текста-первоисточника, постмодернистской иронии по отношению к нему, интертекстуальному “сталкиванию” различных (а подчас и противоположных) по содержанию произведений в собственном тексте») [11. С. 117].

Как видим, из имеющихся типологий и, соответственно, исследовательского поля выпадает продуктивная художественная рецепция (в понимании М.С. Слоистой, с которой мы соглашаемся), не относя-

щаяся к внутричеховой, т. е. тексты, созданные в результате рецепции классики непрофессиональными авторами, что и составляет объект и предмет предлагаемого исследования, определяет ее цель, актуальность и новизну.

В русле проблематики креативной рецепции в абсолютном большинстве научных статей анализируются сочинения профессиональных писателей. Так, Ю.А. Гимранова, размышляя о креативной рецепции В. Пелевиным тургеневских рассказов, уводит исследование в методологию интертекстуальности: «Как область чувственного, иррационального познания окружающей действительности, литература ориентирована на эмоциональную отдачу, а также на субъективное восприятие. Современный писатель является прежде всего читателем классической литературы, поэтому обе эти позиции могут быть объединены в одном лице. Соответственно, интертекстуальность литературы эпохи постмодерна не что иное, как единство творческого замысла современного писателя и его читательской рецепции классического произведения. Таким образом, автором становится читатель, излагающий свою концепцию в каком-либо произведении, или проявляющий “креативную рецепцию претекста на страницах собственного художественного текста”» [9. С. 238]. Попутно указывается на то, что «обращение современной русской литературы к классическому интертексту способствует расширению читательской аудитории как маркетинговой цели за счет использования всеми узнаваемого претекста, а также приводит к актуализации, оживлению классического текста» [9. С. 237].

М.С. Слоистова как образцы креативной рецепции в аспекте ученических отношений писателя со своими предшественниками (см.: [11]) рассматривает сочинения Д. Фаулза. Креативные рецепции сочинений Ф.М. Достоевского Б. Акуниным, В. Пьецухом, Ю. Буйдой трактуются А.Ж. Ильясовой как факты «создания культурного полилога в пространстве русской литературы, актуализации творчества классика, переоценки ценностей, опровержение устоявшихся канонов» [10. С. 133].

В жанровом ключе исследователями В. Верма и В.В. Мароши рассматривается креативная рецепция романа Достоевского «Преступление и наказание» в произведениях современных русских писателей О. Селедцова и С. Шуляка. Из проведенного анализа сделан следующий вывод: «...в современной отечественной креативной рецепции творчества Достоевского “Преступление и наказание” становится сверткстом *par excellence* для порождения двух типов диаметрально противоположных жанров с точки зрения их отношения к классическому тексту – ремейка и пастиша. В жанре ремейка редуцируется философский, психологиче-

ский и религиозный смыслы романа, действие переносится в современный хронотоп, зато усложняется криминальная интрига и инверсируются отношения основных персонажей текста-донора. В ремейке используются только наиболее узнаваемые, ключевые словесные знаки и ситуации классического текста, однако сохраняются такие важнейшие его свойства, как связность и консекутивность нарратива. Этот жанр ориентирован на массового читателя, освоившего школьный канон классики» [14. С. 31]. В постмодернистском пастеше, как указывают ученые, «основанном на фрагментарном использовании нескольких авторских классических текстов, обычно нарушена связность, единство хронотопа, идентичность персонажей, линейность сюжета и нарратива. Зато микрофрагменты пастеша в гораздо большей степени обнаруживают свою интертекстуальную соотнесенность с текстом-донором для “идеального читателя”, при условии, что он может распознать принадлежность частей авторского пазла» [14. С. 32].

Плодотворный, на наш взгляд, подход к рассматриваемому явлению предлагают М.В. Черкунова и Е.В. Пономаренко. Они исходят из того, что «современное общество характеризуется целым рядом существенных трансформаций, значительная часть которых обусловлена масштабным внедрением в жизнь человека электронных способов получения и распространения информации» [15. С. 169]. Обозначенный фактор, по мнению исследователей, имеет глубинный характер, влияя, кроме прочего, на когнитивные процессы и создания, и чтения (восприятия) текстов, а также на «ценностные установки и культурные стереотипы», в частности, отмечается поворот читателя (и автора) от традиционного печатного текста к «сетевым стратегиям создания и распространения речевых произведений» [15. С. 169], которые «учитывают технологические, формальные и эстетические особенности восприятия текста в сети, а также ожидания и предпочтения массовой сетевой читательской аудитории» [16. С. 10].

В ряде работ выявляются связанные с этим качественные изменения художественного текста: интерактивность, полимодальность, нелинейность, многоавторство, прагматическая ориентированность (см., напр.: [17]), откуда, в свою очередь, вытекают трансформации не только жанровой системы, но самого понятия *жанр*. В ряде работ оно становится практически синонимом понятия *формат*, не устоявшегося в науке и потому интерпретируемого по-разному. Так, М.В. Черкунова и Е.В. Пономаренко, рассуждая в своей статье об «эффективном сочетании краткости и емкости текста, его высокой смысловой насыщенности при минимальной физической протяженности нарратива», что, по их мнению,

«становится едва ли не основным требованием, определяющим успех произведения» [15. С. 169], или, по словам С.Н. Леденевой, его «коммуникативную эффективность» [18. С. 97–98], оперирует, вслед за М.Н. Лебедевой [19], З.А. Кучуковой, Л.Б. Берберовой [20], Л.Г. Хоревой [21], понятием «сверхмалых жанров сетевой литературы» (у М.Н. Лебедевой – «микрожанры») и наряду с ним терминами «малоформатные произведения», «малоформатные сетевые нарративы». По определению М.В. Черкуновой и Е.В. Пономаревой, «малоформатные произведения» представляют собой «некий жанровый гибрид, уникальную форму нарратива» сетевой литературы [15. С. 170]. В данном случае под форматом понимается объем произведения, что близко к трактовке формата как издательского термина, под которым понимается размер листа, книги.

В предлагаемой статье, посвященной трансформации текстов, созданных в результате продуктивной художественной рецепции творчества А.П. Чехова современными непрофессиональными авторами, представим собранный материал именно в аспекте проблемы бытования текста и его преобразований в цифровом обществе.

Методологической основой расширения нашего понимания продуктивной художественной рецепции является теория социального дискурса М. Фуко, его понимание текста как продукта, порождаемого конкретными социально-историческими практиками, задающими тематику, структуру, модальность и т. д. и отодвигающими на второй план индивидуальность, неповторимость творческого акта создания и восприятия текста. В рамках этой теории очевидна ведущая роль в современном тексто- и смыслопорождении, рассчитанном на массового читателя, реализуемом чаще всего не профессиональным писателем, а читателем, трансформирующим себя в писателя, не столько жанра, сколько формата текста, под которым мы понимаем способ его предъявления (в широком смысле), ориентирующий создание текста на определенное восприятие массового читателя, в котором видится прежде всего потребитель контента, может быть, не очень хорошо разбирающийся в эстетике и поэтике текста, но высоко ценящий технические возможности предъявления текста, интернет-коммуникацию по поводу текста.

Жанры и дискурсы, более или менее устойчивые традиционные модели текста, сегодня всё чаще начинают определяться форматами, причем пользователь требует всё новых и новых форматов, поскольку последние для него представляют особую ценность, что, возможно, демонстрирует наступление эпохи не жанрового, а форматного мышления, значительно более жесткого, чем жанровое, требующего от автора «формовки» (термин Е. Добренко) определенного типа текста, автора,

читателя и определенных стратегий чтения. Формат встраивается в ту или иную жанровую модель, становится не только ее составляющей, но генератором ее глубинной трансформации – возникают форматная и неформатная литературы, что не следует, разумеется, рассматривать в оценочном плане.

Строгое жанровое мышление, как известно, периодически сменяет декларативную свободу творчества в истории литературного процесса. В переживаемый нами период эпохальной переходности, когда авторами легко и сознательно размываются все жанровые границы, наблюдается стремительное расширение корпуса форматов (к традиционным письменным – устным, рукописным – печатным добавляется длинный ряд новых форматов, поддерживаемых новыми цифровыми технологиями, социокультурными сдвигами и проч.), что призвано, вероятно, упорядочить, стабилизировать современный литературный процесс (возможно, даже управлять им). Именно поэтому понятия формата, форматной и неформатной литературы сегодня требуют осмысления и не только в области профессионального, но и непрофессионального литературного творчества.

Рассуждая о названных проблемах, Л. Рэйда в первую очередь определяет особенности неформатной литературы: «Суть явления выражена в его названии, и сводится она к тому, что автор работает не по формату, не ориентируясь на требования, которые к книге предъявляются извне – издательством, читательской аудиторией, сложившимися внутри жанра правилами и т. д.» [22]⁴. Соотнося понятия формат и жанр, автор указывает: «Собираясь написать какое-то произведение, автор форматной ли-

⁴ Автор приводит показательные примеры, разъясняющие его понимания неформатной литературы: «Издательство, к примеру, говорит – мы хотим книгу на 12–15 авторских листов. А автор написал 7 или 40. Автор “форматной литературы” даже не увидит здесь проблемы. Нужно для издания еще пять авторских листов? Сейчас допишем. Нужно разбить один роман на два и впихнуть между ними промежуточный финал и лишнее вступление? Да без проблем. А вот для “неформатчика” это – серьезная проблема, а порой даже неразрешимый внутренний конфликт. Он считает, что, если искусственно подстраивать свой текст под подобные требования, текст станет хуже, потеряет цельность и гармонию. Для автора неформата текст и то, что его составляет – композиция, идея, проблематика, язык... – бесспорно важнее, чем все то, что к тексту только *прилагается* – издание, реклама, лайки, конкурсы et cetera. <...> Автор неформата говорит – я в курсе, что читатели не склонны читать описание рассвета или рефлексии персонажа на десять страниц. Но я считаю, что я смогу написать рефлексии персонажа на десять страниц так, что читатель будет в восхищении и попросит еще. Добиться от читателя такой реакции – это *моя* ответственность, а не ответственность читателя» [22].

тературы думает – какие жанры сейчас пользуются популярностью среди читателей?... Для неформатчика подобные вопросы звучат дико». Приведем еще одно, принципиальное для нас положение Л. Райда о формате и неформате: «Само по себе это не плохо и не хорошо, точнее, это может быть как очень плохо, так и очень хорошо» [22].

К позиции Л. Рэйда очень близка Д. Маркова. Рассуждая о двух публикациях в «Вопросах литературы» – «Лопнувший формат» Е. Луценко о Д. Рубиной [23] и «Разрыв шаблона» Г. Аросева об А. Дмитриеве [24], она пишет о фигурирующих в заглавиях статей терминах следующее: «В статье о Дине Рубиной речь идет о формате, присущем массовой и мидл-литературе, причем предельно ясно, почему он “лопнувший”: фиксируется движение от форматных романов (“Синдикат”, “Вот идет Мессия”, “Последний кабан из лесов Понтеведра”) к тем, в которых канва формата начала рваться под натиском “жизненности и оправданности повествования” и окончательно не выдержала вторжения автобиографичности, оттесняющей “ловко смонтированный бытовой сюжет” (“На Верхней Масловке”, “На солнечной стороне улицы”)». И далее Д. Маркова выделяет два вида формата, у Рубиной в частности: формат-формула и формат-форма (последнюю, по мнению Д. Марковой, всегда диктует содержание. – И.А.), «разница между ними прежде всего в том, что второй писательница выбирает и устанавливает сама, первый – вычитывается извне» [25. С. 197, 198]. Комментируя статью Г. Аросева, Д. Маркова делает важное для нас уточнение в понимании формата-формулы: «Образец, трафарет, штамп – все это характеристики формата-формулы» [25. С. 198].

Д. Леоньев, определяя фэнтези и другие виды современной литературы, называет их «литературными технологиями создания миров» [26] и утверждает, что «проблема формата – это более общая проблема, охватывающая не только большинство жанров литературы, но и другие искусства, особенно кино⁵ и музыку. Суть ее в вычленении основных

⁵ И.Н. Кемарская в своей докторской диссертации, посвященной форматной драматургии телевизионного произведения в медийном пространстве цифровой эпохи, пишет: «Распространение форматной драматургии телевизионного произведения в медийном пространстве цифровой эпохи предполагает неизбежное разворачивание процесса исследования <...> к формализации креативных механизмов создания сюжетно-образной концепции ТВ-произведения» [27. С. 5]. «В свете постмодернистских установок, – считает автор, – телевизионный контент обретает креативную ценность, подчиняясь “новой эстетике серийности” (“серийности”, “вариативности”), которую Умберто Эко без тени иронии трактовал как широкое цивилизацион-

жанроспецифических компонентов, обеспечивающих спрос на данный жанр, и постановки на поток производства взаимозаменяемых произведений по известной рецептуре». Принцип формата, по мнению Д. Леонтьева, «по сути, отменяет основополагающий для классического искусства принцип авторства» [26]. Он усматривает, как «довольно отчетливо во всех видах искусства, хотя и с неодинаковыми темпами, наблюдается расслоение на два потока продукции: форматную и авторскую». Также отрицая оценочный подход к рассматриваемым явлениям, Д. Леонтьев пишет: «Форматная литература – литература для эмоций, в отличие от авторской – литературы для личности. Достоинства той и другой во многом противоположны. Форматная литература хороша, когда она доставляет читателю эмоциональные переживания, не сильно расходящиеся с его ожиданиями, и не заставляет его «париться». Авторская, наоборот, хороша, когда она позволяет читателю выйти за рамки ожидаемого и открыть для себя в этом мире что-то новое» [26]⁶.

Отталкиваясь от оценочного подхода, в рамках названных аспектов и методологических подходов, рассмотрим прозу второй половины 2000-х – начала 2020-х гг., созданную в цифровых форматах с использованием принципов и/или технологий продуктивной художественной рецепции – в фокусе нашего внимания, как было сказано выше, современная цифровая проза, порожденная восприятием творчества А.П. Чехова непрофес-

ное понятие или «...если угодно, синоним повторительного искусства» <...> Само существование телевизионных программ как экранной периодики основывается на потенциально бесконечных вариациях уже однажды найденного, насыщении новым содержанием повторяющейся структуры, лежащей в основе отдельных программных выпусков. Эта единая основа телепрограммы обозначается обобщающим понятием «формат»» [27. С. 6]. С точки зрения И.Н. Кемарской, «применение форматного подхода открывает возможности управления процессами креативного создания... экранных (и безэкранных)... текстов: на уровне эффективного выстраивания коммуникационной цепи «авторы – аудитория»; на уровне создания генеративной самовоспроизводящейся драматургической структуры; на уровне холистического понимания внутренних механизмов функционирования модели, ее исходно инновационной природы при потенциально бесконечной вариативности возможных повторений» [27. С. 25].

⁶ Отметим, что в рамках осмысления явлений форматной и неформатной литературы начинает использоваться и еще одно понятие – формульное письмо, которое в области литературы характеризуется использованием стандартных повествовательных или драматургических конвенций, опирающихся на стереотипы, предписываемые конкретной культурой определённого времени. См.: [28, 29].

сиональными писателями⁷, публикующимися на портале Проза.ру (<http://www.proza.ru>)⁸. Как отмечают немногочисленные исследователи, непрофессиональные художественные тексты, связанные с «духом времени», наиболее эффективно рассматривать именно как «дискурсивное явление, моделируемое... на трех уровнях: дискурсивная практика (условия порождения и восприятия) – текст – социальная практика»⁹.

Обусловленные и по содержанию, и по форме авторским прочтением сочинений Чехова, полностью или частично, с разной степенью талантливости построенные на чеховских сюжетах, образах, стилевых особенностях, цитатах, они заслуживают исследовательского внимания, поскольку, во-первых, по-своему отражают современный литературный процесс, для которого характерна особая, креативная рецепция классики, предполагающая активные трансформации автором исходного классического текста как источник творчества, способ художественного самовыражения, творческого поиска, механизм текстопорождения. Во-вторых, тексты, созданные в рамках креативной рецепции, привлекают исследовательское внимание тем, что демонстрируют современное понимание ключевых для литературы категорий: текст, чтение, автор, читатель.

При всем разнообразии индивидуальных авторских портретов исследуемой нами прозы и формы их представления читателям на личных страницах портала довольно легко можно выявить их типичные черты и на этом основании смоделировать общий портрет автора цифровой прозы, созданной в рамках креативной рецепции А.П. Чехова. Для начала

⁷ Необходимо оговориться, что анализ материалов мы проводим вне контекста похожих сочинений (фанфиков) и практик фанфикшен, не обращаемся к связанному с этим широкому научному контексту, что требует отдельного исследования.

⁸ О портале см., напр.: [30. С. 117].

⁹ См.: [30, 31]. Автор опирается на концепцию Н. Фэркло, который определяет дискурс (заметим, в духе М. Фуко) как «важную форму социальной практики, которая одновременно и воспроизводит, и изменяет знания, идентичности и социальные взаимоотношения...», в то же время сам дискурс формируется другими социальными практиками и структурами» [30. С. 118] и исходит из того, что «динамика и интерактивность, свойственные интернет-коммуникациям, привели к размыванию четкой оппозиции адресата и адресанта», что «теперь роли говорящего и пишущего взаимозаменяемы: каждый может быть не только читателем, но и писателем», что «для интернет-пользователей значима и сама возможность персонализации, т. е. самостоятельного формирования виртуального пространства, которое является новой формой социального взаимодействия и служит средством самоидентификации. Наиболее значимую роль в таком процессе самоидентификации пользователей играют порождаемые ими тексты» [30. С. 118].

представим некоторых авторов анализируемых в статье сочинений через их самопрезентации (выборка авторов и анализируемых сочинений – рандомная¹⁰).

Эдуард Ратников, автор сочинения «Любопытн», опубликованного с жанровым подзаголовком «Ремейк рассказа Чехова», представляет себя следующим образом¹¹: «Как ФАКТ, я, как и многие, не писатель. Пишу для себя, но рад, когда что-то прочитано ВАМИ» [32]. Юрий Бурчак-Находка, автор рассказа «Хамелеон» (опубликован с жанровым подзаголовком: ремейк рассказа Чехова А.П.) пишет о себе: «Пишу как могу. Вкривь да вкось с ошипками. Не ругайте сильно, я потом переживаю! Но всё таки накатал книгу!!! И опубликовал... правда, только в цифровом виде¹². Её можно почитать и оценить здесь: https://ridero.ru/books/widget/rossiya_rodina_slonov/. Старался как мог, чтобы получилось увлекательно и не скучно. Есть главная интрига, есть основная мысль, есть о бизнесе, о любви, об отношениях в семье, есть о сексе. Есть страшное, но в основном смешное! Всё в обёртке из приключений, смешных и глупых недоразумений. Читайте! Наслаждайтесь! PS-правда на Ridero только 20% книги, но я вышлю её целиком любому пользователю сайта, который захочет узнать чем закончилась эта история. Абсолютно бесплатно! Не из-за того, что она дрянная, а потому, что я не жлоб какой-нибудь, а просто добрый самаритянин» [33]. Екатерина Привольнева, автор повести «Дуэль. Римейк пьесы А.П. Чехова Медведь», представляет себя на личной странице подборкой цитат: «Что он называет резкостью? И разве я резка? А может, у меня просто нет времени деликатно обманывать, прикрывая горькую правду фальшивой позолотой хороших манер?» (Эрих Мария Ремарк «Жизнь взаимь»); «Недостойно думать, что ты не в состоянии достичь того, чего достигали великие мастера. Ведь мастера прежде всего люди, как и все мы. Рассуждая так, ты уже на Пути» (Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ); «Сомнение губит даже гениального человека» (Луиза Мэй Олкотт. Маленькие женщины)...» [34]. Подборкой цитат из И. Бунина, И. Бродского, А. Франса, А. Шопенгауэра представляет себя и В.Н. Полетаев [35].

¹⁰ В статье представлены результаты анализа 25 сочинений непрофессиональных авторов, опубликованных на портале Проза.ру в 2000–2020-е гг.

¹¹ Здесь и далее при цитировании сохранены авторские орфография, стилистика, пунктуация, особенности набора.

¹² Имеется в виду печатное издание Ю. Бурчака-Находки «Россия – родина слов».

Сергей Кокорин, автор рассказа «Почта Деда Мороза», так же как и автор рассказа «Тонкий и толстый. Прошлое уходит. Ремейк» Сергей Десимон, автор пародий «Диван и девушка», «Умный уборщик», «Швабра» на рассказы А.П. Чехова «Баран и барышня», «Умный уборщик» и «Размазня», именующий себя Акакием Полиграфовичем Зимбершмундцем, представляются списком своих произведений. Автор рассказа «Послание Деду Морозу ремейк» называет себя Юрием 25, на личной странице портала представляясь так: «Я пишу в основном юмористические, эротические произведения или в сочетании. Кому такое нравится – милости прошу)))» [36]. Алексей Ольгин, автор рассказа «Чеховская пепельница», открывает личную страницу на Прозе.ру обращением к своим читателям: «К возможному Читателю. На “Прозе” размещены лучшие рассказы из семи изданных юмористических книг, а также и новые рассказы. Автор избрал стиль коротких рассказов, чтобы не утомлять читателя и не отнимать у него драгоценное время. Сюжеты взяты из всем известной жизни, но окрашены улыбкой или иронией, а также вопреки бытующему юмору на современной эстраде. Автор рассчитывает на внимательное, неторопливое прочтение и на оценку авторских приемов, литературных находок и образности языка непростого жанра. А. Ольгин» [37]. Сергей П. Емельченков, создавший несколько рассказов и собравший их в цикл «Таланту А.П. Чехова», использует литературный псевдоним Серж Пьетро и предлагает читателям довольно развернутую справку о себе, сообщая, что он – «академик Международной академии информатизации (МАИ), Международной академии интеллектуальных наукоёмких систем (МАИНС), инженер, изобретатель, математик..., советник Российской Федерации второго класса, постоянный член Совета экологической безопасности (экология знаний) Внешнеполитической ассоциации – секретариата Всемирного совета экс-министров иностранных дел..., автор книг (интернет-публикации): Цифры человечества. Ритмы человечества. Проблемы человечества. Теории человечества. Тезаурус незнаний..., автор переводов текстов песен с итальянского, французского, корсиканского, болгарского <...>. Оригинальный перевод с английского более ста сонетов Шекспира. Перевод с древнеславянского поэмы “Слово о полку Игореве”. <...> Номинирован на соискание Национальных литературных премий “Поэт года 2014, 2015, 2016, 2017”, “Наследие”, “Писатель года 2018, 2020”, “Георгиевская лента”, литературной премии имени Сергея Есенина “Русь моя”, “Песни”» [38].

Примеры можно продолжать. Но уже из приведенных вырисовывается следующая тенденция: бóльшая часть авторов¹³ в первую очередь подчеркивают, что они непрофессиональные писатели и вообще не писатели, пишут для себя, «как могут» (отсюда часто встречающаяся самоирония в представлении себя читателям), обращаясь за сюжетами и героями ко «всем известной жизни», что диктуется сознательной ориентацией на отражение в произведении правды жизни, не прикрытой «фальшивой позолотой хороших манер». Между тем авторы радуются, если у них находятся читатели, стараются затрагивать разные темы, чтобы привлечь их внимание, но их главная задача при создании текста – «не утомлять читателя, не отнимать у него драгоценное время»¹⁴, писать «увлекательно и не скучно», за которой стоят моделируемые ими процесс чтения и образ читателя. Чтение равно «наслаждение», отдых; читатель – любой заинтересовавшийся их сочинением, располагающий небольшим количеством времени, которое он может отдать чтению. Уже это позволяет рассматривать интересующие нас тексты как проявление дискурсивных практик, формируемых и определенным типом поведения автора и читателя и одновременно формирующих взаимодействия их коммуникативных, историко-культурных, социальных и т. д. установок, определяющих создание и восприятие текстов.

Корпус рассмотренных нами сочинений также нетрудно свести к некоторой модели: это в основном короткие рассказы¹⁵, вплоть до миниатюры, перекликающиеся в этом плане с излюбленным жанром Чехова (при иной, однако, чем у Чехова, мотивации использования лаконичного повествования, о которой уже было сказано выше: «не утомлять читателя, не отнимать у него драгоценное время»). Практически всегда они

¹³ В нашей случайной выборке только 1 из 10 авторов представляет себя читателям как обладателя литературных премий, перечисляемых, кстати, после перечня достижений в иных областях: академик, инженер, математик, изобретатель, общественный деятель.

¹⁴ При этом автор приведенного высказывания А. Ольгин пишет, что он «рассчитывает на внимательное, неторопливое прочтение и на оценку авторских приемов, литературных находок и образности языка» непростого, по его словам, жанра короткого юмористического рассказа.

¹⁵ Ряд авторов объединяют свои сочинения в циклы (серии), напр., «Современный Чехов» А. Ольгина, «Таланту А.П. Чехова» С. Пьетро, «Виртуалы» Матфевны, заслуживающие, на наш взгляд, отдельного исследования. Отдельными главами («черновыми страницами», как называет их автор в «Предупреждении к читателям») на портале Проза.ру осуществлялась и первая публикация метаромана (по определению Н.В. Пращерук) Е.Р. Домбровской «Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона». См. о нем: [39, 40].

имеют заголовок и/или жанровый подзаголовок, указывающие не только на обращение автора к тому или иному произведению Чехова, но и на тип его взаимодействия с классическим чеховским текстом: «Любопытно. Ремейк рассказа Чехова», «Хамелеон. Ремейк рассказа Чехова А.П.», «Тонкий и толстый. Прошлое уходит. Ремейк», рассказы из серии «Современный Чехов»: «Диван и Девушка. Эпизод из жизни “новых русских”», «Умный уборщик», «Швабра» определяются в подзаголовках как пародии на рассказы А.П. Чехова «Баран и Барышня», «Умный дворник» и «Размазня». Ремейк «Чехов. Человек в футляре» назван автором «современным триллером». «Чеховская пепельница» сопровождается примечанием автора: «Рассказ написан мной в 2005 году как отклик, сказанному когда-то, как бы в шутку А.П. Чеховым: “Вот, стоит пепельница, – хотите, я напишу рассказ?” Однако не написанный им, – и опубликован впервые в моем сборнике “Все мы немного лошади”... В последствии рассказ был перенесен на “Прозу.ру” для широкого круга читателей» [41] и др.

Нетрудно заметить, что наиболее часто продуктивной рецепции сочинений Чехова подвергаются его ранние и/или малоизвестные рассказы, а наиболее частотным типом такой рецепции является ремейк, новая версия уже существующего сочинения, ориентированная на его упрощение для массового читателя, приспособление к массовой литературе¹⁶. Эти трансформации происходят прежде всего на уровне жанра, который сам в этом процессе трансформируется в формат¹⁷.

¹⁶ Зарождение замысла ремейка описано в рассказе «Антошка Палыч Чехов» В. Шурика. Четверокласснику Антошке, то ли в шутку, то ли всерьез называемому учительницей Чеховым, «не нравится рассказ про Белолобого. Он про волчицу. Её жалко. И её волчат жалко тоже. Они могут умереть, если старая мама уже не может добыть им еду. А пьяница Игнат может случайно её застрелить. И волчата умрут от холода и голода. Белолобому они понравились, и он хотел бы с ними дружить. А так ему скучно». Ребенок хочет исправить текст, чтобы Белолобый остался в стае волков. Он делится с учительницей своим замыслом: «Я представлял как Белолобый согрел своей шерстью совсем маленьких волчат. Как он их обнимал и мечтал, чтобы Игнат забрал их к себе на зимовье, если что-то случится с волчихой. У Белолобого большое, доброе сердце». Ребёнок, в силу своего возраста, не воспринимает глубоких мировоззренческих установок писателя, питающих трагизм рассказа Чехова, его понятное желание счастливого конца, между тем, упрощает проблематику и смыслы сочинения классика, о чем Антошка, конечно же, не задумывается. Но примечательна реакция учительницы на намерение своего ученика «переписать» «Белолобого» так, чтобы он соответствовал его пониманию – она даже не пытается объяснить своему ученику авторский замысел, радуясь его «творческому подходу» к чте-

Рассказ Э. Ратникова «Любопытно» [44], уже в подзаголовке обозначенный как «ремейк рассказа Чехова», наполовину посвящен описанию читателям событий, предшествующих написанию ремейка. Повествователь уподобляет себя главному герою рассказа Чехова «Ванька» и вторую часть рассказа пишет в форме «жалостливого письма в кремлёвские палаты ПУТИНУ». И длинное вступление, и само повествование (не очень удачно стилизуемое под письмо Ваньки Жукова) насыщены современными реалиями. Герой-повествователь, именующий себя Эдуард Ратников, пишет письмо президенту на ноутбуке, адресует его на «ПРО-ЗА.РУ» – ПУТИНУ», сохраняет его на флэшку, идет в Интернет-кафе, так как «новый оптоволоконный кабель Интернета так до сих пор и не подсоединили» к их дому, там вставляет «драгоценную флэшку в щель USB-входа почтового компьютера», открывает «свою страничку» и отправляет письмо в «Прозу.ру». Письмо посвящено объяснению президенту причин, по которым Эдуард принимает участие во всех протестных мероприятиях, описанию которых посвящено подробное, упомянутое выше предисловие к рассказу. Завершается письмо советами В.В. Путину на тему «Что надо сделать немедленно?» в общественной и политической жизни страны, в государственных органах власти, которые сам же герой-повествователь называет «наивными мечтами НЕСОГЛАСНОГО».

Подобная событийная трансформация текста полностью вымарывает общечеловеческие, философские смыслы рассказа Чехова, изменяя до неузнаваемости чеховский образ Ваньки, авторскую позицию и сам жанр рассказа. Сочинение оказывается перенасыщено событиями, публицистическим пафосом и при этом лишено динамики. Место потерянного в большом мире одинокого чеховского героя (такова авторская позиция, авторская концепция мира и человека) занимает герой-рупор, открыто выражающий и пытающийся отстаивать свою и биографического автора, и большого сегмента общества политическую позицию, характерную для конкретного исторического периода России (начало 2010-х гг.). Одновременно он не вполне верит в результативность своих действий, что подчеркивается вполне ожидаемой и шаблонной, декларативно иронической и даже абсурдной развязкой, отражающей позицию автора:

нию, и на следующем уроке дает всему классу задание переписать рассказ Л.Н. Толстого «Филиппок». См.: [42].

¹⁷ Думается, с этим связано отсутствие ремейков поздней прозы Чехова среди сочинений непрофессиональных авторов. Использование мотивов и образов из его поздней прозы характерно для профессиональных писателей. См. об этом: [2, 43].

«Убаюканный сладкими надеждами, он, час спустя вернувшись домой, крепко заснул...» и увидел во сне сидящих за компьютером В.В. Путина и Д.А. Медведева, читающих его письмо «по очереди» министрам и правительству в полном составе, у ног президента и его сподвижника сидит кошка из детства героя и «метёт хвостом...»¹⁸.

Рассказ Н. Морозова «Самолётная фамилия, или Почти по Чехову» [46] уже своим заголовком отправляет читателя к раннему рассказу Чехова «Лошадиная фамилия», в котором, при всей юмористической модальности его повествования, раскрывается глубинная вечная проблема ориентации человека в окружающем его мире. Приказчик генерал-майора Будеева, Иван Евсеевич, пытаясь помочь ему унять зубную боль, старается вспомнить фамилию акцизного Якова Васильевича, умеющего заговаривать зубы, но помнит лишь то, что она «словно как бы лошадиная». Все домашние «наперерыв» изобретали разные фамилии, которые, однако, были связаны с общепринятыми ассоциациями с лошастью, и поэтому походили одна на другую. Все они зашли в тупик, не умея мыслить индивидуально.

В ремейке «Самолетная фамилия» фабула тоже перенесена в современность: действие происходит в битком набитом автобусе, где главный герой, судья Вадим Петрович, в силу своей профессии, зорко наблюдает за тем, как «в этой, подчас искусственно создаваемой, сутолоке на задней площадке ловко орудуют умельцы потрошить чужие карманы и сумки», контролируя одновременно свой наружный карман и вспоминая о последнем судебном заседании, где он выносил приговор чуть достигшему совершеннолетия карманному воришке. И далее мы сталкиваемся с известным приемом «рассказ в рассказе»: потерпевший утверждает, что у мальчишки был взрослый соучастник, пытается его описать и никак не может вспомнить кличку, которой соучастника назвал подсудимый, «что-то связанное с аэрофлотом. Самолёт, вертолёт, аэростат или дельтаплан. В общем, какая-то фамилия... самолётная». Эту кличку

¹⁸ Близки по типу трансформации чеховского «Ваньки» к ремейку Э. Ратникова ремейки этого же произведения С. Кокорина «Почта Деда Мороза» (представляет собой множество писем, отправленных Деду Морозу накануне 2020 г., которые сливаются в одну жалобу учителей на плохое поведение учеников, а тех на учителей, родителей и школу в целом, водителей на пробки, полицейских на водителей и т. д., Юрия 25 «Послание деду Морозу (действие происходит в 8009 г., героиня по имени Марга чертит письмо Деду Морозу пальцем по воздуху: «Дарагой Дет Марос! На этат Новы гот я бы хатела, штобы все стали дабре, а я красиве... И дедушка сделай парней хоть чуточку умнее! И заприти им носить эти праклятыи тиффоны чириз каторые всё видно...» [45]).

называет оперативник милиции, куда Вадим Петрович доставил пойманного им в автобусе карманника: «Ба! Старый знакомый – Дирижабль!». Как видим, в отличие от чеховского рассказа, в «Самолетной фамилии» смыслопорождающий мотив угадывания фамилии с помощью ассоциативного мышления вообще отсутствует. Оперативник назвал и кличку, и фамилию преступника, потому что он его узнал, потерпевший как будто бы вспомнил ее по ассоциации с внешним видом вора, что тут же снимается четким объяснением оперуполномоченным происхождения клички: «не по внешности дана ему кличка... Фамилия у него созвучная – Дирижабин». Рассказ Н. Морозова заканчивается информированием читателей о том, что после показаний оперативника «дело было направлено на доследование для привлечения к ответственности главного соучастника». Ср. у Чехова: приказчик вспомнил-таки фамилию целителя по явившейся ему неожиданной ассоциации с овсом, исходящей от доктора, удалившего больной зуб Булдеева, но эта фамилия как символ способности мозга порождать новые идеи, устанавливать уникальные соединения несоединимого, была никому не нужна.

Ремейк С. Десимона «Толстый и тонкий» с «говорящим» подзаголовком «Прошлое уходит» [47] представляет собой короткую миниатюру с чеховской фабулой встречи двух друзей детства. Тонкий и Толстый в ремейке словно меняются местами по настроению: ныне начальствующий тонкий обозлен на всех своих подчиненных, на молодое поколение, на жизнь, он болен, толстый ведет размеренный образ жизни и является собой само благодущие. Их едва начавшийся разговор обрывается, потому что тонкий торопится, ему «некогда точить лясы», а толстый извиняется за то, что задержал бывшего товарища, оставшись довольным встречей с далеким прошлым. И философская, и базирующаяся на ней социально-психологическая проблематика рассказа Чехова проигнорирована, герои предельно упрощены до маски-типа, их поведение и развязка повествования никак не мотивируются.

Рассказ Е. Привольневой, которому дан заголовок одного из программных сочинений позднего Чехова – «Дуэль» [48], строится на фабуле ранней одноактной шутки-комедии «Медведь»¹⁹. Повествование «Дуэли» Е. Привольневой лишено не только философской проблематики чеховской «Дуэли» (название ремейка прочитывается исключительно

¹⁹ В.Н. Полетаев, напротив, строит свое драматургическое сочинение «Веселая грустная история» на основе рассказов и повестей и одноактных пьес Чехова: «Скучная история», «Сапоги», «Предложение», «Медведь», «После бенефиса», «Средство от запоя», «Анюта» и «Лебединая песня».

в буквальном смысле, в отличие от повести Чехова), но и динамизма, присущего одноактной комедии как драматургическому произведению.

Сюжет ремейка отягощен множеством дополнительных линий, характерных для беллетристики (воспоминание Медеи (в образ которой трансформирован образ чеховской помещицы Поповой) о ее первом визите в дом ее первого мужа: дом поразил богатым убранством, муж подарил дорогое кольцо и сделал ей предложение; отъезд героини из дома к больной матери, ее возвращение домой и обнаружение умершего мужа в ванной комнате, а через год после этого обнаружение в саду сейфа, в котором ее покойный муж спрятал большую сумму денег «в разных валютах» и много слитков золота, ощущение себя богатой и независимой от второго мужа, Геннадия (в этот образ трансформирован образ чеховского героя, помещика Смирнова), в которого она страстно влюбилась во время дуэли с ним в оранжерее и которому, однако, не сообщила о найденных богатствах).

Эти и другие сюжетные линии не только тормозят действие и повествование, но и лишают героев целостности характеров, которыми обладают действующие лица чеховской пьесы. Утонченная Медея, искренне скорбящая о муже, оказывается падкой на его дорогие подарки, деньги и золото, ее любовь к Геннадию лишена искренности. Геннадий, грубый мужлан, мгновенно превращается в способного на тонкие чувства мужчину. Очень показательно, что в рассказе не востребована сюжетная линия комедии, показывающая изменение отношения героини к любимой лошади покойного мужа, параллельное нарастанию ее чувств к Смирнову и расставанию с образом навечно обреченной на страдания вдовы, старательно выстраиваемым помещицей Поповой и демонстрируемым ею окружающим. Напряженная игра эмоций, неожиданные переходы от одного состояния в другое, борьба мужчины и женщины за равноправие в сцене дуэли, на чем строится и внешнее, и внутреннее действие пьесы-шутки, ее конфликт и развязка тоже оказались вычеркнутыми из ремейка, где эта сцена отсутствует.

Рассказ «Диван и девушка» [49], входящий в серию «Современный Чехов», в жанровом отношении определяется автором Акакием Полиграфовичем Зимбершмундцем²⁰ как «пародия на рассказ А.П. Чехова

²⁰ Псевдоним состоит из имени героя повести Гоголя «Шинель», Акакия Акакиевича, ставшего в русской литературе воплощением образа «маленького человека», отчество отправляет читателя к образу Шарикова, выбравшего для себя имя Полиграф Полиграфович, фамилия героя построена по модели немецких и включает в себя 2 части: Цимбер (Zimber используется как фамилия и считается германской, но значение не определено. Используется как фамилия в Восточной Европе с XII в.

“Баран и барышня”». Однако в рассказе точно воспроизводится фабула, композиция, система героев рассказа Чехова, некоторые фразы буквально совпадают с текстом-донором. Здесь не создается «комический образ» [50. С. 268] пародируемого художественного произведения, стиля или жанра, нет «имитации стиля, позиции или идей автора, представляющей их в нелепом виде», с целью высмеивания имитируемого автора или произведения. При всей текстовой близости рассказа «Диван и девушка» к рассказу «Баран и барышня» нет преднамеренного искажения в первом основных характеристик последнего [51. С. 289], что, однако, не означает отсутствия глубокой трансформации чеховского произведения под пером Акакия Полиграфовича Зимбершмундца.

Чеховский образ барышни осовременен в ремейке деталями ее внешнего описания (она носит бейсболку; представляясь хозяину дома, подает ему руку; она закончила институт нефтехимии и газа, потом работала в МакДональдсе, потом машинисткой и т. д. – всё это противоречит ее внутреннему облику, списанному с чеховской героини: она наивна, чиста, доверчива и неопытна) и сведен к типу «маленького человека», открытого русской литературе Н.В. Гоголем, превратившегося впоследствии в тип-клише, за рамки которого Чехов и другие русские писатели второй половины XIX в. уже вышли [59–64].

Образ «нового русского» создается как легко читаемый штамп: безымянный герой ремейка груб, вульгарен и пошл, не образован («Читать надоело сразу по окончании 11 класса»), богат («типа, начальник фирмы одной, чипсы делаем», в его доме есть служанка, он – владелец дорогого «Мерса», на котором его возит личный шофёр), но ограничен духовно, уровень его культуры и интеллекта невысок (обращается к незнакомой девушке на ты, круг его занятий: бесцельное «катание на машине» и поход в «кино», причем, если чеховский герой, пусть и от нечего делать, отправляется в театр, то «новый русский» в престижный «Кодак Киномир»²¹ смотреть модный фильм «Восемь миллиметров»²²). За-

Zimber может быть вариантом немецкого слова Kimber – также является именем и фамилией. Zimber также может быть искажением Zimble(r) или Tsimbl – древний средневековый струнный инструмент, на котором играли, перебирая струны пальцами или плектром – см.: <https://www.definitions.net/definition/Zimber>) + глагол нем. яз. *schmunzeln* (ухмыляться).

²¹ Кинотеатр нового формата с соответствующим проекционным оборудованием на Пушкинской площади в Москве.

²² Американский триллер американского режиссера и сценариста Д. Шумахера, имел большие кассовые сборы, при том что критикой был оценен негативно.

метим, что герой чеховского рассказа, в отличие от «нового русского» из ремейка, принадлежит к дворянскому сословию, он образован, служит в банке, научен хорошим манерам поведения, воспитан и, конечно же, имеет представление о том, как следует обходиться с дамами. И при этом культурный слой этого героя настолько тонок и хрупок, что стоит ему столкнуться с барышней, «одетой просто... даже очень просто», как он, считающий себя и представляющий себя обществу интеллигентным добропорядочным человеком, перестает видеть в ней не только даму, но и человека, воспринимает ее как просительницу и в силу этого позволяет себе фривольное поведение по отношению к ней, а главное, он не слышит ее, даже не пытается понять ее положение, отнестись всерьез к ее наивно подаваемой просьбе. Эти чеховские философские мотивы одиночества, отсутствия взаимопонимания между людьми, соотношения в человеке культурного, человеческого и природного, животного начал и др. в ремейке вычеркнуты, что сводит его смыслы к банально раскрытой теме унижения бедного и беспомощного богатым, грубым и властным²³.

Довольно распространенным видом креативной рецепции среди рассматриваемых сочинений является пастиш, весьма разнообразный по воплощению этой литературной техники. Так, рассказ О. Бондаря Аши «Перечитывая Чехова» [52] открывается небольшой мемуарной преамбулой героя-повествователя о том, как они с родителями жили в Миньяре, как его мать, при «самом скромном житье», купила трехтомник рассказов Чехова, как он, будучи мальчиком, скучал над этими книгами, а мать «читала и перечитывала» их, «глубоко понимала Чехова» и «часто его цитировала». И далее следуют его, уже взрослого человека, резюме: «Рассказы Чехова: полифония, многоголосый хор, лиц и мыслей хоровод. Без назидательства и учительства, но как колокольчик или колокол, в зависимости от масштаба образа, вопрос, как мы живём? как надо жить?», и большая подборка составленных им цитат из чеховских

²³ В ряд с рассказом «Диван и девушка», по технике трансформации текста-донора, встают «Умный уборщик. Пародия на произведение А.П. Чехова», «Швабра. Пародия на произведение А.П. Чехова “Размазня”» Акакия Полиграфовича Зимбершмундца, ремейк Ю. Бурчака-Находки «Хамелеон. ремейк рассказа Чехова А.П.», рассказы Е. Нижельского «Переборщил» и «Толстый и тонкий», обозначенные автором в жанровом отношении «вариациями на чеховские рассказы».

рассказов, которая заключается словами «перечитывая Чехова» и ссылкой на упомянутый трехтомник писателя.

Сочинение И. Давыдовой «Чехов. Человек в футляре – современный триллер» [53] представляет собой комментированный пересказ данного рассказа с использованием цитат и с очевидным коммуникативным намерением автора свести содержание произведения к востребованной массовой аудиторией интерпретации²⁴:

«Если считать по меркам нашего времени, то это произведение настоящий экшен. И чего только нет в нем: и мистика, и ужастики, и даже реализм присутствует. А не поговорить ли нам об этом произведении в это виде? История страшилки на ночь. Итак, начинается все по жанру – расположившиеся на ночлег охотники желают послушать историю. И вот один из них рассказывает “Ужастик”, свидетелем которого он был. Заинтересовались?»

Как видим, И. Давыдова не берет во внимание то, что «Человек в футляре» входит в «маленькую трилогию», общность которой задана автором единой системой рассказчиков, единой ситуацией, системой героев, которыми овладевает ложное представление о жизни и о цели пребывания человека на земле. Авторское обрамление рассказа, в котором сталкиваются три жизненные позиции и, соответственно, три типа реакции на историю о Беликове, сводится в начале к приведенному выше фрагменту, а в конце – к следующей интерпретации финала рассказа повествователем пересказа, инкрустированного цитатами из сочинения классика:

«Казалось бы не совсем логичный финал? Что с того, что над ним пошлялась женщина, на которой он еще и не думал жениться? Что с того, что кто-то увидел это “небольшое событие”? Стоило ли из-за этого умирать такому “всемогущему человеку”, как Беликов? Оказывается – это вполне закономерно. Смех лишил “тирана его могущества и от него остался всего лишь “слабый и злой человек”, которого уже никто не стал бы бояться и подчиняться. А именно этого Беликов, возможно, больше всего и боялся, и этому была подчинена вся его жизнь. И теперь все рассыпалось – никуда не спрячешься. И Беликов умер.” Да, он достиг своего идеала!» – как сказал о нем автор. Его похоронили, все почувствовали себя свободнее. Однако, надолго ли?... сколько еще таких человек

²⁴ Подобных текстов на портале довольно много, напр.: Наина. Чехов о любви; Чернов Ф.К. Об одном рассказе Чехова); З. Орлова. Размышления по некоторым рассказам Чехова; Э. Веденяпина. Страстная пятница по Чехову рассказ Студент; Н. Дали. Рассказы Чехова и др.

в футляре осталось. сколько еще будет!” Видимо на место Беликова встали другие, которые может и по-своему—но продолжили “его дело”. Продолжили давить, шпионить, следить друг за другом, фискалить на ближнего и докладывать о своих “разысканиях” начальству. И снова в городе стали процветать интриги, подлость, тотальная слежка. Почему? Посмотрите как актуально это даже и сейчас. И многие могут сказать то же, что и герои, слушавшие эту историю. “А разве то, что мы живем в городе, в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт—разве это не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников и сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор—разве это не футляр?” Горькие слова, которые и сейчас люди говорят себе. “Видеть и слышать, как лгут—и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносить обиды, унижения, не сметь открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена—нет, больше жить так невозможно!”. И выходит, что многие из нас и являются этим “человеком в футляре”. /большинство, конечно не по своей воле/ И эти “невидимые миру слезы” пожестче и круче любого ужасника.»

В центре миниатюры В. Байтингера «не Чехов» [54] находятся весьма неточно (вероятно, намеренно неточно) приведенные цитаты, приписываемые героем-повествователем немаркированным именами персонажам Чехова: «работать надо, господа, работать... работа делает человека человеком» (ср. в «Дяде Ване»: «Надо, господа, дело делать!», в «Трех сестрах»: «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги»), и немаркированное высказывание (по определению повествователя, «другого классика») – «работа облагораживает» (ср. у В.Г. Белинского: «Труд облагораживает человека», «Труд делает человека человеком» – приписывается М. Горькому). Ее содержание сводится к следующему: повествователь, приехавший в деревню к родственникам, отправился вместе со всеми косить сено, «замахал с удовольствием, остервенело узким клином уходя в глубь сенокосного поля... Через пятнадцать минут взмок и раскраснелся ощущая великую причастность к трудовому народу... Вспомнил Чеховских героев которые говорили: работать надо, господа, работать... работа делает человека-человеком. Работа облагораживает говорил другой классик. Вернулся во двор, выпил колодезной воды... Рядом сестра делает творог...” Ну чем не Чехов”-гордо говорю? Она не оборачиваясь, спокойно: ничем не Чехов...».

Миниатюра отличается легкой иронией в отношении чеховских героев, реплики которых, будучи оторваны от действительности, в свое время были неуместны, а в результате постоянного искажения со временем были превращены в клише, банальные, тривиальные, не несущие никакого смысла высказывания, утратившие связь с семантикой источника, в отношении самого себя как потребителя таких штампов и их пользователя. Миниатюра, таким образом, оказывается сфокусированной на формулировке новой – не чеховской и не горьковской, вообще с ними не перекликающейся мысли: *всё – «не Чехов»*, наполняющей текст, обрамляющей его перекрещиванием заглавия и финальной фразы.

По структуре и модальности повествования (иронической) к миниатюре В. Байтингера близок рассказ И. Мосунова²⁵ «Красота спасёт мир» [55], имеющий подзаголовок «История возникновения фразы “Красота спасет мир”» и своего рода эпитафия «Лики русской литературы: Тургенев, Достоевский, Чехов. Один за всех и все за одного» (эпитафией в круг героев вводится еще четверка мушкетеров из романа А. Дюма). История «удивительной бессмертной фразы из романа Федора Михайловича Достоевского “Идиот”», действительно, представляет собой «историю», повествование в духе постмодернистской игры, в основе которой вымышленное событие: драка, произошедшая «солнечным летним днем» в Александровском парке между Чеховым, Достоевским, Тургеневым, с одной стороны, и пятью напавшими на последнего грабителями. Находясь не в самых дружеских отношениях, писатели объединяются против бродяг, желающих опустошить карманы Тургенева. Главным образом-символом рассказа становится статуэтка Афродиты, которую Чехов только что купил на аукционе и над которой за несколько минут до драки насмеялся Тургенев, желая уколоть ее владельца. Именно этой статуэткой, с мыслью «Сейчас, голубчики, вы узнаете истинную силу искусства», Антон Павлович, пока Достоевский «размахивал кулаками в разные стороны», а Тургенев то и дело падал на землю от ударов грабителей, наносил сильные и меткие удары по врагам, так что у статуэтки отвалилась голова, а враги начали отступать еще до появления городского. Празднуя победу в кабаке, Тургенев заметил:

– А ведь что получается, господа... Красота нас спасла.

²⁵ Был номинирован редакционной комиссией портала Проза.ру на Национальную литературную премию «Писатель года 2015», «Писатель года 2016», «Писатель года 2017».

– А ежели выразиться более обще, – продолжил Достоевский, – Красота спасет мир.

– Точно! – поддержал Чехов.

Писатели поставили безголовую статуэтку в центре стола, чокнулись друг с другом, потом чокнулись со статуэткой, произнесли хором «Красота спасет мир», выпили водки и рассмеялись.

Такова подлинная история возникновения фразы «Красота спасет мир».

Как видим, глубина процитированного высказывания о красоте и ее назначении оказывается не востребованной автором, более того, ее суть разрушается самими классиками (статуэтку древнегреческой богини красоты и любви Чехов использует как оружие в драке, в ходе которой фигурка оказывается обезглавленной, в таком обезображенном виде писатели-классики ставят ее в центр праздничного стола, чокаются с ней, пьют водку под хоровое «Красота спасет мир» и смеются), что, конечно, выражает авторскую позицию в сочинении И. Мосунова в духе народной смеховой культуры. Вместо глубоких философских, мировоззренческих установок, транслируемых русской классикой, читателю предлагается восприятие постулата о спасении мира красотой в буквальном смысле, откуда и проистекает смеховой эффект всего повествования, включая финал.

Рассказ А. Ольгина «Чеховская пепельница» [41] ассоциирован самим автором с творчеством классика не только заглавием, но и постскриптумом, излагающим историю создания произведения: «Рассказ написан мной в 2005 г. как отклик, сказанному когда-то, как бы шутку А.П. Чеховым: “Вот, стоит пепельница, – хотите, я напишу рассказ?”»²⁶. Написанный за Чехова рассказ А. Ольгина, состоящий из двух абзацев, ничем не связанный с Чеховым и его творчеством, не заменяет ненаписанное классиком сочинение ни в каком плане. Чуть более удачной оказалась попытка написать за Чехова рассказ о пепельнице у А. Ершова [57]²⁷, в котором чеховская пепельница – лишь одна из ряда деталей повествования: поначалу она фигурирует как один из предметов коллекции ворованных клептоманом в ресторанах пепельниц, отличаясь от других тем, что называлась владельцем коллекции чеховской, потому что была украдена в городе Чехов, в финале она подарена клептоманом «немножко писателю», повествователю данного рассказа, который

²⁶ См. воспоминания В.Г. Короленко о Чехове в кн.: [56. С. 137].

²⁷ А. Ершов посвящает свой рассказ А. Ольгину.

с гордостью показывает ее заходящим к нему «случайным писателям», называя ее чеховской и предлагая «сочинить про нее рассказ».

Обобщая основные особенности представляемого корпуса текстов, можно увидеть, что круг сочинений Чехова, на которые ориентируются современные непрофессиональные авторы в поисках своего авторского «Я» – это, главным образом, раннее творчество писателя-классика, которое становится для них своего рода универсальным текстом, порождающим их сочинения. С другой стороны, исследование показывает, сколь широк круг современных произведений и их авторов-непрофессионалов, откликающихся на творчество Чехова – ими создается особого рода гипертекст к творческому наследию писателя-классика. Самым существенным результатом исследованной продуктивной (креативной) рецепции творчества Чехова писателями-любителями, публикующимися в цифровом формате, представляется выявленная парадигма авторских рецептивных стратегий – от ремейка до парафраза, от упрощения смыслов произведений классика, что наиболее частотно, до новых смыслов, весьма, однако, далеких от чеховских. Наиболее востребованной оказывается рассмотренная нами рецепция художественных текстов, хотя на портале опубликованы и образцы продуктивной рецепции эпистолярия Чехова, записных книжек писателя, его дневниковых записей, что представляет отдельную тему для изучения. Почти все проанализированные нами тексты являются простейшим типом продуктивной рецепции – прямой, формальный, т. е. опираются на текст-первоисточник, заимствуя при этом фабульную линию, систему героев, хронотоп и подвергая, максимум, осовремениванию деталей их описание. Авторский замысел как будто не принимается во внимание: его не усиливают, не развивают, ему не противоречат. Постмодернистская игровая стратегия «переписывания» Чехова – довольно редкое явление в прозе писателей-непрофессионалов (в нашей случайной выборке таковая использована, пожалуй, только в двух текстах: В. Байтингера «не Чехов» и И. Мосунова «Красота спасет мир»). Образцов конгениальной, по терминологии и типологии М.С. Слоистой, креативной рецепции, развивающей подтексты авторского замысла, сопоставляющей произведения разных авторов, в нашей выборке не встретилось (если не считать указанный выше рассказ И. Мосунова «Красота спасет мир», в котором три героя – Тургенев, Достоевский и Чехов – олицетворяют ушедшую в прошлое, саморазрушившуюся русскую классику XIX в.).

В заключение важно отметить, что малая сетевая проза непрофессиональных авторов, во-первых, является органичной частью общего современного процесса продуктивной художественной рецепции прозы

А.П. Чехова и русской классики в целом, отличаясь, конечно, отмеченными нами особенностями; во-вторых, она отражает дифференциацию современного цифрового общества, его движение, с одной стороны, к более сложной и динамичной структуре, а с другой – к «сбросу сложностей» (Л. Гудков) в понимании человека и окружающей его действительности, что демонстрирует разрыв с традиционной системой и одновременно предвосхищает новый виток в ее развитии [58]; в-третьих, в определенной мере характеризует современный литературный процесс, раскрывая изменения в понимании современным цифровым обществом институциональных понятий *художественная литература, писатель, литературное творчество, чтение*. Трансформации художественного текста в сетевой непрофессиональной прозе начала XXI в. происходят прежде всего на уровне жанра, который в этом процессе сам трансформируется в формат. Относясь к форматной литературе, порождаемой конкретными социокультурными запросами массовой читательской аудитории, которые задают содержание и форму художественного текста, рассмотренная сетевая проза востребована современной массовой сетевой читательской аудиторией, влияя на формирование (если не сказать, формовку – термин Е. Добренко [59–64]) и сетевых писателей, и сетевых читательских практик, критериев оценки и выбора для чтения художественных текстов.

Однако всё это требует полной аргументации и, следовательно, продолжения исследования заявленных в статье проблем.

Список источников

1. Шаопин Чж. Традиции А.П. Чехова в современной русской литературе (конец XX – начало XXI века) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 19 с.
2. Бушканец Л.Е., Иванова Н.Ф. Переписывание Чехова в современной прозе: опыт Д.В. Драгунского // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 1 (52). С. 101–110.
3. Абрамовских Е.В. Типологические особенности креативной рецепции незаконченных произведений А.С. Пушкина // Филологический журнал. 2006. № 1 (2). С. 91–103.
4. Абрамовских Е.В. Феномен креативной рецепции незаконченного текста (на материале дописываний незаконченных отрывков А.С. Пушкина). Челябинск : Библиотека А Миллера, 2006. 280 с.
5. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2011. 280 с.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.

7. Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учебных заведений: в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М. : Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.
8. Трунин С.Е. Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX – начала XXI в. Минск : Логвинов, 2006. 156 с.
9. Гимранова Ю.А. Креативные рецепции тургеневских рассказов Виктором Пелевиным // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 237–247.
10. Ильясова А.Ж. Креативные рецепции произведений Ф.М. Достоевского в современной прозе // Уральский филологический вестник. 2020. № 3. С. 133–148.
11. Слоистова М.С. Типология и стратегии креативной рецепции на примере английской поэзии и прозы постмодерна // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 110–119.
12. Науман М. Литературное произведение и история литературы. М. : Радуга, 1984. 424 с.
13. Загидуллина М.В. Ранние статьи Гоголя о Пушкине: к вопросу «внутрицеховой» рецепции // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. № 1. С. 34–41.
14. Верма В., Мароши В.В. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского в современной отечественной литературе: между ремейком и пастишем // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 37. С. 18–34.
15. Черкунова М.В., Пономаренко Е.В. Малоформатные произведения сетевой литературы в контексте современной англоязычной цифровой коммуникации: системно-динамический подход // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 168–175.
16. Сарин Л. Современная русская литература в сети: основные художественные тенденции и свойства : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 19 с.
17. Харьковская А.А. Трансформация англоязычного коммуникативного пространства в эпоху медийных технологических инноваций // Эволюция и трансформация дискурсов : сб. науч. ст. Самара: Изд-во «Самарский государственный университет», 2016. С. 137–144. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27308431> (дата обращения 19.05.2025).
18. Леденева С.Н. О факторах коммуникативной эффективности текста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 2. С. 97–101.
19. Лебедева М.Н. Микрожанры современной прозы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 26 с.
20. Кучукова З.А., Берберова Л.Б. Сетература как культурный феномен в эпоху цифровизации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. Т. 9, № 4. С. 21–24.
21. Хорева Л.Г. Жанровая специфика новейшей испанской малой прозы: между анекдотом и паремией // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 149–155.

22. Рэйда Л. Про формат и неформат. URL: <https://author.today/post/154458> (дата обращения: 22.05.2025).
23. Луценко Е. Лопнувший формат // Вопросы литературы. 2009. № 6. С. 100–112.
24. Аросев Г. Разрыв шаблона // Вопросы литературы. 2010. № 4. С. 84–95.
25. Маркова Д. В третьей хижине: вопрос формата // Знамя. 2011. № 4. С. 197–203.
26. Леонтьев Д. Психологический феномен в «формате». URL: https://www.ng.ru/archivematerials/2007-10-01/56_fenomen.html (дата обращения: 22.05.2025).
27. Кемарская И.Н. Форматная драматургия телевизионного произведения в медийном пространстве цифровой эпохи : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 59 с.
28. Бирр-Цуркан Л.Ф. Формульный характер частных немецких писем XIV–XV веков // Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете. 2020. Т. 10. С. 137–152.
29. Чупринин С. Формульное письмо // Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. М. : Время, 2007. 766 с.
30. Костина В.А. Дискурс-анализ непрофессионального художественного текста (на примере детективного рассказа) // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 117–127.
31. Костина В.А. Современная непрофессиональная интернет-проза как дискурс (на примере детективного рассказа) // Наука, технологии, прогресс : сб. тр. междунар. on-line конф., Киров, 29 октября 2017 г. URL: <http://student.eee-science.ru/listing/sovremennaya-neprofessionalnayainternet-proza-kak-diskurs-na-primere-detektivnogo-rasskaza/> (дата обращения 22.05.2025).
32. <https://proza.ru/avtor/rated141143ram> (дата обращения 02.05.2025).
33. <https://proza.ru/avtor/barnaxodka> (дата обращения 02.05.2025).
34. <https://proza.ru/avtor/kateryna> (дата обращения 02.05.2025).
35. <https://proza.ru/avtor/vpoletaev?ysclid=mbc6ni9nn3768095170> (дата обращения 02.05.2025).
36. <https://proza.ru/avtor/2510yura> (дата обращения 02.05.2025).
37. <https://proza.ru/avtor/telefon1> (дата обращения 02.05.2025).
38. <https://proza.ru/avtor/emeil2030> (дата обращения 02.05.2025).
39. Пращерук Н.В. Христианский метароман Е.Р. Домбровской «Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 3. С. 222–237.
40. Пращерук Н.В. Диалог с Ф.М. Достоевским в романе Е.Р. Домбровской «Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 4. С. 345–365.
41. <https://proza.ru/2015/12/11/1892?ysclid=mbc9sw7g19698419786> (дата обращения 02.05.2025).
42. <https://proza.ru/2022/04/26/1061?ysclid=mbc7fhhum843868430> (дата обращения 03.05.2025).
43. Михина Е.В. Чеховский интертекст в русской прозе конца XX – начале XXI веков : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.

44. <https://proza.ru/2013/01/15/11117?ysclid=mbc12lpeb3738162875> (дата обращения 03.05.2025.)
45. <https://proza.ru/2015/06/11/665?ysclid=mbc7snsrxp448726559> (дата обращения 03.05.2025.)
46. <https://proza.ru/2004/05/30-118?ysclid=mbc82q1nkn145787533> (дата обращения 03.05.2025.)
47. <https://proza.ru/2023/12/27/1138?ysclid=mbc8ctiqi0958400871> (дата обращения 04.05.2025.)
48. <https://proza.ru/2013/04/06/2088?ysclid=mbc8ifsc3t381788481> (дата обращения 04.05.2025.)
49. <https://proza.ru/2001/02/14-06?ysclid=mbc8rbyb6p389965846> (дата обращения 04.05.2025.)
50. Гаспаров М.Л. Пародия // Литературный энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 268.
51. Боров Ю.Б. Эстетика. Теория литературы : Энциклопедический словарь терминов. М. : Астрель, 2003. 575 с.
52. <https://proza.ru/2020/04/14/1329?ysclid=mbc9b1mbri966977648> (дата обращения 05.05.2025.)
53. <https://proza.ru/2021/03/28/817?ysclid=mbc9dfgrj1981456677> (дата обращения 05.05.2025.)
54. <https://proza.ru/2022/08/15/1463?ysclid=mbc9kcsygr999868753> (дата обращения 05.05.2025.)
55. <https://proza.ru/2011/01/23/946?ysclid=mbc9n4fn73669154229> (дата обращения 05.05.2025.)
56. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М. : Худ. лит., 1986. 735 с.
57. <https://proza.ru/2017/05/16/1091?ysclid=mbc9ykcZ5860454343> (дата обращения 05.05.2025.)
58. Гудков Л. Проблема абортивной модернизации и мораль. Стенограмма лекции. Текст с электронной публикации с сайта Полит.ру: Лекции. 2008. С. 5, 7. <http://polit.ru/article/2008/11/21/gudkov/>
59. Добренко Е. Формовка советского читателя. М. : Академический проект, 1997. 321 с.
60. Дубин Б.В., Гудков Л.Д. Литература как социальный институт. М. : НЛЮ, 2004. 350 с.
61. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб. : Академический проект, 1999, 558 с.
62. Дубин Б.В., Гудков Л.Д., Страда В. Литература и общество: Введение в социологию литературы. М. : РГГУ, 1998. 76 с.
63. Дубин Д.В., Зоркая Н.А. Чтение в России-2008. Тенденции и проблемы. М. : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. 80 с.
64. Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М. : НЛЮ, 2010. 345.

References

1. Shaopin, Zh. (2018) *Traditsii A.P. Chekhova v sovremennoy russkoy literature (konets XX – nachalo XXI veka)* [Chekhov's Traditions in Modern Russian Literature (Late 20th – Early 21st Century)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Bushkanets, L.E. & Ivanova, N.F. (2024) Perepisvaniye Chekhova v sovremennoy proze: opyt D.V. Dragunskogo [Rewriting Chekhov in Modern Prose: The Case of D.V. Dragunsky]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(52). pp. 101–110.
3. Abramovskikh, E.V. (2006) Tipologicheskie osobennosti kreativnoy retseptsii nezakonchennykh proizvedeniy A.S. Pushkina [Typological Features of Creative Reception of A.S. Pushkin's Unfinished Works]. *Filologicheskij zhurnal*. 1(2). pp. 91–103.
4. Abramovskikh, E.V. (2006) *Fenomen kreativnoy retseptsii nezakonchennogo teksta (na materiale dopisyvaniy nezakonchennykh otryvkov A.S. Pushkina)* [The Phenomenon of Creative Reception of Unfinished Texts (Based on the Completions of A.S. Pushkin's Unfinished Fragments)]. Chelyabinsk: Biblioteka A Millera.
5. Zinchenko, V.G., Zusman, V.G. & Kirnoze, Z.I. (2011) *Literatura i metody ee izucheniya. Sistemno-sinergeticheskij podkhod* [Literature and Methods of Its Study: A Systemic-Synergetic Approach]. Moscow: Flinta: Nauka.
6. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
7. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2004) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. 1. Moscow: Akademiya.
8. Trunin, S.E. (2006) *Retseptsiya Dostoevskogo v russkoy proze kontsa XX – nachala XXI v.* [The Reception of Dostoevsky in Russian Prose of the Late 20th – Early 21st Century]. Minsk: Logvinov.
9. Gimranova, Yu.A. (2018) Kreativnye retseptsii turgenevskikh rasskazov Viktorom Pelevinyim [Creative Receptions of Turgenev's Stories by Victor Pelevin]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1. pp. 237–247.
10. Ilyasova, A.Zh. (2020) Kreativnye retseptsii proizvedeniy F.M. Dostoevskogo v sovremennoy proze [Creative Receptions of F.M. Dostoevsky's Works in Modern Prose]. *Ural'skiy filologicheskij vestnik*. 3. pp. 133–148.
11. Sloistova, M.S. (2020) Tipologiya i strategii kreativnoy retseptsii na primere angliyskoy poezii i prozy postmoderna [Typology and Strategies of Creative Reception: The Case of English Postmodern Poetry and Prose]. *Vestnik Permskogo un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 12(2). pp. 110–119.
12. Nauman, M. (1984) *Literaturnoe proizvedenie i istoriya literatury* [The Literary Work and the History of Literature]. Moscow: Raduga.
13. Zagidullina, M.V. (2004) Rannie stat'i Gogolya o Pushkine: k voprosu "vnutritsekhovoy" retseptsii [Gogol's Early Articles on Pushkin: On the Question of "Intra-Guild" Reception]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 34–41.
14. Verma, V. & Maroshi, V.V. (2025) Crime and punishment by Dostoevsky in modern Russian literature: Between remake and pastiche. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 37. pp. 18–34. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/37/2
15. Cherkunova, M.V. & Ponomarenko, E.V. (2021) Maloformatnye proizvedeniya setvoy literatury v kontekste sovremennoy angloyazychnoy tsifrovoy kommunikatsii: sistemno-dinamicheskij podkhod [Small-Form Works of Network Literature in the

- Context of Modern English-Language Digital Communication: A Systemic-Dynamic Approach]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 27(4). pp. 168–175.
16. Sarin, L. (2018) *Sovremennaya russkaya literatura v seti: osnovnyye khudozhestvennyye tendentsii i svoystva* [Modern Russian Literature Online: Key Artistic Trends and Features]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
 17. Kharkovskaya, A.A. (2016) Transformatsiya angloyazychnogo kommunikativnogo prostranstva v epokhu mediynykh tekhnologicheskikh innovatsiy [Transformation of the English-Language Communicative Space in the Era of Media Technological Innovations]. In: *Evolyutsiya i transformatsiya diskursov* [Evolution and Transformation of Discourses]. pp. 137–144. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27308431> (Accessed: 19th May 2025).
 18. Ledeneva, S.N. (2017) O faktorakh kommunikativnoy effektivnosti teksta [On the Factors of Communicative Effectiveness of a Text]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 23(2). pp. 97–101.
 19. Lebedeva, M.N. (2016) *Mikrozhanry sovremennoy prozy* [Microgenres of Modern Prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
 20. Kuchukova, Z.A. & Berberova, L.B. (2020) Seteratura kak kul'turnyy fenomen v epokhu tsifrovizatsii [Net Literature as a Cultural Phenomenon in the Era of Digitalization]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*. 9(4). pp. 21–24.
 21. Khoreva, L.G. (2018) Zhanrovaya spetsifika noveyshey ispanskoj maloy prozy: mezhdru anekdotom i paremiy [Genre Specificity of the Newest Spanish Short Prose: Between Anecdote and Paremia]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 4(32). pp. 149–155.
 22. Reyda, L. (n.d.) *Pro format i neformat* [About Format and Non-Format]. [Online] Available from: <https://author.today/post/154458> (Accessed: 22nd May 2025).
 23. Lutsenko, E. (2009) Lopnuvshiy format [The Burst Format]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 100–112.
 24. Arosev, G. (2010) Razryv shablona [Breaking the Template]. *Voprosy literatury*. 4. pp. 84–95.
 25. Markova, D. (2011) V tret'ey khizhine: vopros formata [In the Third Hut: The Question of Format]. *Znamya*. 4. pp. 197–203.
 26. Leontiev, D. (n.d.) *Psikhologicheskiiy fenomen v "formate"* [The Psychological Phenomenon in "Format"]. [Online] Available from: https://www.ng.ru/archivematerials/2007-10-01/56_fenomen.html (Accessed: 22nd May 2025).
 27. Kemarskaya, I.N. (2021) *Formatnaya dramaturgiya televizionnogo proizvedeniya v mediyom prostranstve tsifrovoy epokhi* [Format Drama of Television Works in the Media Space of the Digital Era]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
 28. Birr-Zurkan, L.F. (2020) Formul'nyy kharakter chastnykh nemetskikh pisem XIV–XV vekov [The Formulaic Nature of Private German Letters of the 14th–15th Centuries]. *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom universitete*. 10. pp. 137–152.
 29. Chuprinin, S. (2007) *Russkaya literatura segodnya. Zhizn' po ponyatiyam* [Russian Literature Today: Life by Concepts]. Moscow: Vremya.
 30. Kostina, V.A. (2017a) Diskurs-analiz neprofessional'nogo khudozhestvennogo teksta (na primere detektivnogo rasskaza) [Discourse Analysis of Non-Professional Literary (na primere detektivnogo rasskaza)]

- Texts (Based on a Detective Story)]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 4(14). pp. 117–127.
31. Kostina, V.A. (2017b) *Sovremennaya neprofessional'naya internet-proza kak diskurs (na primere detektivnogo rasskaza)* [Modern Non-Professional Internet Prose as Discourse (Based on a Detective Story)]. *Nauka, tekhnologii, progress* [Science. Technology. Progress]. Proc. of the Conference. Kirov, October 29, 2017. [Online] Available from: <http://student.eee-science.ru/listing/sovremennaya-neprofessionalnayainternet-proza-kak-diskurs-na-primere-detektivnogo-rasskaza/> (Accessed: 22nd May 2025).
 32. Ratnikov, E. (n.d.) [Online] Available from: <https://proza.ru/avtor/rated141143ram> (Accessed: 2nd May 2025).
 33. Burchak, Yu. (n.d.) *Nakhodka*. [Online] Available from: <https://proza.ru/avtor/barnaxodka> (Accessed: 2nd May 2025).
 34. Privolneva, E. (n.d.) [Online] Available from: <https://proza.ru/avtor/kateryna> (Accessed: 2nd May 2025).
 35. Poletaev, V. (n.d.) [Online] Available from: <https://proza.ru/avtor/vpoletaev?ysclid=mbc6ni9nn3768095170> (Accessed: 2nd May 2025).
 36. Yury 25. (n.d.) [Online] Available from: <https://proza.ru/avtor/2510yura> (Accessed: 2nd May 2025).
 37. Olgin, A. (n.d.) [Online] Available from: <https://proza.ru/avtor/telefon1> (Accessed: 2nd May 2025).
 38. Emelchenkov, S.P. (n.d.) [Online] Available from: <https://proza.ru/avtor/emeil2030> (Accessed: 2nd May 2025).
 39. Prashcheruk, N.V. (2018) *Khristianskiy metaroman E.R. Dombrovskoy "Put' otkrylsya... Chekhov. Dukhovnye stranstviya Timofeya diakona"* [The Christian Metanovel by E.R. Dombrovskaya "The Path Opened... Chekhov. The Spiritual Wanderings of Deacon Timofey"]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 16(3). pp. 222–237.
 40. Prashcheruk, N.V. (2019) *Dialog s F.M. Dostoevskim v romane E.R. Dombrovskoy "Put' otkrylsya... Chekhov. Dukhovnye stranstviya Timofeya diakona"* [A Dialogue with Fyodor Dostoevsky in E.R. Dombrovskaya's Novel "The Path Opened... Chekhov. The Spiritual Wanderings of Deacon Timofey"]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 17(4). pp. 345–365.
 41. Olgin, A. (n.d.) *Chekhovskaya pepel'nitsa* [Chekov's ashtray]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2015/12/11/1892?ysclid=mbc9sw7g19698419786> (Accessed: 2nd May 2025).
 42. Shurik, V. (n.d.) *Antoshka Palych Chekhov*. [Online] Available from: <https://proza.ru/2022/04/26/1061?ysclid=mbc7fhhum843868430> (Accessed: 3rd May 2025).
 43. Mikhina, E.V. (2008) *Chekhovskiy intertekst v russkoy proze kontsa XX – nachale XXI vekov* [Chekhov's Intertext in Russian Prose of the Late 20th – Early 21st Centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
 44. Ratnikov, E. (2013) *Lyubopytno. Chekov's story rimeik* [Curious. A retelling of Chekhov's story]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2013/01/15/1117?ysclid=mbc12lpeb3738162875> (Accessed: 3rd May 2025).
 45. Yury 25. (2015) *Poslanie dedu Morozy* [A Message to Ded Moroz]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2015/06/11/665?ysclid=mbc7snsrxp448726559> (Accessed: 3rd May 2025).

46. Morozov, N. (2004) *Samoletnaya familiya, ili Pochti po Chekhovu* [An Airplane Last Name, or Nearly Chekhov]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2004/05/30-118?ysclid=mbc82q1nkn145787533> (Accessed: 3rd May 2025).
47. Desimon, S. (2023) *Tonkiy i tolsty. Proshloe ukhodit. Rimeyk* [The Thin Man and the Fat Man: Times Gone By. A Remake]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2023/12/27/1138?ysclid=mbc8ctiqi0958400871> (Accessed: 4th May 2025).
48. Privolneva, E. (2013) *Duel'. Rimeyk p'esy A. P. Chekhova Medved'* [The Duel: A Reimagining of Chekhov's 'The Bear']. [Online] Available from: <https://proza.ru/2013/04/06/2088?ysclid=mbc8ifsc3t381788481> (Accessed: 4th May 2025).
49. Zimbershmundts, A.P. (2001) *Divan i devushka. Iz serii Sovremennyy Chekhov* [The Sofa and the Girl: From the Modern Chekhov Series]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2001/02/14-06?ysclid=mbc8rbyb6p389965846> (Accessed: 4th May 2025).
50. Gasparov, M.L. (1987) Parodiya [Parody]. In: Kozhevnikov, V.M. & Nikolaev, P.A. (eds) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. p. 268.
51. Borev, Yu.B. (2003) *Estetika. Teoriya literatury: Entsiklopedicheskiy slovar' terminov* [Aesthetics. Theory of Literature: Encyclopedic Dictionary of Terms]. Moscow: Astrel'.
52. Bondar Asha, O. (2020) *perechityvaya Chekhova...* [Rereading Chekov]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2020/04/14/1329?ysclid=mbc9b1mbri966977648> (Accessed: 5th May 2025).
53. Davydova, I. (2021) *Chekhov. Chelovek v futlyare – sovremennyy triller* [Chekhov's 'The Man in a Case' – A Modern Thriller]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2021/03/28/817?ysclid=mbc9dfgrj1981456677> (Accessed: 5th May 2025).
54. Baytenger, V. (2022) *Ne Chekhov* [Not Chekhov]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2022/08/15/1463?ysclid=mbc9kcsygr999868753> (Accessed: 5th May 2025).
55. Mosunov, I. (2011) *Krasota spaset mir* [Beauty will save the world]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2011/01/23/946?ysclid=mbc9n4fn73669154229> (Accessed: 5th May 2025).
56. Gitovich, N.I. (ed.) (1986) *A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [A.P. Chekhov in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
57. Ershov, A. (2017) *Chekhovskaya pepel'nitsa* [Chekhovian Ashtray]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2017/05/16/1091?ysclid=mbc9ykczz5860454343> (Accessed: 5th May 2025).
58. Gudkov, L. (2008) *Problema abortivnoy modernizatsii i moral'* [The Problem of Abortive Modernization and Morality]. Transcript. pp. 5, 7. [Online] Available from: <http://polit.ru/article/2008/11/21/gudkov/>
59. Dobrenko, E. (1997) *Formovka sovetskogo chitatelya* [The Making of the Soviet Reader]. Moscow: Akademicheskii projekt.
60. Dubin, B.V. & Gudkov, L.D. (2004) *Literatura kak sotsial'nyy institut* [Literature as a Social Institution]. Moscow: NLO.
61. Dobrenko, E. (1999) *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury* [The Making of the Soviet Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture]. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.

62. Dubin, B.V., Gudkov, L.D. & Strada, V. (1998) *Literatura i obshchestvo: Vvedenie v sotsiologiyu literatury* [Literature and Society: An Introduction to the Sociology of Literature]. Moscow: RSUH.
63. Dubin, D.V. & Zorkaya, N.A. (2008) *Chтение v Rossii-2008. Tendentsii i problem* [Reading in Russia-2008: Trends and Problems]. Moscow: Interregional Library Cooperation Centre.
64. Dubin, B.V. (2010) *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, After and Beside: Sociological Essays on Literature and Culture]. Moscow: NLO.

Сведения об авторе:

Айзикова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Irina A. Ayzikova, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Department of General Literature Studies, Publishing and Editing, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 20.06.2025*

*The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 20.06.2025*

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 09:271.22-9(571.1/5)
doi: 10.17223/23062061/38/4

НАСТАВНИК НЕЛЮБИНСКИХ СТРАННИКОВ НИКИТА ИВАНОВ ВИХЛЯЕВ И ЕГО БИБЛИОТЕКА

Валерия Анатольевна Есипова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, esipova_val@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается опыт реконструкции старообрядческого книжного собрания, принадлежавшего наставнику старообрядцев-странников Н.И. Вихляеву и его единоверцам. Охарактеризованы архивные материалы по делу, приведен список изъятых книг, выполнена их классификация. В результате разысканий в фондах НБ ТГУ удалось обнаружить часть описываемого книжного собрания; приведена характеристика выявленных экземпляров, сделан вывод о типичных чертах описываемого собрания и других собраний старообрядцев-странников.

Ключевые слова: старообрядчество, странники, книжные собрания, археология, Сибирь

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-20009, <https://rscf.ru/project/25-78-20009/>.

Для цитирования: Есипова В.А. Наставник нелюбинских странников Никита Иванов Вихляев и его библиотека // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 92–108. doi: 10.17223/23062061/38/4

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

MENTOR OF THE NELUBINO WANDERERS NIKTIA IVANOV VIKHLYAEV AND HIS LIBRARY

Valeriya A. Esipova

*National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation, esipova_val@mail.ru*

Abstract. The reconstruction of Old Believer book collections based on archival data has long been actively used by researchers of the Old Faith. However, it is not always possible to correlate the inventories of seized books with the collections that have actually survived to this day. There are many reasons for this: the partial loss of books that have already been seized under a variety of circumstances, and the incorrect identification of a particular manuscript both when it was seized and when it was described in the state repository, etc. Therefore, it is important to describe and introduce each such case into scientific discourse, which is what this article is dedicated to. *The identity of the owner.* Nikita Ivanov Vikhlyayev was the mentor of the Old Believers-wanderers who lived in the hermitages near the village of Nelyubino. He was arrested in 1873 in Tomsk, and more than 100 books were confiscated from him and his co-religionists. The documents related to this case are kept in the State Archive of Tomsk Oblast (GATO). *Sources.* An archival case on the arrest of Vikhlyayev and his co-religionists has been reviewed. The file contains an inventory of the seized books, of which there were more than 100 units. The lists are included in the appendix to the article, and their characteristics are given in the text of the article. Searches were also conducted in the collection of the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Research Library of Tomsk State University, where 17 items have been found and identified so far, including 16 manuscripts and 1 book of the Cyrillic type. *The results of the work.* As a result of the functional and thematic classification of the books listed in the lists, it was established that Vikhlyayev's mostly liturgical and statutory manuscripts were confiscated, while most of his co-religionists (Sharapova and Chernyaev) were either polemical texts, or religious and even secular. In the funds of the Research Library of Tomsk State University statutory and liturgical texts, polemical notes and extracts were identified; a convoy composed of manuscripts and copies of documents of various contents deserves a separate study. *Conclusion.* In the case of the described library, we observe a general correspondence between the composition of this book collection and the descriptions of other libraries of Old Believers, including the presence of a very significant number of "newly written" notebooks of a polemical and dogmatic nature, the use of modern periodicals and newly printed publications, as well as the "scattered" nature of the collection as a whole, seized, as can be seen, from three people in different geographical locations. It should also be noted that there are practically no ancient Russian texts in the collection. Thus, the described library can be correlated typologically with the collections of Old Believers-wanderers already described earlier.

Keywords: Old Believers, wanderers, book collections, archeography, Siberia

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-78-20009, <https://rscf.ru/project/25-78-20009/>

For citation: Esipova, V.A. (2025) Mentor of the Nelubino wanderers Niktia Ivanov Vikhlyayev and his library. *Tekst. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing.* 38. pp. 92–108. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/38/4

Постановка проблемы

Реконструкция старообрядческих книжных собраний по архивным данным давно и активно используется исследователями староверия. Однако соотнесение описей изъятых книг с реально дошедшими до наших дней коллекциями удастся осуществить далеко не всегда. Причин этому много: это и частичная утрата уже изъятых книг при самых различных обстоятельствах, и неверная идентификация той или иной рукописи как при ее изъятии, так и при описании уже в государственном хранилище и т. д. Поэтому каждый подобный случай представляется важным описать и ввести в научный оборот, чему и посвящена настоящая статья.

Личность владельца книжного собрания

Личность Никиты Иванова Вихляева заслуживает нескольких отдельных слов. Исследователь томского раскола Д.Н. Беликов среди учителей томских странников называет его имя [1. С. 27]. Как говорит ученый, скит Вихляева находился в лесах около с. Нелюбино, примерно в 100 верстах от жилья; скит был обнаружен и уничтожен в июле 1874 г. [1. С. 92]. На момент обнаружения в ските проживало 46 человек, имелись 13 изб, кузница, слесарная мастерская, мельница и библиотека. По распоряжению помощника томского исправника, все постройки скита были сожжены, а насельников отправили в острог, при этом части из них удалось скрыться. О самом Вихляеве Д.Н. Беликов сообщает, что первоначально при аресте он назвался крестьянином Казанской губернии Максимом Яковлевым и лишь потом признал, что является купцом заштатного г. Арска Казанской губернии Никитой Ивановым Вихляевым. Беликов характеризует его следующим образом: «это до такой степени важный по сектантству учитель, что сектанты чествуют его как своего «архиерея». Дознание подтвердило слух, по крайней мере в том смысле, что Вихляев состоял в роли главного наставника и настоятеля большого бегунского скита» [1. С. 28].

Не исключено, что описанный разгром скита был связан с арестом, собственно, Вихляева, который случился годом ранее, в мае 1873 г. в Томске. На Вихляева и его коллег полиция наткнулась практически случайно – Беликов предполагает, что он явился в Томск для приобретения новых сторонников «с целой грудой книг и рукописных к ним при-

бавлений» [1. С. 27]. В ГАТО сохранилось дело¹, из которого становятся ясны детали этого задержания.

Источники исследования

Основные источники данной работы разделяются на две основных категории: первая – это упомянутое выше архивное дело, вторая – рукописи и книги кирилловской печати, хранящиеся в ОРКП НБ ТГУ, среди которых были выявлены принадлежавшие Вихляеву и его поделщикам.

Если более подробно характеризовать состав архивного дела, то он следующий. Дело открывается представлением на имя епископа Томского и Семипалатинского от томского губернского уголовного делопроизводства Эверса и полковника корпуса жандармов Вилля, где описывается задержание, произошедшее 14 мая 1873 г. (л.1-1об). События развернулись в Сенной части г. Томска, в доме наследников Саломатова, а именно – в квартире, которую снимал кунгурский мещанин Семен Шарапов. Там были задержаны двое: один назвался уроженцем г. Сарапула Никитой Ивановым Вихляевым, а вторая – крестьянкой Ярославской губернии и уезда Акулиной Черемошкиной. Также был задержан крестьянин Казанской губернии Свяжского уезда Ларион Петров Черняев. У них были изъяты как многочисленные иконы и другие предметы для богослужения, так и большое количество книг. Списки книг занимают в деле л. 3–12, судя по почерку и подписям, они составлялись одновременно; рассмотрим их подробнее (полностью списки изъятых книг представлены в Приложении).

Первый список книг, отобранных у Вихляева (л. 3–6), включает 45 наименований. Среди них – книги очевидно хорошо оформленные («Книга с красным вызолоченным переплетом, о догматах веры, по отзыву Вихляева Цветник», «Книга в кожаном переплете, вызолоченном, Цветник» и др.). Довольно много рукописей в бумажных и картонных переплетах («Книга в бумажном переплете Канонник», «Тропарь память праведному с похвалами, без переплета, писанный по-славянски», «Начало правилу келейному, без переплета, писанный по-славянски» и др.) – в основном это тексты песнопений либо уставные указания о порядке богослужения. Однако имеется и около десятка книг, которые, исходя из списка, можно определить как полемические сочинения. Среди них «Предложение писаных каталог, вопросов и ответов, с указанием строк, и самые вопросы и ответы, без переплета», «Послание изъяснительное существа

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 552.

антихристу и того образу, начертанному имени мерзостному 666», «Ответы о кушле и продавании, писанный по-граждански» и др.

Далее следуют два списка книг, изъятых у кунгурского мещанина Шарапова; первый насчитывает 13 пунктов и открывается двумя изданиями: «Деяния церковные и гражданские Кесаря Барония» (М., 1719) и «Киево-Печерский Патерик» (Киев, 1760). В соответствии с заключением Томской духовной консистории обе эти книги были признаны разрешенными и подлежали возвращению владельцу. Далее в списке следуют как рукописи, так и издания: «Псалтырь, в кожаном переплете, писанный», «Житие Иоасафа царевича, в кожаном переплете», «Беседа странников, писанная» и др. Второй список принадлежавших Шарапову книг гораздо обширнее, он насчитывает 45 единиц (л. 8–10). В нем встречаются весьма специфические названия, например: «Рукописная книга Предсказания св. Малахии и... Михаила Нострадама, астролога и врача» или «Выписки из предсказаний». В этом списке практически отсутствуют богослужебные тексты, а вот полемических довольно много («Увещевание бывшее в духовной консистории экономическому христианину», «Ответы Олонецких пустынножителей», «Изыяснение бедного и беззащитного старообрядца» и др.). Вместе с тем в описи имеются и указания на периодические издания: «Сын отечества 22 марта 1863 № 70», «Сын отечества 19 декабря 1863 г. № 303», «Русские ведомости 1864 г., вторник 29 сентября № 116».

Далее следуют еще два списка: второй список изъятого у Вихляева (л. 11), включающий всего три пункта: «Небольшая тетрадь, писанная по-славянски Тропарь Вознесению Господню», «Таковая же «Преподобного отца нашего Никона Черныя горы» и «Вырезка на простой бумаге с надписью «Искал некогда премудрости Божии». То есть в данном случае указаны небольшие тетради и фрагменты, видимо, не вошедшие по каким-то причинам в предыдущий список.

Наконец, заключительный список содержит изъятое у крестьянина Лариона Черняева. Из заглавия списка не вполне понятно, где именно все это было изъято, поскольку там упоминается дер. Белобородова, а арестовывали Вихляева, как сказано выше, в Томске. В списке указано пять пунктов, среди которых Устав, тетрадь об антихристе, «Книга православной веры» и тетради с беседами Андрея Филипповича и Андрея Даниловича.

В деле также имеется заключение духовной консистории, из которого следует, что разрешенными из всех представленных книг можно считать только две, которые уже были указаны выше. Остальное предполагалось

отправить для хранения в библиотеке Томской духовной семинарии – а она, как известно, была передана на хранение в НБ ТГУ в 1920-е гг.

Методы работы

Использовался метод классификации для выявления специфики состава изъятого книжного собрания: книги в составе списков были проклассифицированы по функциональному и тематическому признакам; выделялись следующие группы: богослужебные и уставные тексты, четьи тексты, полемические старообрядческие и светские тексты. Это позволило понять, у кого из владельцев какие именно книги были конфискованы.

Также была предпринята попытка выявления в фонде ОРКП НБ ТГУ сохранившихся книг, принадлежавших Вихляеву и др. С этой целью проводился просмотр описаний рукописей и книг кирилловской печати, сверка по заглавиям и по номерам, проставленным на книгах в момент их экспертизы в консистории и при изъятии. В Приложении в скобках указаны инвентарные номера ОРКП НБ ТГУ в том случае, если идентификация прошла успешно.

Ход и результаты работы

Среди представленных в списках книг можно выделить несколько категорий. Так, довольно многочисленны книги богослужебного и уставного характера. Среди них встречаются полные тексты (например, «Книга в бумажном переплете, нотное пение “Ермосы”», «Краткий Псалтырь, в бумажном переплете, писанный по-славянски», «Потребник Иосифа, писанный по-славянски, без переплета» и др.), но наиболее многочисленны списки отдельных тропарей и канонов: тропарь Рождеству Христову, Зосиме и Савватию Соловецким, Канон Козьме и Дамиану и др. Наиболее многочисленны такие тексты оказались у Вихляева, у Шарапова и Черняева представлены единичные примеры.

Тексты, которые можно охарактеризовать как четьи, представлены довольно широким кругом. Так, у Вихляева были изъяты два Цветника, «Проскинитарий» Арсения Суханова, почему-то обозначенный также как Цветник. Наибольшее количество книг этой категории были изъяты у Шарапова, были среди них и упомянутые две книги, идентифицированные как разрешенные – обе они являлись изданиями, а не рукописями. Также были представлены два Апокалипсиса и многочисленные вы-

писки (из Пролога, Деяний и т. д.). Отметим наличие среди этих книг списка Азбуки, а также двух духовных стихов.

Многочисленны рукописи, которые можно охарактеризовать как полемические старообрядческие сочинения. Среди них представлен ряд эротематических текстов, например: «Предложение писаных каталог, вопросов и ответов, с указанием строк, и самые вопросы и ответы, без переплета», «Ответы ...дующие на присланные от вас вопросы, 1е по-славянски, а далее в книге вопросы и ответы по-граждански, без переплета» и др. Две рукописи посвящены вопросу о браках: «Статьи о браках, что есть корень у еретиков не присутствует (?) благодать св. духа в тайнах» и «На брачных сторонников... поэма». Один из небольших текстов посвящен образам в единоверческих церквях: «На полулисте серой бумаги об образах в единоверческих церквях». Представлены в этой категории и весьма известные тексты, вроде Олонецких ответов и Сказания о епископе Коломенском Павле. Подробнее о некоторых из этих текстов будет сказано ниже. Заметим, что книги данной категории были изъяты преимущественно у Вихляева и Черняева.

Среди текстов, которые условно можно отнести к категории светских, представлена преимущественно периодика (выписки из таких изданий, как Сын Отечества, Санкт-Петербургские ведомости, Северная пчела, Северная почта). Также здесь имеется «Рукописная книга Предсказания св. Малахии и... Михаила Нострадама, астролога и врача последнего». Что касается таких документов, как «На двух полулистах копия из записок о русском расколе», «На двух листах почтовой бумаги Указ из правительствующего Сената», «На трех листах серой бумаги письму Государю императору» – здесь требуется дополнительное исследование.

Наконец, имеются также в списках и две книги без заглавия (в списке 5 изъятого у Шарапова), идентифицировать которые не представляется возможным.

В целом описанный состав можно считать традиционным для страннических книжных собраний, с некоторыми незначительными оговорками, касающимися, например, периодики и выписок из нее.

В настоящее время рукописи из собрания Томской духовной семинарии хранятся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ. Среди них удалось идентифицировать некоторые книги, изъятые у Вихляева, Шарапова и Черняева – всего 17 единиц, что, конечно, совсем немного, учитывая, что в целом было изъято более 100 ед. Среди идентифицированных книг 11 принадлежали Вихляеву, 5 – Шарапову и одна – Черняеву.

Среди изъятых у Вихляева книг подавляющее большинство относятся к уставным и богослужебным. Так, среди них представлены: Канон Богоявлению (В-5561), молитва Николе (В-5351), тропарь и канон Преображению (В-5646), Правило келейное и акафисты (В-5348), тропарь и канон Успекновению главы Иоанна Предтечи (В-5657), Зонарь (В-5344), Исповедание по вся дни (В-9412), тропарь и канон Вознесению Христову (В-5654). Также представлены в этой части коллекции старообрядческие сочинения. Так, обнаружена рукопись «Послание изъывителное существа антихристу и того образу накртыннаму и имени мерзостному бббго числения, яко не суть сия существа человека ипостасей, но не подобны двизания, иже во уме на второго некоего» (В-9772). А.И. Мальцев определил этот текст как странническое сочинение [2. № 141]², также имеется в составе рукописей, хранящихся в Вологодской области [3. С. 126–129]³. В нашем случае переписаны первые две главы сочинения («О существе антихриста» и «О числе ббб»), тогда как в вологодской рукописи представлены шесть глав. Почерк и формат этой рукописи совпадают с почерком и форматом еще одной тетради, также изъятая у Вихляева: «Ответ 4. О купли и продаянии» (В-9771), возможно, это могли быть фрагменты одного блока. Также среди книг Вихляева была еще рукопись «Ответы следующия, на присланные от вас вопросы, количеством 34ре» (В-23.606), которая требует дополнительного рассмотрения.

Среди книг, изъятых у Шарапова, пока удалось обнаружить почти исключительно полемические тексты. Отметим при этом, что представлена здесь также единственная пока печатная книга из данной коллекции, которую на настоящий момент удалось обнаружить: Повесть о Варлааме и Иоасафе (В-780. Москва: Верхняя тип., IX. 1680). Книга имеет несколько владельческих записей; самая ранняя из них, XVII в., полистная запись (л. 2–13 перв. паг., 1–3 вт. паг.) частично затерта, частично обрезана, возможно прочитать лишь отдельные фрагменты. Записи же на нижнем форзаце читаются вполне отчетливо, они гласят: «Сия книга принадлежит крестьянину Кунгурскаго уезда Афанасью Иванову Рагозину с 1868 года генваря 1го дня»; другим почерком там же: «В настоящее время принадлежит кунгурскому мещанину Семену Шарапову». Интересно также, что перешлет книги выполнен тем же переплетчиком, что и рукописи В-5344 – это Зонарь, изъятый у Вихляева.

² Обнаружено в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО), собр. рукописей № 1353, странническое сочинение.

³ 308 (11890). Сборник страннический. XIX в. (кон.). 4°. 365 л. Указанный текст находится на л. 250–365.

В обоих случаях присутствует весьма искусное тиснение светского характера, обрез крашений.

Полемические рукописи, изъятые у Шарапова, представляют существенный интерес. Так, среди них имеется сочинение Силуана, митрополита Иргизского «Изъяснение бедного и беззащитного старообрядца против вопросов, почему не имеет возможности принять права и тайинства единоверческой церкви» (В-8537), текст переписан не до конца⁴. Три листа в конце рукописи пусты, что делает возможным предположение о незаконченной работе писца. Как сообщает С.И. Шлеев [4. С. 32], этот текст, посвященный разногласиям единоверцев и старообрядцев, был составлен в 1846–1848 гг. и подан митрополиту Московскому Филарету.

Еще одна рукопись, изъятая у Шарапова – «О Павле, епископе Коломенском и духовные стихи» (В-5571). Следует отметить, что текст Сказания о Павле Коломенском, имеет ряд разночтений с опубликованным С.А. Белокуровым [5. С. 13–18] и требует детального рассмотрения. Помимо Сказания, рукопись включает также выписки из Ефрема Сирина и Максима Грека, заметки библиографического характера, а также три духовных стиха. Один из стихов – Стих Иоасафа царевича – хорошо известен и опубликован А.М. Селищевым [6. С. 39–40] (л. 21 об.–25. Нач.: «Боже, отче всемогущий, боже, сыне присносущный, Боже, душе параклите, многозарный миру свете...»), второй известен в публикации А.Е. Бурцева [7. С. 20–21] (л. 17–21 об. Нач.: «Ох ты время, время злое да оstadное, как еще того будет зляя, будет зляя досталняя...»). Отдельного рассмотрения заслуживает третий стих, озаглавленный «Стих о французе» (л. 25 об. – 26. Нач.: «Плачь, душе, и рыдай, горе, вспомнявши грехов своих море. Како, како, како имаша избыти...»). Начало стиха совпадает с началом известного текста, опубликованного Т.Г. Казанцевой [8. С. 217. № 79] в составе выборки текстов духовных стихов старообрядцев-филипповцев в рукописях Кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН. Однако далее текст расходится с опубликованным и следует рассказ о войне 1812 г.

Пока не удалось идентифицировать еще один текст: «Беседа странника с Феофилом» (В-5672). Особого рассмотрения заслуживает и кон-

⁴ Ср. рукопись: РГБ. Ф. 317 (Собр. Филарета Дроздова). № 45. Воспроизведение: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/317/f-317-45/#image-6>, также РГБ. Ф. 17 (Собр. Барсова). № 777.2. Воспроизведение: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005113615?page=1&rotate=0&theme=white

волют, составленный из рукописей и документов разного формата, написанный разными почерками (В-9432).

Обсуждение результатов

Е.И. Дергачева-Скоп и В.Н. Алексеев посвятили ряд работ отличиям в репертуаре и принципах чтения поповлянских и беспоповских старообрядческих согласий. Их общий вывод звучит следующим образом: «Тип чтения в старообрядческих согласиях, при своем подчеркнuto средневековом и христианском характере, отражает некие общие, зависящие от догматических и нравственных основ согласия, принципы подхода к чтению и отбору книг – чтение для старообрядчества никогда не было развлечением или способом времяпрепровождения: оно всегда было делом серьезным, а подчас и опасным, но всегда – священным» [9. С. 112]. Так, характеризуя тип чтения старообрядцев-странников («бегунов»), авторы отмечают: «Сборник выписок, “цитаток”, необходимых для спора по догматическим вопросам, сборник, близкий древнерусской традиции, но несколько другой функционально, был очень почитаем в “бегунских” толках. В нем воспроизводилась вся необходимая догматико-богословская и нравственная основа согласия; такой сборник находился всегда при человеке, мог быть в любое время использован в споре, незаметно спрятан или передан в надежные руки во время ареста» [9. С. 108].

Описывая особенности чтения и библиотек старообрядцев часовенного, титовского и бегунского согласий, те же авторы отмечают: «Все эти согласия широко использовали в обиходе, в полемике по основным вопросам догматики новейшие выписки – из рукописей, старо- и новопечатных книг» [10. С. 128].

Таким образом, авторы видят одно из существенных различий в типах чтения разных старообрядческих согласий в том, признаются ли или нет новописьменные рукописи и новопечатные книги. Важен и еще один аспект: приводя пример книжных собраний «спасовцев великого начала», авторы упоминают, что состав их собраний, «их свободное отношение к кругу чтения, широта в подборе библиотек, содержащих как кириллические книги, так и книги гражданской печати, сборники современных выписок, письменную и печатную полемическую литературу, превосходные образцы старорусского письма, объясняются, скорее всего, их *библиофильскими интересами*» [9. С. 111].

Выводы

В случае описываемой библиотеки мы наблюдаем общее соответствие этого книжного собрания описаниям других библиотек старообрядцев-странников, в том числе наличие очень существенного количества «новописанных» тетрадей полемического и догматического характера, использование современной периодики и новопечатных изданий, а также «рассыпанный» в целом характер собрания, изъятых, как видно, у трех человек в различных географических пунктах. Отметим также, что в составе собрания практически отсутствуют древнерусские тексты. Таким образом, описываемая библиотека может быть соотнесена типологически с уже описанными ранее собраниями старообрядцев-странников.

Приложение. Списки книг, изъятых у Н.И. Вихляева, Шарапова и Л. Черняева

В случае если книга обнаружена в фонде ОРКП НБ ТГУ, после ее заглавия в круглых скобках приводится инвентарный номер. Выцветшие и нечитаемые слова показаны отточием.

ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 552. Л. 3–6

Опись книгам и тетрадям, отобранным
у Никиты Иванова Вихляева, № 2

1. (л. 3) Книга в красном вызолоченном переплете, о догматах веры, по отзыву Вихляева «Цветник»
2. Книга в кожаном переплете, вызолоченном, «Цветник»
3. Книга в кожаном переплете «Цветник» под названием «Проскомитария»
4. Книга в черном кожаном переплете Православие к покаянию «Зонарь» (В-5344)
5. Книга в бумажном переплете, нотное пение «Ермосы»
6. Книга в бумажном переплете «Канонник»
7. Книга без переплета «Святцы», начала и конца нет
8. (л. 3 об.) «Тропарь, глас 4», без переплета, писанный по-славянски
9. Правила Василия Великого, без переплета, писанный по-славянски
10. Тропарь Рождеству Христову, без переплета, писанный по-славянски
11. Стих в бумажном переплете, писанный по-славянски
12. Тропарь память праведному с похвалами, без переплета, писанный по-славянски (В-5657)

13. Начало правилу келейному, без переплета, писаный по-славянски
14. Тропарь Зосиме и Савватию Соловецким чудотворцам, без переплета, писаный по-славянски
15. Келейное правило, писаный по-славянски, в бумажном переплете (В-5348)
16. (л. 4) Краткий Псалтырь, в бумажном переплете, писаный по-славянски
17. Потребник Иосифа, писаный по-славянски, без переплета (В-9421)
18. Кафизмы, писаные по-славянски, без переплета
19. Канон Козье и Дамияну, писаный по-славянски, без переплета
20. Канон молебен, писаный по-славянски, без переплета
21. Тропарь Богоявлению, писаный по-славянски, без переплета (В-5561)
22. Тропарь Преображению Господню, писаный по-славянски, без переплета (В-5646)
23. Азбука, без переплета
24. Тропарь и канон Троице, писаный по-славянски, без переплета
25. (л. 4 об.) Тропарь Нерукотворенному Образу, писаный по-славянски, без переплета
26. Тропарь Стретению, писаный по-славянски, без переплета
27. Канон Козьме и Дамияну, писаный по-славянски, без переплета
28. В Святую и Великую субботу вечер, писаный по-славянски, без переплета
29. Погребение по... и погребение мирян, писаны по-славянски, без переплета (В-5442)
30. Молитва св. Николаю, писаная по-славянски, без переплета (В-5351)
31. Выписки из книги о вере «Церковника»
32. О дохмате веры по вы... православного исповедывания, писаная по-славянски, без переплета
33. (л. 5) Из Пролога, мая 11, от Па(ер)тика слово, писаное по-славянски, без переплета
34. Предложение писаных каталог, вопросов и ответов, с указанием строк, и самые вопросы и ответы, без переплета
35. Указание правильного смысла поучительнаго возражения неправильно воспринимаемых доводов святых писаний, состоявшимся в числе верноподданных правительству настоящих времен, находящихся под названием раскольников и старообрядцев, без конца
36. Ответы ...дующие на присланные от вас вопросы, 1е по-славянски, а далее в книге вопросы и ответы по-граждански, без переплета (В-23.606)

37. На брачных сторонников ... поэма
38. (л. 5 об.) Статьи о браках, что есть корень у еретиков не присутствует (?) благодать св. духа в тайнах
39. Краткое указание в обличение некоторых от истинны и в защиту того ... писания приводящих
40. Чин погребения, писанный по-славянски, без переплета и конца
41. Послание изъяснительное существа антихристу и того образу, начертанному имени мерзостному 666 ... (В-9772)
42. Писаная книга, без заглавия и переплета, начало: «Собор ...»
43. Устав святых и изложение богоносных отец семи вселенских соборов, без переплета
44. (л. 6) Ответы о купле и продаянии, писанный по-граждански (В-9771)
45. Писаная тетрадь, начало «Господи Иисусе Христе, сын Божий, помилуй нас аминь. Брачу имя рек, радоваться...»

ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 552. Л. 7–7 об.

Опись книгам, отобранным у кунгурского мещанина Шарапова, запрещенным под № 4 по описи пристава Воскресенской частной управы Ляшкова

1. (л. 7) Под заглавием «Седьмое столетие...», в кожаном переплете
2. Киево-Печерские лавры, в кожаном переплете
3. О первом вселенском соборе, в кожаном переплете
4. Псалтырь, в кожаном переплете, писанный
5. Житие Иоасафа царевича, в кожаном переплете (В-780)
6. Месяцеслов
7. Двенадцать псалмов в кожаном переплете
8. Канонник в кожаном переплете, писанный
9. (л. 7 об.) Ермосы, в кожаном переплете
10. Книга Староверчества писанная
11. Беседа странных, писанная (В-5672)
12. Название Кирилловой книги

ГАТО. Ф.170. Оп.2. Д. 552. Л. 8–10.

Опись писанным книгам и бумагам, отобранным у кунгурского мещанина Шарапова № 5

1. (л. 8) Рукописная книга Предсказания св. Малахии и ... Михаила Нострадама, астролога и врача последнего (?)
2. Сын отечества 22 марта 1863 № 70

3. Сын отечества 19 декабря 1863 г. № 303
4. О епископе Коломенском Павле (В-5571)
5. О господе Иисусе Христе благонравным (?) христианам и пекущимся о безсмертных душах своих разсуждение Даниила пророка
6. Священный праздник субботы
7. СПбетербургския ведомости № 154, 10 (22) июля 1863 г.
8. (л. 8 об.) О ... розе
9. Из Кирилловой книги, како папа граду свою оберечь, ради брэнной прелести
10. Священнодиакона Феодора
11. Русский священномученик Павел, епископ Коломенский
12. Апокалипсис трехтолковый
13. Скорое пришествие
14. Выписки из предсказаний
15. Правила как и кому следует ... почитать ... тайны царствия господа нашего Иисуса Христа
16. Стих о блудном сыне
17. Северная пчела № 15, 16 января 1862 г., вторник
18. (л. 9) Увещевание бывшее в духовной консистории экономическому христианину ... архимандритов протопопов
19. Истолкование Псалтыря, молитва святых отроков
20. Обливательное крещение
21. О ... в христианах, еже вместо Христа почитают Антихриста
22. Сон Навуходоносора
23. Статья 12 ... (?) еже рекрутской очереди
24. О седьмая тысящи
25. Книга без заглавия
26. Книга без заглавия
27. Ответы Олонецких пустынножителеев
28. Русские ведомости 1864 г. во вторник 29 сентября №116
29. (л. 9 об.) Начало утрени
30. Краткое учение о Боге и божественных делах (?)
31. Изъяснение бедного и беззащитного старообрядца (В-8537)
32. Сын Отечества
33. Книга Аполкалипсис
34. На одной четвертине листа «Господь просвещение мое и Спаситель мой»
35. На листе белой бумаги обличение Никоновых новопреданий (В-9432)
36. На листе серой бумаги Северная почта 1862 г. № 235 (В-9432)

37. На полулисте серой бумаги об образах в единоверческих церквях (В-9432)
38. На двух полулистах копия из записок о русском расколе (В-9432)
39. На четвертине серой бумаги толкование о крещении (В-9432)
40. (л.10) На восьмой листа, выписка из Деяний (В-9432)
41. На двух листах почтовой бумаги Указ из правительствующего Сената (В-9432)
42. На трех листах серой бумаги письму Государю императору (В-9432)
43. На листе белой бумаги о добродушии (В-9432)
44. Письмо благодетелям, на листе серой бумаги (В-9432)
45. На полулисте серой бумаги выписки из Деяний (В-9432)

ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 552. Л. 11

Опись писанным книгам, отобранным у Никиты Иванова Вихляева, присланным при отношении от 14-го сего мая за № 3751, пристава Воскресенской г. Томска частной управы

1. Небольшая тетрадь, писаная по-славянски, Тропарь Вознесению Господню
2. Таковая же Преподобного отца нашего Никона Черныя горы
3. Вырезка на простой бумаге с надписью Искал некогда премудрости Божии

ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 552. Л. 12

Опись книгам и тетрадям, отобранным заседателем 1-го частного Томского округа Севастьяновым в дер. Белобородовой у крестьянина Казанской губернии Свяжского уезда Теньковской волости Лариона Петрова Черняева № 7

1. Устав о христианском житии
2. Книга православной веры
3. Тетрадь о рождении антихриста
4. Таковая же о беседовании Андрея Даниловича
5. Семь тетрадей о беседовании Андрея Даниловича

Список источников

1. Беликов Д.Н. Томский раскол. Исторический очерк с 1834 по 1880-е годы. Томск : тип. П.И. Макушина, 1901. III, 246 с.
2. Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 266 с.

3. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Ч. 1. Вып. 3. Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея. Вологда, 1989. 207 с.
4. Шлеев С.И. Единоверие и его столетнее организованное существование в русской церкви. СПб., 1901. 71 с.
5. Белокуров С.А. Сказания о Павле, епископе Коломенском (ум. 1655). М., 1905. Вып. 1. 24 с.; вып. 2. 29 с.
6. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. 81 с.
7. Бурцев А.Е. Полное собрание этнографических трудов Александра Евгеньевича Бурцева : с портр. авт. материалов и некоторых худож. Т. VII. СПб., 1911. 273 с.
8. Духовные стихи в рукописных сборниках старообрядцев филипповского соглашения (по материалам Кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН) / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; сост., вступит. ст., коммент. и описание рукописей Т.Г. Казанцевой; науч. ред. А.Ю. Бородихин. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2014. 363 с.
9. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература // Культурное наследие Средневековой Руси в традициях урало-сибирского старообрядчества : материалы Всероссийской научной конференции, Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки, 17–19 мая 1999 г. Новосибирск, 1999. С. 91–120.
10. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Старообрядческие библиотеки в Сибири (проблемы реконструкции) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 125–130.

References

1. Belikov, D.N. (1901) *Tomskiy raskol. Istoricheskiy ocherk s 1834 po 1880-e gody* [The Tomsk Schism: A Historical Sketch from 1834 to the 1880s]. Tomsk: P.I. Makushin.
2. Maltsev, A.I. (1996) *Starovery-stranniki v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Wandering Old Believers in the 18th – First Half of the 19th Century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
3. Kolesnikov, P.A. (ed.) (1989) *Pamyatniki pis'mennosti v muzeyakh Vologodskoy oblasti* [Written Monuments in Museums of Vologda Oblast]. Vol. 1(3). Vologda.
4. Shleev, S.I. (1901) *Edinoverie i ego stoletnee organizovannoe sushchestvovanie v russkoy tserkvi* [Edinoverie and Its Century of Organized Existence in the Russian Church]. St. Petersburg: [s.n.]
5. Belokurov, S.A. (1905) *Skazaniya o Pavle, episkope Kolomenskom (um. 1655)* [Accounts of Pavel, Bishop of Kolomna (d. 1655)]. Moscow: [s.n.].
6. Selishchev, A.M. (1920) *Zabaykal'skie staroobryadtsy. Semeyskie* [Transbaikal Old Believers: The Semeiskie]. Irkutsk: [s.n.].
7. Burtsev, A.E. (1911) *Polnoe sobranie etnograficheskikh trudov Aleksandra Evgen'evicha Burtseva* [Complete Collection of Ethnographic Works by Alexander Evgenievich Burtsev]. Vol. VII. St. Petersburg: [s.n.].
8. Borodikhin, A.Yu. (2014) *Dukhovnye stikhi v rukopisnykh sbornikakh staroobryadtsев filippovskogo soglasiya (po materialam Kemervskogo territorial'nogo sobraniya*

- GPNTB SO RAN*) [Spiritual Verses in Manuscript Collections of Filippovtsy Old Believers (Materials from the Kemerovo Territorial Collection of SPSTL SB RAS)]. Novosibirsk: SB RAS.
9. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (1999) *Knizhnaya kul'tura staroobryadtsev i ikh chet'ya literatura* [Book Culture of Old Believers and Their Reading Literature]. *Kul'turnoe nasledie Srednevekovoy Rusi v traditsiyakh uralo-sibirskogo staroobryadchestva* [Cultural Heritage of Medieval Rus' in Traditions of Ural-Siberian Old Believers]. Proc. of the Conference, M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, May 17–19, 1999. Novosibirsk. pp. 91–120.
 10. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (1992) *Staroobryadcheskie biblioteki v Sibiri (problemy rekonstruktsii)* [Old Believers' Libraries in Siberia (Reconstruction Problems)]. In: *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of Russian Old Believer Settlements in Europe, Asia and America]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 125–130.

Сведения об авторе:

Есипова Валерия Анатольевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории библиотечных и коммуникативных исследований НБ ТГУ (Томск, Россия). E-mail: esipova_val@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Valeriya A. Esipova, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: esipova_val@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.05.2025;
одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 09.06.2025*

*The article was submitted 29.05.2025;
approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 09.06.2025*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/38/5

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ КНИГ А.А. ИЗМАЙЛОВА

Вячеслав Николаевич Крылов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия, krylov77@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанрового своеобразия литературно-критических книг одного из ведущих представителей фельетонной критики начала XX в. Александра Алексеевича Измайлова. Предлагается теоретическое и историко-литературное осмысление феномена критической книги в рамках междисциплинарного подхода на границах истории литературы, литературной критики и книговедения. Характеризуются особенности жанровой поэтики трех книг Измайлова, акцентируются некоторые аспекты их творческой истории и рецепции, а также обосновывается формально-содержательная целостность анализируемой трилогии.

Ключевые слова: жанр, литературно-критическая книга, А.А. Измайлов, заголовочный комплекс, литературная репутация

Для цитирования: Крылов В.Н. Жанровое своеобразие литературно-критических книг А.А. Измайлова // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 109–132. doi: 10.17223/23062061/38/5

Original article

GENRE UNIQUENESS OF LITERARY-CRITICAL BOOKS BY ALEXANDER IZMAYLOV

Viacheslav N. Krylov

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation;
Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky,
Saint Petersburg, Russian Federation, krylov77@list.ru*

Abstract. The article deals for the first time with the problem of genre originality of literary-critical books of Alexander Alekseevich Izmaylov, one of the leading rep-

representatives of feuilleton criticism of the early 20th century. The article consists of two interrelated parts. The first provides a theoretical and historical-literary comprehension of the phenomenon of the critical book within the framework of an interdisciplinary approach on the borders of literary history, literary criticism and book studies. It is proposed to approach the editions of critical articles, which became widespread in the late 19th and early 20th centuries, as attempts to create a special integral form, reflecting the culture of book writing in the Silver Age. In this regard, the reasons for the rise of critical books in this period are due to the expansion of the scope of the institution of criticism, the tendency to strengthen its independent role, criticism as creativity, and the problem of the book in the early twentieth century, which was topical for the generation of Symbolists. The author believes that one should also take into account the connection between genre-forming factors in the lyrical cycle and in critical books. The second part characterizes the features of the genre poetics of Izmaylov's three books and also emphasizes some aspects of their creative history and reception. Unlike the critical publications of modernists addressed to a limited circle of connoisseurs, Izmaylov's books are initially addressed to the widest range of readers, which, in turn, determines their genre uniqueness. The title complex, including the titles of individual articles, the title of the book itself, the subtitle, and the sections, is analyzed. Titles of all levels, as a rule, carry a significant expressive load expressing the author's attitude to the writer, the work, the raised problem through sound, metaphorical titles. The whole trilogy is addressed not to the past, but to the transitional era of the turn of the 20th century, replenishing a number of editions devoted to modernity, which together form a kind of critical history of the latest Russian literature. It is substantiated that it is the attention to the problem of created writers' reputations that becomes one of the most important binding motives of all three books. In *Literary Olympus*, a peculiar dual hierarchy of those writers' names that should be included in the pantheon of contemporary literature is built up. The degree of importance of this or that figure is reflected in the compositional order of the articles. The books *Literary Olympus* and *Variegated Banners* are typologically on a par with the so-called "genre" books, i.e., they include articles of a certain genre. The conclusion is made that Izmaylov's books, which became a kind of a result of his observations on contemporary literature, are not just a reprint of previously published articles, but represent a formal-content integrity, which became a result of the author's purposeful efforts.

Keywords: literary-critical book, Alexander Izmaylov, title complex, literary reputation

For citation: Krylov, V.N. (2025) Genre uniqueness of literary-critical books by Alexander Izmaylov. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 38. pp. 109–132. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/38/5

Александр Алексеевич Измайлов был в первую очередь одним из самых заметных литературных критиков и пародистов конца XIX – начала XX в., представителем так называемой «фельетонной» профессиональ-

ной критики, ориентированной на массового читателя¹. Современники ценили его за меткие наблюдения, независимость критической позиции, за умение писать популярно, ненавязчиво, с учетом установки тех периодических изданий, в которых он сотрудничал, за доходчивость, доступность «фельетонной» критики, воспринимали его как «охранителя художественности в литературе», «умирающего вкуса» [1. С. 239]. «Ценитель и знаток литературы» [2. С. 122], «не только критик, но и приносящий летописец литературы» [3. С. 780] – вот далеко не полный перечень определений, которыми награждали его современники, что говорит о несомненном таланте и той заметной роли, какую Измайлов играл в литературной жизни. В сборнике «Русская критика современной литературы» (1912) отмечалось, что статьи Измайлова «воодушевляла редкая любовь к самой личности писателей, любовь, которую критик укрепляет дружеским знакомством с тем или иным автором» [4. С. 64].

Но, пожалуй, самую высокую оценку таланту Измайлова-критика дал В.В. Розанов в отзыве на книгу «Помрачение божков и новые кумиры». «Ум спокойный, не раздраженный и не раздражительный, большое знание литературы в ее прошлом и настоящем, но самое главное и редкое качество любовь к человеческому слову во всех его изгибах, переживаниях и формах, а следовательно, любовь и к книге, и к писательскому лицу, – вот отличительные черты критика Измайлова, давно за ним установленные читателями, авторами и собратьями-критиками» [5. С. 304].

¹ Вместе с тем такая «аттестация» мало соотносится с современным интересом к его наследию: А.А. Измайлов все же «потеснен» К. Чуковским, что проявляется и в издательской практике. Если основной объем критики Чуковского переиздан в Собрании сочинений, то измайловские статьи, рассеянные по многочисленным периодическим изданиям, многие из которых являются редкими или труднодоступными, только ждут хотя бы какого-то отдельного тома; заслуживают переиздания с современными комментариями и справочным аппаратом книги его статей «На переломе», «Помрачение божков и новые кумиры», «Литературный Олимп», «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья», подобно подготовленной Е.В. Хворостьяновой книги Измайлова «Кривое зеркало: Книга пародий и шаржа» (СПб., 2002). В антологии «Иван Бунин: pro et contra» (СПб., 2001) опубликована статья «Ранняя осень (Поэзия и проза И.А. Бунина)», в той же серии о Блоке (2004) помещена статья «Цветы новой романтики (Поэзия Александра Блока)», в томе о З.Н. Гиппиус (2008) «Вывихнутые души (Беллетристика З. Гиппиус)», в томе о В.В. Розанове (1995) статьи «Вифлеем или Голгофа? (В.В. Розанов и “неудавшееся христианство”») и «Закат ересиарха (В.В. Розанов)», в томе об А. Белом (2004) – «Пленная мысль», в томе о Чехове (2002) – «Вера или неверие? (Религия Чехова)».

Определяя вклад Измайлова в русскую критику рубежной эпохи, его роль в реформировании ее жанров, обратимся к такому малоисследованному жанру, как литературно-критическая книга, требующему теоретического и историко-литературного осмысления в рамках междисциплинарного подхода на границах истории литературы, литературной критики и книговедения. Этот феномен до последнего времени не являлся предметом изучения. В наших исследованиях было обращено внимание на роль книг статей в жанровой системе символистской критики [6. С. 212–226]. В последнее время эта проблематика получила продолжение в исследованиях К.И. Чуковского [7], литературной критики 1960–1980-х гг. (И.И. Виноградов, М.Н. Эпштейн, И.Б. Роднянская) [8]. Отметим стремление исследователей теоретически обосновать феномен литературно-критической книги как «большой формы», попытки описать ее теоретическую модель, формально-содержательную целостность, обеспечивающуюся «наличием системы имплицитных и эксплицитных компонентов (сюжет, семантические поля, композиция, заголовочный комплекс, полиграфическое оформление, образ автора и адресата, диалогизация), где роль автора занимает решающее положение как при отборе формально-композиционных средств, так и в построении семантического единства» [8. С. 17].

Чтобы понять причины активизации и выдвижения жанра книги статей, необходимо учитывать, наряду с нормативным и генетическим, конвенциональный аспект жанровой теории, то есть соотносительность жанра с эпохой Серебряного века и действующими в ней установками [9. С. 17]. Книги критических статей, получившие распространение в конце XIX – начале XX в., необходимо воспринимать как попытки создания особой целостности формы, отражающие культуру составления книг в Серебряном веке. И в этом отношении рубежная эпоха решительно отличается от предшествующей.

В XIX в. критика присутствовала большей частью в журналах (с 1870-х гг. происходит постепенное возрастание роли газет). К.С. Аксаков еще в 1845 г. выразил желание издавать специальные критические сборники, но не встретил поддержки. Ю. Самарин, возражая Аксакову, говорил, что трудно представить в России книгу, «состоящую из одних критик»². Е.Н. Эдельсон, констатируя невозможность «в настоящее вре-

² «...Что же касается до твоего желанья заменить журнал брошюрами, наполненными критиками и библиографиями, то оно кажется мне решительно неудобноисполнимым и просто невозможным. Я согласен, что критический разбор книг – необходимая, самая важная часть журнала, но я не понимаю книги, состоящей из одних

мя» отдельного критического сочинения (вне журнального контекста) или специального критического сборника, полагал, для них вряд ли бы нашлись читатели [11. С. 252].

Рубеж XIX–XX вв., по наблюдениям современников, отмечен необычайным книжным «бумом». А. Блок в статье «Литературные итоги 1907 года» отмечал: «Книги по истории литературы, критика художественная, критика текста... заняли у нас видное место, и это прекрасно, прекрасно то, что русские читатели начинают проявлять признаки жизни, когда с ними говорят на языке науки; с каждым годом возрастает спрос на анализ и на обобщения <...> Теперь количество трудов в этой области возросло значительно, и так как за дело взялись историки и критики очень разнообразных лагерей, то русская публика уже может, приняв во внимание несколько разных книг, составить ясное представление о лице русской литературы от Пушкина до наших дней» [12. С. 115]. Д.П. Шестаков отмечал убыстрение времени появления книг: «Времена книг, медленно и бережно обдумываемых, к которым писатель подходил, как старый художник к полотну, с готовой картиной из головы, – эти времена давно миновали. Газетный листок широко сотрудничает в современной книге. Французский тип сборника газетных статей... больше и больше входит в книжный обиход» [13. С. 252].

В библиографии новейшей русской литературы, составленной С.А. Венгеровым для «Русской литературы XX века», дается 175 названий различных авторских книг критических статей и 24 названия коллективных сборников, не считая книг статей об отдельных писателях [14. С. 318–322]. Несмотря на колоссальное развитие газетно-журнального дела, «в общественном сознании высшей ценностью наделяется книга. Газетчик и журналист располагаются в этой иерархии двумя ступенями и ступенью ниже, чем автор книги» [15. С. 68]. Причины активизации критических книг в этот период обусловлены рядом факторов.

1. Исследователи проблемы социологии чтения, роли книги в организации и динамике культуры отмечают, что в постклассической литературе и постпозитивной науке заметны намечающийся «переход от книги писателя к книге читателя» и возросшее противостояние создателя произведения «законодателю-интерпретатору» [16. С. 377].

критик. Критика возможна при другом. Кто подписался на журнал, кому приносят его ежемесячно, в первых числах каждого месяца, тот прочет и критику. Но кто же станет покупать одни критики? Кому нужна до твоего, до моего мнения о той или иной книге? Мнение журнала – другое дело», – писал он в письме к Аксакову (курсив наш. – В.К.) [10. С. 162].

На рубеже XIX–XX вв. расширяются масштабы института критики, усиливается ее самостоятельная роль, критика становится видом творчества (об этом писали, например, К. Чуковский, О. Уайльд).

2. Сама проблема книги с конца XIX в. становится очень важной и значимой для поколения символистов. «Если рассматривать формирование модернистских институтов с учетом материальной культуры и изменчивого взаимодействия между рынком и эстетической ценностью, то сам процесс изготовления книги как физического объекта предстает чрезвычайно важным для понимания русского символизма и его читательской базы» [17. С. 49]. Разбор книговедческих взглядов русских поэтов-символистов убеждает, что для них книготворчество было естественным продолжением литературного творчества, они стремились реализовать задачу создания книги как органического единства всех элементов содержания и формы, в итоге «в общественном сознании эпохи постепенно сложилась и закрепились модель символистского книжного издания [18. С. 210]. Книготворческие взгляды символистов оказывали влияние и на опыты в области критики, и не только на их собственные.

3. На рубеже веков получило активное развитие издание самых разнообразных философских, публицистических сборников («Проблемы идеализма», «Вехи», «Литературный распад» и т. д.). Возникли и новые для русской критики типы сборников – не механические собрания статей, а концептуальные книги, пронизанные внутренней логикой. Пресловутая книжность (металитературность) модернистов искала выхода за пределами только собственно художественных книг.

4. Критические жанры находятся в определенной, хотя и довольно сложной, непрямой зависимости от развития литературы данного периода. На рубеже веков активно развивается книга (цикл) стихов как особое жанровое образование. Логическое структурирование поэтических книг – весьма типичное явление для поэзии Серебряного века. Полагаем, что наличествует связь между жанрообразующими факторами в лирическом цикле (книге) и в критических книгах.

5. Для автора переходной поры окружающий мир предстал дробным, мозаичным, хаотичным, а форма цикла позволяла преодолеть эту расколотость восприятия. Усложнение литературного процесса вело к центростремительным тенденциям в критике. Короткие эссеистские жанры не могли отразить панорамную картину литературной жизни, для осмысления которой требовался больший простор. Книга статей стала выполнять роль своеобразного «заменителя» жанра обзора, отошедшего в некотором отношении в это время на периферию. Как и другие

жанры в критике, книги были призваны не только выражать индивидуальный взгляд на литературу прошлого и настоящего, но и убедительно *воздействовать* на литературу и читателя. На рубеже веков сильное «программирующее» влияние на критические жанры оказывали задачи утверждения новых литературных направлений и течений и новых принципов критических методов. Каждый значительный сборник выдвигал собственную критическую методологию, становясь своеобразной вехой в развитии критики. Так воспринимались «Вечные спутники» Д. Мережковского, «Литературный дневник» З. Гиппиус, «От Чехова до наших дней» К. Чуковского, «Символизм», «Арабески», «Луг зеленый» А. Белого, «Книги отражений» И. Анненского, «Лики творчества» М. Волошина, «Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда и другие книги.

Авторы сосредоточили внимание на составе, построении своих книг (материал об этом содержится в их переписке, в предисловиях к книгам). Они размышляли над проблемой сборников, принципами их составления, вникали в проблемы редакционно-издательского процесса³.

Историко-литературная роль подобных книг заключалась в том, что они позволяли зафиксировать движение времени, историческую перспективу, путь развития литературы в «зеркале» критики.

Можно выделить несколько *типов* организации книг: хронологический, проблемный, тематический, жанровый. Очень широк диапазон жанровых форм: литературный дневник («Литературный дневник» З. Гиппиус, третий раздел «Арабесок» А. Белого, «Книги и люди» А. Горнфельда), критика о критике Гринберга («Русские критики» А. Волынского, коллективный сборник «О критике и критиках»), философско-эстетическое эссе («По звездам» В. Иванова), книга об отдельном литературном направлении («Символизм» А. Белого, «Русские символисты» Эллиса), сборник о творчестве одного писателя, включающий статьи разных авторов («Критические статьи о произведениях Максима Горького. Изд. С. Гринберга», «О Ф. Сологубе. Критика. Статьи и заметки. Сост. А. Чеботаревская», «Критика о творчестве Игоря Северя-

³ См. в письмах А. Белого к издателю А.М. Кожебаткину, как обсуждается порядок распределения статей в «Символизме» и «Луке зеленом»: «...Посылаю Вам продолжение статьи. Ее следует поместить после «Опыта характеристики» или же после «Описания стихотворения» <...>. Присланная статья теоретически важна <...> Дорогой Александр Мелетьевич: все собрал и рассортировал: ради Бога, не потеряйте: тут установлен окончательный порядок статей...» [19. С. 134, 146]. Один из первых итоговых образцов символистской критики – книга Мережковского «Вечные спутники» создавалась при прямом участии П. Перцова, который переделял статьи, сокращал и т. д.

нина»), сборник портретов о различных писателях («Книга о русских поэтах последнего десятилетия» под редакцией М. Гофмана, «Поэты наших дней (Критические этюды)» Н. Полякова), сборники отдельного критического жанра, принадлежащие одному автору («Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда, «Критические рассказы» К. Чуковского, «Письма о поэзии» П. Перцова, «Письма о русской поэзии» Н. Гумилева), книги о писателях прошлого («Вечные спутники» Мережковского, «Русская Камена» Б. Садовского), о писателях прошлого и современности («Далекие и близкие» В. Брюсова, «Книги отражений» И. Анненского, «Борьба за идеализм» А. Волынского), о современниках («Наши спутники» Г. Чулкова), «смешанные» сборники критики и поэзии («Философские течения русской поэзии» П. Перцова, «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» М. Гофмана, «Стихи и проза» И. Коневского), критики литературной и художественной, путевых очерков, литературно-философских эссе, лирики («Первый сборник» П. Перцова, «Горные вершины», «Белые зарницы», «Морское свечение» К. Бальмонта, «Лики творчества» М. Волошина) и т. д.

Как правило, уже на стадии составления авторы не рассматривали книги статей как простое переиздание ранее опубликованных статей, а как концептуальное единство, синтез⁴. В предисловии к книгам обязательно давалась *авторская установка* на восприятие внутреннего единства статей. Известно несколько вариантов титульного листа, оглавления и предисловия И. Анненского ко «Второй книге отражений», несколько редакций Предисловия к «Лицам творчества» Волошина. Перед авторами стояла задача отбора и доработки статей, чтобы они являли собой самостоятельное целое, отвечающее основной задаче книги. Статьи, вошедшие в сборник, могли подвергаться переработке, изменениям относительно объема, названий, стилистических особенностей.

В контексте ситуации «единства и тесноты» книги статей обнаруживали новые стороны, производили нередко впечатление большей цельности, чем на газетной полосе или в журнале, воспринимаясь как нечто целостное и *новое*. Роль объединяющего начала выполняли расположение статей, их сцепление, структурообразующая функция автора книги. Оценивая подобные сборники, рецензенты отмечали их единство, кон-

⁴ И. Анненский в вариантах предисловия ко «Второй книге отражений» подчеркивал, что «это не сборник, а книга» [20]. Как и в книгах лирики, важной для символистов была установка на *внутреннюю* сторону статей, которую должен уловить читатель.

цептуальность (можно даже говорить об особом жанре рецензии на критические книги).

Критические книги можно также разделить на несколько типов по способу создания:

1. Первичные: статьи создаются специально для книги или для раздела книги (1-я «Книга отражений» Анненского, «Русские символисты» Эллиса, «Символизм» А. Белого, частично).

2. Книги, составленные из статей, которые первоначально публиковались в составе циклов («Лики творчества» Волошина, «Арабески» А. Белого).

3. Книги, состоящие из работ, издававшихся ранее независимо друг от друга («Литературный дневник» Гиппиус, «Критические статьи» П. Пильского).

Следуя получившей распространение на рубеже XIX–XX вв. традиции отдельных изданий критических статей, Измайлов большую часть газетных и журнальных публикаций в отчасти переработанном виде публикует в виде книг «Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе» (1910), «Литературный Олимп: Характеристики, встречи, портреты, автографы» (1911), «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья» (1913)⁵.

Измайлов был в первую очередь газетным критиком, публикуясь в такой высокотиражной газете, как «Биржевые ведомости», а также в журнальных приложениях к ней, в газете «Русское слово», где с середины 1900-х до 1916 г. вел критический фельетон. Необходимость донести широкому читателю со страниц массовой прессы новости литературной жизни во многом диктовала структуру и своеобразие жанра критических выступлений, способы подачи материала, стилистику. Для этого требовались доступный, живой язык, занимательное изложение. В переписке с Розановым Измайлов подчеркивал, что писать «надо популярно, весело, для нашего читателя» [21. С. 425]. Сложный аналитический, наполненный греко-латинскими цитатами в оригинале язык книги Вяч. Иванова «По звездам», «тронутый современной научно-философской терминологией» [22. С. 212], Измайлов называл «приват-доцентским языком», сильно ограничивающим круг ее читателей «литературными экспертами и гастрономами» [23. С. 4].

⁵ Мы исключаем из рассмотрения вышедшую отдельной брошюрой обзорную статью Измайлова «На переломе» (Библиотека театра и искусства. 1908. № 1. С. 32–71).

Близость к массовой читательской аудитории, стремление прислушаться к ее ожиданиям обусловили и доходчивость, доступность, занимательность. Критика стремится к лаконизму, выразительности, поэтике впечатлений, активному выявлению авторского «я». Этот процесс аналогичен переходу от описательности, «панорамной» изобразительности к более концентрированным и обобщенным формам в литературе. В русской критике, начиная со статей Белинского последнего периода, сложился такой тип статьи, которая достигала бы «полного погружения в нашу действительность» (Н.Г. Чернышевский) [24. С. 169]. В статьях многих критиков начала XX в. смещаются акценты: от «действительности» к литературе, к постижению художественной реальности, личности писателя. Границы жанров раздвигались за счет синтеза литературно-критического (аналитического), документального и художественного начал.

У Измайлова вырабатывается емкая, но выразительная синтетическая форма, включающая и аналитическое начало, и жанровые сценки, биографические реалии, интересные бытовые подробности, портретные зарисовки, анекдотические ситуации, пародии. Обращение к фактам биографии писателя, литературным разговорам выполняло важную функцию описания синхронного среза современности, статьи насыщались атмосферой подлинной жизни, в которой и творилась литература.

Обратимся прежде всего к заголовочному комплексу литературно-критических книг, включающему заглавия отдельных статей, название самой книги, подзаголовка, названия разделов, составляющих книгу. Согласно современным исследованиям стилистики и лингвистики текста, элементы заголовочного комплекса, передавая в компрессивном виде его содержание, выполняют информативно-ориентирующую роль в процессе взаимодействия с реципиентом [25. С. 159]. В заглавии текста, по классификации В.И. Тюпы, встречаются три важнейшие интенции: референтная – соотнесенность текста с художественным миром (при этом заглавие акцентирует интересубъективную значимость текста); креативная – соотнесенность текста с творческой волей автора (заглавие приобретает оценочный оттенок); рецептивная – соотнесенность текста с сотворческим сопереживанием читателя (заглавие адресуется воспринимающему сознанию, оно ищет адекватной читательской интерпретации) [26. С. 116].

По аналогии с этой классификацией можно установить и типологию названий в критике. Референтный тип реализуется в нейтральных заглавиях, обозначающих тему и проблему статьи, информирующих о жанрово-стилистических особенностях критического произведения; креа-

тивная интенция доминирует в публицистически-оценочных заглавиях, выражающих какую-либо эмоциональную (ироническую, сатирическую, сопереживающую тональность по отношению к рассматриваемой проблеме). Рецептивная функция в основном проявляется в заглавиях-цитатах, заглавиях-символах, заглавиях-вопросах.

В книгах Измайлова названия всех уровней, как правило, несут значительную экспрессивную нагрузку, через звучные, порой даже интригующие заглавия выражается отношение автора к писателю, произведению, поднятой проблеме. Значительная часть входящих в состав книг статей/разделов содержит метафорические заглавия (названия разделов в книге «Помрачение божков и новые кумиры» – «Хмель на руинах (Новое и старое)»⁶, «Творчество под барабан (Беллетристический репортаж)», «Лавочка антиквария (Неоархаисты и стилизаторы)», «Торжествующий Приап (Порнографы и эротоманы)», «В райке цирка (Литературные шпагоглотатели и престижиджатары)», «У стола клиники (Патологическая беллетристика)», «На львином трупе»; в книге «Литературный Олимп» – «Патриарх русской литературы», «На страже правды», «Разрушение игры», «Погасшие замыслы Чехова», «Двадцать пять лет по ложному следу», «Вера или неверие», «Русский человек на духу», «Куда надлежит мещанская душа», «На чужих рельсах», «Потемки души», Клиническая литература», «Загадки сфинкса», «Чарованья красных вымыслов»; в книге «Пестрые знамена» – «Банкротство идеалов», «Звенящий кимвал», «Цветы новой романтики», «В покинутой кумирне», «Старорусские кружева», «Потемки души», «Пророк безблагодатных дней», «Вывихнутые души», «Бегом через жизнь», «Стоячая вода», «Ранняя осень», «Раненая совесть»).

Обратим внимание на два замечания из авторского предисловия к книге «Помрачение божков и новые кумиры». Во-первых, Измайлов, обращаясь к читателям, выражает пожелание, что эта книга может «служить как бы страницей истории» и запечатлеть «и мертворожденные явления, казавшиеся когда-то кому-то жизненными, и самый характер исторической борьбы с ними». Во-вторых, «за книжкой может быть признан и характер справочника» [27. С. VI]. Не случайно в связи с этим

⁶ В. Розанов в рецензии на книгу обратил внимание на эмоциональную роль заглавия: «Первая глава его книги: “Хмель на руинах” самым заглавием говорит и пугает, что в 5–6 лет и, много, 10 лет совершился целый литературный потоп. Откуда-то хлынули новые воды, которые затопили и смыли все старые литературные постройки. Признаюсь, до чтения его книги мне это так ясным не представлялось» [5. С. 307].

книга содержит именную указатель, что далеко не часто использовалось в издательской практике дореволюционного времени.

Из всего этого своеобразного цикла-путеводителя по современной литературе «Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе», пожалуй, наиболее яркая и раскованная по стилистике, разнообразию критических приемов. В ней как бы по-новому «заиграли» разбросанные по разным номерам газет фельетоны, отобранные и включенные уже в состав книги, они оказались в новом контексте, приобрели большую цельность, чего, возможно, им порой не хватало на газетной полосе.

Концепция книги, как мы полагаем, зарождается еще в статье «На переломе», в которой ситуацию в современной литературе, где «закачались на своих пьедесталах старые боги», Измайлов сравнивает с политической борьбой с той разницей, что «старые» не выставили ни одного бойца за старые идеалы, а нападают только «новые». В среде «нового поколения жадно ищется человек, который помог бы разобраться во всех его «желаниях, исканиях и нащупываниях» [28. С. 26]. По мнению Измайлова, и в среде «Весов» нет того критика, который бы что-нибудь «значительное, проясняющее, ценное сделал за это время» [28. С. 27]. Роль такого «арбитра» берет на себя Измайлов в книге, рожденной, как он признавался, борьбой... из недели в неделю» за ту систему понятий, какую он считал «истиной» в литературе [27. С. IV].

Поэтому так важно для него было высказаться о состоянии критики. Во вступлении к одной из своих рецензий на «Творимую легенду» (именно этот фрагмент в переработанном виде вошел в предисловие к книге) Измайлов так оценивал сложное положение, в котором оказалась тогдашняя критика: «Никогда ранее, может быть, за вычетом поры Белинского и первых завоеваний реализма, не было столь ответственным и трудным положение критика. Бывают полосы в литературе, когда роль критики сводится к ничтожной величине. Установившиеся литературные формы царят полновластно. В них все уверовали и им все поклонились. В такое время не может быть блестящих критиков, как во время торжества веры не может быть исповедников и мучеников. У нас только что прошла такая полоса. Критике оставалось размышлять о содержании произведений. О форме говорить не приходилось. Твердыни реализма казались неприступным Порт-Артуром» [29. С. 4]. Измайлов утверждает, что тогда у нас «появился тип никчемной “критики”», специально занявшейся пересказом содержания произведения, а это, естественно, вызывало осуждение у вдумчивых читателей, которым критика по-прежнему была нужна: «Но осудить такую критику

не значит высказаться против критики вообще. Посмотрите, как ее алчет и читатель, и сам писатель сейчас, в пору ломки всего недавнего, вчерашнего и попыток принести на расчищенное место что-то новое. Присмотритесь к разброду молодежи. У них положительно нет режиссера <...> Все спуталось. Что хорошо и что дурно? Читатель не из самостоятельных растерян и смущен. Он засыпает недоуменными письмами редакции и литературных обозревателей. А надо всем этим недоумением звучит истошный голос литературных кликуш, поющих славу стихов без ритма, фраз без смысла, писателей без образования, рассказов без замысла, порнографов без стыда...» [29. С. 4].

По словам Лукиана Сильного, в этой книге дана «целая критическая история» «новых веяний», «в умелом и талантливом освещении проходят все модные писатели новейшей эпохи – от Андреева и Сологуба до Ауслендера и Лазаревского, от Бальмонта и Брюсова до Новикова и Потемкина» [1. С. 259]. Правда, рецензент, не принимает ее претенциозного заглавия, сильно напоминающего всех «арлекинов и паяцов современного декадентства» [1. С. 259]. По замечанию рецензента «Исторического вестника», эта книга стала настоящим праздником в современной нам литературной критике», она «поражает своей опрятностью, какой-то стихийной боязнью автора и самому испачкаться в грязи современной пошлости и цинизма, и запачкать читателя» [30. С. 334]. Высоко оценивается и язык книги, она сравнивается с художественным произведением, особенное внимание рецензента привлекают главы «У стола клиники (патологическая беллетристика)», «Творчество под барабан (беллетристический репортаж)» и заключительная – «На львином трупе» [30. С. 334–335]. Высокой оценки книга удостоивалась и в писательской среде: она, по словам В.Я. Брюсова, «"больше себя", т.е. больше того, что обещает» [21. С. 147].

Ее первая глава «Хмель на руинах» носит характер *введения*, где автор определяет состояние литературы после «недавней политической бури». Прежде всего его интересует проблематика, которая в современном литературоведении обозначена как социология литературного успеха («культ» писателя, формирование фигуры модного автора и др.). Полагаем, что именно внимание к проблеме создаваемых писательских репутаций становится одним из важнейших скрепляющих мотивов всей трилогии. Измайлов здесь рассуждает о современной славе, о невиданной смене прежних традиций, правил, называя это «игрой в литературную чехарду» [27. С. 7]. Вспоминая прежние времена и сравнивая их с нынешними (эпохи так называемых «ускоренных» репутаций), Измайлов заметил, что «ни о Пушкине, ни о Гоголе у нас, ни о Гюго

во Франции, ни о Диккенсе в Англии – никогда не появлялось сотой доли тех сообщений, слухов, сплетен, выдумок, какими совершенно и со всех сторон обросло имя модного писателя» [31. С. 239] (речь шла о Л. Андрееве), а современным «уличным скандалистам» «платили гонорары, какие не снились Тургеневу и Фету, и их имена печатали жирным шрифтом, как имена примадонн и премьеров» [27. С. 106].

На основе наблюдения над поведением К. Бальмонта в беседе с Львом Толстым Измайлов справедливо заметил: «Не думайте, что образ художника у толпы создается после серьезного изучения, после внимательного разглядывания. Толпа запоминает мелочь. По мелочи делает вывод. Иногда в мелочи поразительно нащупывает правду. Потому что иногда мелочи говорят удивительно красноречиво» [32. С. 75].

Измайлов много писал о том, как у публики внимание к творчеству перевешивалось нередко интересом к внешней стороне жизни автора, литературное произведение утрачивало свою значимость на фоне интереса к частной жизни и стратегии поведения писателя. Уже в первой главе он из всех представителей «новой школы» пристальное внимание обращает на фигуры Брюсова и Бальмонта: именно они, по мысли критика «занимают заслуженное положение на современном поэтическом Олимпе» [27. С. 5]. Брюсов и Бальмонт станут «героями» третьей книги Измайлова, здесь же он только как бы подготавливает читателя, демонстрируя, как оба поэта «дали нам залог будущих успехов нашей поэзии» [27. С. 14]. По мысли Измайлова, литература стремится к свободе, жаждет ее. В непрекращающемся и постоянном движении литературы, где происходит вечная борьба «старой» и «новой» школы, состоит прогресс в ее развитии. Вместе с тем он не приемлет крайностей «правых», стремящихся во что бы то ни стало отстоять «столбы недавно самодержавного реализма», игнорируя «тайну психологического реализма». С другой стороны, «левые» в желании сломать все старое «готовы преклониться пред всякой бессмыслицей, пошлостью в бубенчиках новизны» [27. С. 37–38]. В заключительной главе тезис Измайлова о «росте» литературы получит дальнейшее развертывание. Он приводит выразительный пример, иллюстрирующий изменения стилистики названий в литературе. Например, писатель XIX в. мог так начать произведение: «“Молодая дама прекрасной наружности сидела в роскошном будуаре в глубокой задумчивости...”», “В жаркий майский день, на большой проезжей дороге тащилась кибитка, в которой сидели два молодых человека...”», “Солнце весело сияло на горизонте, освещая” и т. д., – все это такие начала, какими уже не воспользуется ни один автор, если у него есть чутья и такта хотя бы на горчичное зерно» [27. С. 212].

Последующие главы посвящены новым течениям последнего времени – фальшиво-гражданской поэзии, стилизации и неoarхаике, порнографическому и эротоманскому уклону, патологической беллетристике⁷. Следует заметить, что именно в этих главах Измайлов нередко прибегал к морально-этическим аргументам. Такая аргументация применялась им и ранее, например, при анализе героя одноименного романа М. Арцыбашева «Санин»: «Но, разумеется, можно далеко уйти и совсем запутаться в нравственных началах, если на место старых судей человека – разума и совести – поставить только одно чувство и даже, как делает Санин, чувственность» [33. С. 1]. Особенно много о «порче нравов» говорится в главе «Торжествующий Приап (Порнография и эротоманы), где подвергаются осуждению не только табуированные для русской литературы сюжеты (гомосексуализм и лесбийская любовь в повестях М. Кузмина «Крылья» и «Тридцать три уroda» Л. Зиновьевой-Аннибал), но и в целом обострившийся «культ тела», «вакханалия порнографии и эротоманства» в литературе [27. С. 117]. Тон высказывания критика становится обличительным: «Отвратительный век! Век, сложивший свое преклонение, свои венки, лавры и фимиам перед сыщиком, лакеем, горничной, раскрывающей тайны барского алькова, – пред палачом и проституткой!» [27. С. 107]. В книге прозвучал призыв: «...будем соблюдать священную чистоту в храме красоты и творчества. Художник будет облагораживать толпу, призывать ее к нравственной красоте...» [27. С. 104].

Последняя глава «На львином трупе» носит характер *завершения*, подведения итогов и взглядывания в завтрашний день. Измайлов делает выводы теоретического плана (впрочем, в каждой из частей трилогии они явно или потенциально присутствуют) – об эволюции романа, рассказа, драмы, о праве поэта «делиться своими неясными, смутными, неопределенными настроениями» [27. С. 225]. Итоговый вывод приводит читателя к пониманию того, что в «новой» литературе, как и в «старой», уже определились свои вершины. «Произошел тот исторический процесс, какой всегда происходит в жизни народов, когда новая, буйная и дикая сила налагает на стареющую культуру. *Победители вливают новые соки в старый народный механизм, но подчиняются веками слагавшейся*

⁷ Некоторые главы еще сопровождаются эпитафиями, задающими эмоциональную направленность восприятия содержания, как в 4-й главе «Торжествующий Приап» отрывки из «Послания к римлянам» апостола Павла и «Жизни животных» А. Брэма. Последний отрывок (о семействе жуков-навозников) оказывается напрямую связан с последующими рассуждениями в конце главы о «навозном направлении» в литературе [27. С. 120–122].

культуре» [27. С. 243]. Таким образом, протягиваются нити к следующей части трилогии.

В «Литературном Олимпе» выстраивается своеобразная двойственная иерархия тех писательских имен, какие должны быть внесены в пантеон современной литературы. Из всех современников, по мнению Измайлова, беспорна слава лишь Толстого и Чехова, однако и за другими именами есть «своя доля бескорыстного просветительского влияния», «они способны интересовать как писатели и люди» [32. Вместо Предисловия]. Степень значимости той или иной фигуры, очевидно, отражена в композиционном порядке статей (от Льва Толстого к Всеволоду Соловьеву). Эта книга самым подзаголовком «Характеристики, встречи, портреты, автографы» указывает на ее жанровое своеобразие. Это книга литературных портретов, где личность писателя максимально и всесторонне приближена к читателю: в ней звучат «голоса» писателей, включены их фотографии-портреты, автографы. Как бы признавая включение в книгу разноуровневых имен, Измайлов указывает еще на столь важный для него критерий – «успеха» в настоящем или недавнем прошлом. В одном из писем к Брюсову излагался ее замысел: «... все входящие статьи... сопровождаются страничками моих личных впечатлений от знакомства» [22. С. 149]. Измайлов одним из первых русских критиков внес вклад в развитие жанра литературно-критического интервью, адресованного массовому читателю газеты. Воссозданный в этой жанровой форме через достижение эффекта подлинности и непринужденности беседы портрет позволял ему создать живой образ писателя, приблизить его к читателю и развеять существующие слухи, предубеждения, циркулирующие порой в среде массовой публики. Опыт Измайлова-интервьюера помог ему в создании оригинальной формы литературного портрета в «Литературном Олимпе», где, каждая глава сопровождается очерком с элементами интервью⁸ с авторами («В Ясной Поляне», «У Горького на Капри», «На первом чтении “Рассказа о семи повешенных”»), портрет Брюсова дополнен очерком «В старом доме, на Цветном бульваре», включающем материалы личных встреч, бесед с Брюсовым).

⁸ На рубеже XIX–XX вв. интервью не ограничивалось исключительно беседой журналиста и интервьюируемого, в нем содержались портретные зарисовки, описание внешности, быта и т. д. [33. С. 223]. С современной точки зрения корректно говорить о «синтетической, гибридной природе интервью рубежа XIX–XX вв., сочетании различных речевых жанров в пределах одной формы: интервью-очерк, интервью-статья, репортаж-интервью или заметка-интервью – все эти жанры еще не имели строгой закрепленности и взаимно влияли друг на друга» [34. С. 82].

Все эти особенности не ускользнули от внимания критиков. Так, рецензент «Исторического вестника» сетовал, что критик «возвел на Олимп русской литературы рядом с бесспорными вождями, как Толстой и Чехов, из-под влияния которых она еще не вышла и не скоро выйдет, и средние величины, вроде Салиаса или Всеволода Соловьева» [3. С. 779]. Борис Садовской особенно выделил новизну приема Измайлова и подчеркнул значение книги для истории литературы: «...литературные характеристики соединены в «Олимпе» г. Измайлова с рядом «интервью», в которых мы знакомимся с обстановкой жизни наших писателей и слышим их подлинные речи <...> Из поездок в Ясную Поляну и на Капри, из воспоминаний о гр. Е. Салиасе и Вс. Соловьеве, из посещений Л. Андреева и Вал. Брюсова, из встреч с Фед. Сологубом и И. Ясинским – извлек он ряд любопытных штрихов, которые в свое время сослужат службу историку литературы, как добросовестные познания современника» [35. С. 92].

Книга «Пестрые знамена», вышедшая с подзаголовком «Литературные портреты безвременья», также типологически стоит в одном ряду с так называемыми «жанровыми» книгами, включающими статьи определенного жанра («Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда, «Критические рассказы» К. Чуковского, «Письма о поэзии» П. Перцова и т. д.). Первоначально книга должна была выйти под заглавием «Литературный Олимп-2». И первое, и второе заглавие свидетельствуют, безусловно, о выстраивании иерархии и построении определенного канона. Не все авторы с этим соглашались. Например, Амфитеатров писал: «На обложке Ваших рассказов прочел я содержание будущей Вашей книги (должен сознаться, ужасно мне не нравится ее название, – не знаю, как другие, но я олимпийцем никогда не был, не чувствую себя им, не буду и быть не хочу) [22. С. 266].

Она выросла из цикла портретов современников, публиковавшихся в журнале «Новое слово». Само название ее выражает «пестроту» представленных фигур писателей: здесь и символисты (Мережковский, Бальмонт, Блок. Вяч. Иванов, Гиппиус), и реалисты (Амфитеатров, Бунин, Чириков, Вересаев), а ее композиция зримо представляет эту «пестроту». Довольно точно рецензент определил «секреты» успеха этой и других книг Измайлова: уравновешенность позиции критика, ориентация на интересы широкого читателя и живой выразительный язык [36. С. 178–179]. В другом отзыве подчеркивалась «редкая добросовестность критика», «он великолепно знает того писателя, о котором пишет», что дает ему возможность «так легко и в то же время исчерпывающе синтезировать все самое существенное в данном писателе». [37. С. 624].

В «Пестрых знаменах» получил дальнейшее развитие пристальный интерес к литературным репутациям современников: на конкретных примерах судеб писателей критик рассуждает о «раздутых» и «пониженных», медленно создававшихся репутациях, а также репутациях, в создании которых наименьшее место отводится удаче. Эти рассуждения составляют довольно существенную часть многих статей Измайлова, включенных в книгу.

Статья о Бунине «Ранняя осень» начинается с рассуждения о *замедленном* достижении его писательского успеха: «Медленно и тяжело создавалась литературная репутация Бунина. Он разделил обычную участь миниатюристов в искусстве. <...> Миниатюру замечает только любитель. Когда-то когда ее рассмотрит толпа!» [32. С. 202]. В статье «Потемки души (Литературный портрет А.Н. Будищева)» критик не оставил незамеченным один из парадоксов функционирования литературы в читательском сознании: «Есть раздутые и есть пониженные репутации в литературе. В сущности, далеко не один талант определяет карьеру писателя <...> Есть писатели, которых много читают и о которых немного пишут» [32. С. 215].

В статье об Арцыбашеве «Банкротство идеалов»⁹ (1910) Измайлов размышляет о зависимости писателя от времени, но применительно к Арцыбашеву готов осудить: «когда писатель без внутреннего магнетизма бежит за модой и поставяет тот товар, какой в любую минуту в большом спросе на рынке» [32. С. 8]. Наблюдения над эволюцией поэзии Бальмонта дают основание критику подметить, что «скромность с некоторого времени перестала быть свойством талантов», а слава Бальмонта в настоящий момент «на ущербе» [32. С. 74].

Обозрение новых течений в беллетристике отразило острый интерес критика к проблеме читателя, дифференциации читательских интересов, того, что он называет «читательским расколом» по отношению к «старой» и «новой» литературе. Что особенно интересно, Измайлов учитывает и результаты проводившихся в начале XX века статистических данных о читательских запросах в провинциальных библиотеках¹⁰. Это

⁹ В журнальной публикации статья называлась иначе: Измайлов А. Путаница идеалов (Повести и рассказы М. Арцыбашева) // Новое слово. 1910. № 7.

¹⁰ Он был не одинок в этом направлении, данные о читательских интересах публиковали «Мир Божий» (Левин К. Что читает и чем интересуется учащаяся молодежь // Мир божий. 1903. № 11–12), «Русская мысль» (Кауфман А. Русская курсистка в цифрах // Русская мысль. 1912. № 6), особенно широко публиковались они в педагогических журналах (Бачалдин И. Ученик-читатель (анкета о чтении в средней школе) // Русская школа. 1912. № 3; Степанец Б. Семинаристы из народа // Вест-

давало ему дополнительные аргументы для вывода о том, какие читательские слои создавали успех тем или иным писателям.

Тщательно работая над каждой из книг, отбирая, уточняя и в ряде случаев перерабатывая¹¹ ранее опубликованные статьи, Измайлов добивался того, чтобы не только каждая книга, но и все они воспринимались как нечто целостное, как своего рода критическая трилогия¹².

Вся трилогия обращена не к прошлому, как «Вечные спутники» Д.С. Мережковского, «Русская Камена» Б. Садовского, а к переходной эпохе рубежа XIX–XX вв., пополняя ряд изданий, посвященных современности, что образует в совокупности своеобразную критическую историю новейшей русской литературы.

В отличие от критических опытов модернистов, обращенных к ограниченному кругу «ценителей», книги Измайлова изначально адресованы самому широкому кругу читателей, в чем признавался сам критик и что, в свою очередь, определяет их жанровое своеобразие. Книги Измайлова представляют интерес для историка русской литературы и как живая зарисовка литературного быта, отношений писателя и публики, анализ изменений, произошедших в отношении читателя к автору на рубеже веков. Поэтому не только К.И. Чуковский, которому, как правило, отдают пальму первенства в постановке проблем массовой литературы

ник воспитания. 1902. № 1; Симонов И.С. Что читают воспитанники наших кадетских корпусов // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1905. № 2, 6–9) и др.

¹¹ Смягчив несколько высказанные ранее определения пьесы «Незнакомка» как «архимодернистской», «голубой чепухи» («Биржевые ведомости», 1907, 14 сент.), Измайлов все же оставляет в статье «Цветы новой романтики (Поэзия Александра Блока)», вошедшей в «Пестрые знамена», общее неприятие декадентских проявлений в творчестве Блока. В «Незнакомке», по утверждению критика, «решительно не разберутся и Спиноза с Аристотелем», «это какой-то сплошной дикий хаос, содержание которого отмечено невероятным смешением символов и реальнейшей обстановки, голубых лучей и сыра бри, звезды, упавшей с неба и воплотившейся в женщину, и пьяных забулдыг, несущих дичь в таверне» [32. С. 64]. Некоторый материал для реконструкции творческой истории его книг дает переписка, из которой становится известным, как Измайлов вносил правку в статью о Брюсове [22. С. 152], как дорабатывал статью о Блоке «Шифрованная поэзия» для книги «Помрачение божков...» [33. С. 200], но в целом творческая история изданий Измайлова требует отдельного кропотливого исследования.

¹² Измайлов применяет и такой прием, как ретроспективная отсылка к предшествующей работе: «О психологии “навязчивых идей” как одного из преобладающих мотивов писательства Сологуба см. в моей книге “Помрачение божков и новые кумиры”, стр. 167–182» [32. С. 335]; «Интересующихся именно этой стороной поэзии А. Блока отсылаю к моей книге “Помрачение божков”» [С. 64] и др.

в начале XX века, но и А.А. Измайлов может быть назван в этом ряду не только наблюдателем, хроникером литературных нравов эпохи, но и ее аналитиком, зачинателем. Заметим, что книги Измайлова сыграли определенную роль в осознании и формировании на рубеже XIX–XX вв. таких социокультурных явлений, как «модный автор», «литературная репутация» (задолго до И.Н. Розанова).

Список источников

1. Лукиан Сильный [Либрович С.Ф.]. Удачная книга с неудачным заглавием // Вестник литературы. 1909. № 10. С. 239–240.
2. [Б. п.] Измайлов А. Кривое зеркало. Пародии и шаржи. СПб. 1912. [Рец.] // Новый журнал для всех. 1912. № 3. С. 122.
3. Н.Л. [Лернер Н.] А. Измайлов. Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М. 1911. [Рец.] // Исторический вестник. 1911. № 11. С. 779–780.
4. Русская критика современной литературы: Характеристики, образцы, портр. СПб. : Вестник знания, 1912. 104 с.
5. Розанов В.В. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М. : Республика, 2004. 468 с.
6. Крылов В.Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. 268 с.
7. Федотова С.В. Литературно-критическое своеобразие «Книги об Александре Блоке» К. Чуковского // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 26–44.
8. Захарова Е.М. Книга литературно-критических статей как структурно-семантическое единство: 1986–1989 гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 301 с.
9. Шатин Ю.В. Три аспекта жанровой теории // Проблемы литературных жанров : материалы VI научной межвузовской конференции, Томск, 7–9 декабря 1988 г. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 5–6.
10. Самарин Ю.Ф. Сочинения: в 12 т. Т. 12: Письма 1840–1853. М. : Д. Самарин, 1911. 479 с.
11. Эдельсон Е.Н. Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики // Русская эстетика и критика 40–50-х гг. XIX в. М. : Искусство, 1982. С. 250–283.
12. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Т. 7. Проза (1903–1907). М. : Наука, 2003. 503 с.
13. Шестаков Д. Наша литература // Слово. 1907. № 37. 1(14) янв. С. 3.
14. Русская литература XX века (1890–1910): В 2-х кн. Кн. 2 / под ред. С.А. Венгерова. М. : Изд. дом «XXI век – Согласие». 2000. 472 с.
15. Котрелев Н.В. Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности : сб. науч. тр. М. : ВГБИЛ, 1985. С. 68–133.
16. Дубин Б.В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

17. Стоун Дж. Институты русского модернизма: концептуализация, издание и чтение символизма. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 374 с.
18. Толстых Г.А. Книготворческие взгляды русских символистов // Книга. Исследования и материалы. Сб. 68. М. : Terra, 1994. С. 209–229.
19. «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!» Письма Андрея Белого к А.М. Кожебаткину. Предисловие, публикация и комментарии Джона Малмстада // Лица : Биографический альманах. 10. СПб. : Феникс : Дмитрий Буланин, 2004. С. 127–176.
20. Анненский И.Ф. Варианты титульного листа, оглавления и предисловия ко «Второй книге отражений» // РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 155.
21. Измайлов А.А. Переписка с современниками / сост., вступ. ст., подгот. текста, предисловия, примеч. Александров А.С. и др. СПб. : Пушкинский Дом, 2017. 728 с.
22. Максимов Д.Е. Поэзия проза Ал. Блока. Л. : Сов. писатель, 1975. 526 с.
23. Аякс [А. Измайлов]. В литературном мире. «По звездам» Вячеслава Иванова // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. № 12270. 20 августа. С. 4.
24. Бурсов Б.И. Мастерство Чернышевского-критика. Л. : Сов. писатель, 1956. 338 с.
25. Лазарева Э.А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 40. С. 158–166.
26. Тюпа В.И. Аналитика художественного: Введение в литературоведческий анализ. М. : Лабиринт: РГГУ, 2001. 189 с.
27. Измайлов А.А. Помрачение божков и новые кумиры : Кн. о новых веяниях в лит-ре. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910. VIII, 251 с.
28. Измайлов А.А. На переломе: Литературные размышления. СПб. : Театр и искусство, 1908. 59 с.
29. Неблагодарный читатель [Измайлов А.]. Искания и заблуждения (Новый роман Ф. Сологуба «Навыи чары») // Слово. 1907. 14 дек. № 330. С. 4.
30. А.Я. А.А. Измайлов. Помрачение божков и новые кумиры // Исторический вестник. 1910. № 1. С. 334–335.
31. Измайлов А.А. Литературный Олимп: характеристики, встречи, портреты, автографы. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. 472 с.
32. Измайлов А.А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М. : Т-во И.Д. Сытина, 1913. 231 с.
33. Измайлов А. Что нового в литературе // Биржевые ведомости. 1907. 29 сент. № 231. С. 1.
34. Александров А.А., Александрова Э.К., Грякалова Н.Ю. Литературно-критическая деятельность А.А. Измайлова и литературные репутации писателей-символистов (В.Я. Брюсов – А.А. Блок – К.Д. Бальмонт – Вяч. Иванов) // Писатель – критика – читатель: Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX – первой трети XX вв. : коллективная монография / отв. ред. А.С. Александров. СПб. : Росток, 2022. С. 170–238.
35. Селютин Е.А. Зарождение жанра литературного интервью на рубеже XIX–XX веков // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 4. С. 76–87.

36. Садовской Б.А. Измайлов. Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911. [Рец.] // Русская мысль. 1911. № 3. С. 92–93.
37. Ронин А. А. Измайлов. Пестрые знамена [Рец.] // Новый журнал для всех. 1913. № 4. С. 178–179.

References

1. Lukian Silnyy [Librovich, S.F.] (1909) Udachnaya kniga s neudachnym zaglavie[m] [A superior book with an inferior title]. *Vestnik literatury*. 10. pp. 239–240.
2. Anon. (1912) Izmaylov A. Krivoe zerkalo. Parodii i sharzhi. SPb. 1912. [Rets.]. [A. Izmaylov. The Distorting Mirror: Parodies and Caricatures. St. Petersburg, 1912. [Review]]. *Novyy zhurnal dlya vsekh*. 3. p. 122.
3. N.L. [Lerner, N.]. (1911) A. Izmaylov. Literaturnyy Olimp. Kharakteristiki, vstrechi, portrety, avtografy. M. 1911. [Rets.]. [A. Izmaylov. Literary Olympus: Characteristics, Encounters, Portraits, Autographs. Moscow, 1911. [Review]]. *Istoricheskiy vestnik*. 11. pp. 779–780.
4. Anon. (1912) *Russkaya kritika sovremennoy literatury: Kharakteristiki, obraztsy, portr* [Russian Criticism of Modern Literature: Characteristics, Samples, Portraits]. St. Petersburg: Vestnik znaniya.
5. Rozanov, V.V. (2004) *Staraya i molodaya Rossiya. Stati i ocherki 1909 g.* [Old and Young Russia. Articles and Essays 1909]. Moscow: Respublika.
6. Krylov, V.N. (2005) *Russkaya simvolistskaya kritika: genezis, traditsiya, zhanry* [Russian Symbolist Criticism: Genesis, Tradition, Genres]. Kazan: Kazan University.
7. Fedotova, S.V. (2023) Literary and critical singularity of the Book about Alexander Blok by K. Chukovsky. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 26–44. (In Russian).
8. Zakharova, E.M. (2020) *Kniga literaturno-kriticheskikh statey kak strukturno-semanticheskoe edinstvo: 1986–1989 gg* [The book of literary-critical articles as a structural-semantic unity: 1986–1989]. Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Shatin, Yu.V. (1990) Tri aspekta zhanrovoy teorii [Three Aspects of Genre Theory]. *Problemy literaturnykh zhanrov* [Problems of Literary Genres]. Proc. of the 6th Inter-university Conference, Tomsk, December 7–9, 1988. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–6.
10. Samarin, Yu.F. (1911) *Sochineniya: v 12 t.* [Works: in 12 vols]. Vol. 12. Moscow: D. Samarin.
11. Edelson, E.N. (1982) Neskol'ko slov o sovremennom sostoyanii i znachenii u nas esteticheskoy kritiki [A few words about the current state and significance of our aesthetic criticism]. In: *Russkaya estetika i kritika 40–50-kh gg. XIX v.* [Russian Aesthetics and Criticism of the 1840 – 1850s]. Moscow: Iskusstvo.
12. Blok, A.A. (2003) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20-ti tomakh* [Complete Collection of Works and Letters in 20 vols]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
13. Shestakov, D. (1907) Nasha literatura [Our literature]. *Slovo*. 37. p. 3.
14. Vengerov, S.A. (ed.) (2000) *Russkaya literatura XX veka (1890–1910)* [Russian Literature of the 20th century (1890–1910)]. Vol. 2. Moscow: XXI vek – Soglasie.
15. Kotrelev, N.V. (1985) Perevodnaya literatura v deyatelnosti izdatel'stva "Skorpion" [Translated Literature in the Publishing Activities of 'Scorpio']. In: *Sotsial'no-kul'tur-*

- nye funktsii knigoizdatel'skoy deyatel'nosti* [Socio-cultural functions of book publishing]. Moscow: VGBIL. pp. 68–133.
16. Dubin, B.V. (2001) *Slovo-pismo-literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury* [Word-Writing-Literature: Essays on the Sociology of Contemporary Culture]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
 17. Stone, J. (2022) *Instituty russkogo modernizma: kontseptualizatsiya, izdanie i chtenie simbolizma* [The institutions of Russian modernism: Conceptualizing, publishing, and reading symbolism]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
 18. Tolstykh, G.A. (1968) *Knigotvorcheskie vzglyady russkikh simvolistov* [Book-creating views of Russian symbolists]. In: *Kniga. Issledovaniya i materialy* [The Book: Research and Materials]. Vol. 68. Moscow: Terra. pp. 209–229.
 19. Malmstad, J. (ed.) (2004) "Kozhebak!..Da ved' eto khuzhe, chem gusak!!!" Pis'ma Andrey a Belogo k A.M. Kozhebatkinu. Predislovie, publikatsiya i kommentarii Dzhona Malmstada ["Kozhebak!..It's worse than a gander!!!" Letters of Andrei Bely to A.M. Kozhebatkin. Foreword, publication and comments by John Malmstad]. *Litsa: Biograficheskiy almanakh*. Vol. 10. St. Petersburg: Feniks; Dmitriy Bulanin. pp. 127–176.
 20. Annenskiy, I.F. (n.d.) *Varianty titul'nogo lista, oglavlениya i predisloviya ko "Vtoroy knige otrazheniy"* [Variants of the title page, table of contents and preface to The Second Book of Reflections]. RGALI. Fund 6. List 1. File 155.
 21. Izmaylov, A.A. (2017) *Perepiska s sovremennikami* [Correspondence with Contemporaries]. St. Petersburg: The Pushkin House.
 22. Maksimov, D.E. (1975) *Poeziya i proza Al. Bloka* [Poetry and prose of A. Blok]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
 23. Ayaks [Izmaylov, A.] (1909) V literaturnom mire. "Po zvezdam" Vyacheslava Ivanova [In the literary world. "By the Stars" by Vyacheslav Ivanov]. *Birzhevye vedomosti. Vech. vyp.* 12270. 20th August. p. 4.
 24. Bursov, B.I. (1956) *Masterstvo Chernyshevskogo-kritika* [Chernyshevsky's mastery as a critic]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
 25. Lazareva, E.A. (2006) *Zagolovochnyy kompleks teksta – sredstvo organizatsii i optimizatsii vospriyatiya* [The title complex of the text – means of organization and optimization of perception]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 40. pp. 158–166.
 26. Туупа, V.I. (2001) *Analitika khudozhestvennogo: Vvedenie v literaturovedcheskiy analiz* [Analyzing the Fiction: An Introduction to Literary Analysis]. Moscow: Labirint; RGGU.
 27. Izmaylov, A.A. (1910) *Pomrachenie bozhkov i novye kumiry: Kn. o novykh veyaniyakh v literature* [The corruption of gods and new idols: A book on new trends in literature] Moscow: I.D. Sytin.
 28. Izmaylov, A.A. (1908) *Na perelome: Literaturnye razmyshleniya* [At the Turning Point: Literary Reflections]. St. Petersburg: Teatr i iskusstvo.
 29. Neblagosklonnyy chitateľ! [Izmaylov, A.] (1907) *Iskaniya i zabluzhdeniya* (Novyy roman F. Sologuba "Navi chary") [Seekings and Delusions (F. Sologub's New Novel "Navi Charms")]. *Slovo*. 14th December. 330. p. 4.
 30. Ya, A. (1910) A.A. Izmaylov. *Pomrachenie bozhkov i novye kumiry* [The corruption of gods and new idols]. *Istoricheskiy vestnik*. 1. pp. 334–335.

31. Izmaylov, A.A. (1911) *Literaturnyy Olimp: kharakteristiki, vstrechi, portrety, avtografy* [Literary Olympus: characterizations, encounters, portraits, autographs]. Moscow: I.D. Sytin.
32. Izmaylov, A.A. (1913) *Pestrye znamena: Literaturnye portrety bezvremeniya* [The motley banners: Literary portraits of the timelessness]. Moscow: I.D. Sytin.
33. Izmaylov, A. (1907) *Что novogo v literature* [What's new in the literature]. *Birzhevyye vedomosti*. 29th September. p. 1.
34. Aleksandrov, A.A, Aleksandrova, E.K. & Gryakalova, N.Yu. (2022) *Literaturno-kriticheskaya deyatel'nost' A.A. Izmaylova i literaturnye reputatsii pisateley-simvolistov (V.Ya. Brusov – A.A. Blok – K.D. Bal'mont – Vyach. Ivanov)* [Literary-critical activity of A.A. Izmaylov and literary reputations of Symbolist writers (V.Y. Brusov – A.A. Blok – K.D. Balmont – Vyach. Ivanov)]. In: Aleksandrov, A.S. (ed.) *Pisatel' – kritika – chitatel': Mekhanizmy formirovaniya literaturnoy reputatsii v Rossii vo vtoroy polovine XIX – pervoy treti XX vv.* [Writer – Critic – Reader: Mechanisms of Literary Reputation Formation in Russia in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries]. St. Petersburg: Rostok. pp. 170–238.
35. Selyutina, E.A. (2022) *Zarozhdenie zhanra literaturnogo interv'yu na rubezhe XIX–XX vekov* [The Birth of the Genre of Literary Interview at the Turn of the 20th Centuries]. *Filologicheskiy klass*. 27(4). pp. 76–87.
36. Sadovskoy, B.A. (1911) *Izmaylov. Literaturnyy Olimp. Kharakteristiki, vstrechi, portrety, avtografy*. M., 1911. [Rets.] ["Izmaylov. Literary Olympus. Characteristics, Encounters, Portraits, Autographs. Moscow, 1911. [Review]]. *Russkaya mysl'*. 3. pp. 92–93.
37. Ronin, A.A. (1913) *Izmaylov. Pestrye znamena*. [Rets.] [Izmaylov. Variegated Banners. [Review]]. *Novyy zhurnal dlya vsekh*. 4. pp. 178–179.

Сведения об авторе:

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия); научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: krylov77@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Viacheslav N. Krylov, Dr. Sci. (Philology), professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); research fellow, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: krylov77@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2024;
одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 16.10.2024*

*The article was submitted 28.07.2024;
approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 16.10.2024*

Original article

UDK 769.2

doi: 10.17223/23062061/38/6

ARTISTIC DECORATION OF *HISTORY OF ARMENIA* PUBLISHED BY HAKOBOS ISSAVERTENTS

Astghik Valerian Soghoyan¹, Shoghakat Vardan Devrikyan²

¹ *Institute of Literature after M. Abeghyan, Yerevan, Republic of Armenia;
Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia*

² *Institute of Arts of the National Academy of Sciences of RA, Matenadaran;
Research Institute of Ancient Manuscripts named after M. Mashlots,
Yerevan, Republic of Armenia*

¹ *astghik.soghoyan1994@gmail.com*

² *devrikyan@gmail.com*

Abstract. Archimandrite Hakobos Issavertents's *History of Armenia*, published in 1888 by the Mekhitarist Congregation, Venice, is a pivotal work bridging Armenian history and European aesthetics. This article employs a comparative-historical method to analyze the engravings within, exploring the fusion of Classicism and Romanticism. Italian artists Giuliano Zasso, Giovanni Fusaro, and Giuseppe Cannella the Younger skillfully depicted Armenian history, blending Greco-Roman aesthetics with emotional resonance. The engravings encompass battles, mourning episodes, and royal ceremonies, presenting a nuanced narrative. By seamlessly marrying artistry with historical narrative, the book becomes a cultural bridge, enriching global understanding of Armenia's heritage.

Keywords: Mekhitarist Congregation, Armenian history, engraving, book design, Classicism, Romanticism, Italy

Acknowledgments. This work was supported by the Science Committee of RA (Research project No. 22YR-6B026).

For citation: Soghoyan, A.V. & Devrikyan, Sh.V. (2025) Artistic decoration of *History of Armenia* published by Hakobos Issavertents. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 38. pp. 133–148. doi: 10.17223/23062061/38/6

Научная статья

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ «ИСТОРИИ АРМЕНИИ», ИЗДАННОЙ АКОБОСОМ ИСАВЕРТЕНЦОМ

Астхик Валериановна Согоян¹, Шогакат Вардановна Деврикян²

¹ *Институт литературы им. М. Абегяна Национальной академии наук РА, Ереван, Армения;*

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

² *Институт искусств Национальной академии наук РА, Ереван, Армения; Матенадаран – Научно-исследовательский институт древних рукописей им. М. Машицоца, Ереван, Армения*

¹ *astghik.soghoyan1994@gmail.com*

² *devrikyan@gmail.com*

Аннотация. В течение веков армянская Конгрегация Мхитаристов на острове Святого Лазаря в Венеции являлась не только распространителем европейской литературы, науки и передовой общественно-политической мысли своего времени в армянской действительности, но и Мхитаристы представляли Армению в Европе, воистину становясь послами армянской культуры и создавая маленькую Армению на острове Св. Лазаря. Мхитаристы ставили перед собой задачу – ознакомить читателя на европейских языках и сделать общеизвестной историю и культуру армянского народа. Поэтому ими издавались книги, посвященные многовековой и славной истории Армении на итальянском, французском, русском, английском, немецком и других языках. Статья посвящена деятельности в этом плане одного из отцов-мхитаристов – архимандрита Акобоса Исавертенца (1835–1902 г.). В 1888 г. в Венеции на французском языке им была издана большеформатная альбом-книга «История Армении» (*Histoire de l'Arménie*), в которой различные события армянской истории представлены в общедоступном изложении и проиллюстрированы выразительными гравюрами. Художественное оформление и гравюры книги с искусствоведческой точки зрения до сих пор не были изучены. Цель данной статьи – изучение приведенных в книге А. Исавертенца «История Армении» картин-гравюр с помощью историко-сравнительного метода. В частности, как создавались образы исторических лиц и событий с точки зрения классицизма и романтизма, какими художественными приемами воспользовались художники для большей выразительности в духе упомянутых направлений, какими способами создавались образы героев, мужчин и женщин, армян и инородцев. Гравюры книги, представляющие различные эпизоды армянской истории, мастерски соединяют художественные традиции классицизма и романтизма. В результате, иллюстрации служат не только визуальным изображением исторических событий, но и представляют армянский народ, как носителя европейских эстетических представлений и нравов.

Ключевые слова: конгрегация Мхитаристов, история Армении, гравюра, книжное оформление, классицизм, романтизм, Италия

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА (Научный проект № 22YR-6B026).

Для цитирования: Soghoian A.V., Devrikyan Sh.V. Artistic decoration of “History of Armenia” published by Hakobos Issavertents // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 133–148. doi: 10.17223/23062061/38/6

Introduction

The Mekhitarist Congregation (1717–present) on St. Lazarus Island in Venice, Italy, has been a vital center for Armenian culture, art, science, and education since the 18th century. In a challenging historical context, where the Armenian people lacked statehood and distinct borders on the world map, it became imperative to collect, preserve, and present their culture to the world [1. P. 116–117]. In addition to showcasing Armenian culture, the 17th and 18th centuries offered a favorable period for integrating Armenian narratives, various myths, and legends circulating in Europe, along with the depictions based on them in both European settings and Armenian settlements. This era was especially favorable for the establishment of an Armenian center in Europe, a destiny fulfilled by Mkhitar Sebastatsi (Mekhitar of Sebaste).

In 1700, Sebastatsi brought together 15 students in Constantinople, establishing a congregation in 1701 that was later named Mekhitarist after his death. To ensure the congregation's unhindered functioning, they moved to Europe in 1703 and ultimately settled on the island of St. Lazarus in Venice in 1717 [2]. Thus, the Mekhitarist Congregation not only spread European literature, science, and contemporary socio-political thought within the Armenian context [3], but also acted as ambassadors of Armenian culture, representing Armenia to Europe and the world. They sought to promote the history and culture of the Armenian people in various European languages, showcasing the historical glory of Armenia. Consequently, they commenced the publication of books dedicated to Armenian history in Italian, French, English, German, Russian, and other languages.

Over the years, the Mekhitarist fathers fostered strong connections with leading countries across the globe, striving to present Armenian history, culture, and art. Particularly noteworthy was the connection between the Armenian Congregation of Venice and Russia. For instance, Archbishop Gabriel Aivazovsky (1812–1880), the brother of the renowned seascape painter Ivan (Hovhannes) Aivazovsky and a member of the Mekhitarist Congregation,

introduced Russian typefaces to a printing house in Venice and initiated the publication of Russian literature. Ghevond Alishan (1820–1901), a distinguished scholar of the congregation, closely collaborated with Russian scientists, being a member of the Moscow Archaeological Society, the Free Society of Lovers of Literature, Science, and the Arts, as well as the Imperial Russian Archaeological Society [4. P. 91].

The fathers of the Mekhitarist Congregation made significant effort to showcase to the civilized world the rich Armenian legacy, encompassing the history and the heroic journey undertaken by the Armenian people across generations. In this context, Archimandrite (Vardapet) Hakobos Issavertents (1835–1902) stands out, particularly for publishing *History of Armenia* (*Histoire de l'Arménie*) in 1888 in Venice. This extensive book-album in French presented various events from the centuries-old Armenian history in an accessible and engaging essay, complemented by expressive engravings [5]. The book was subsequently reissued in Armenian in Venice [6], and in 2007, the engravings and commentary were published in Yerevan in a book-album format [7].

Remarkably, the artistic aspects of the engravings and design of the book have not been studied to date. This article seeks to explore the engravings published in the *History of Armenia* by employing the comparative-historical method. The analysis will focus on how the described historical events and figures were reflected through the lenses of Classicism and Romanticism. It further explores the artistic techniques employed by the authors to amplify the expressiveness of events, analyzing how various protagonists, encompassing both women and men, Armenians, and foreigners, were depicted in alignment with the principles of these artistic trends.

The structure and thematic scope of *History of Armenia*

Hakobos Issavertents actively pursued scholarly work within the Mekhitarist Congregation, producing historical works such as "France and Prussia" (1870) [8], philosophical writings such as "The Fisherman of the Lake: Reflections from the Evening Hour" (1872) [9], geographical pieces like "Journey to Indian Bombay" (1887) [10], linguistic contributions including "Educational of English Language" (1880) [11], and numerous other works [12]. Proficient in English, Greek, Italian, and French [13. P. 494], Issavertents made a valuable impact by translating numerous Armenian works into these languages. Despite his diversified Armenological contributions to Armenology in both Armenian and various European languages, and his former status as a distinguished European scholar, his name remains relatively unfamiliar to the

Armenian public. In this context, obituaries commemorating his passing were published in Venice, expressing that "He devoted all his efforts to introducing the Armenian people to Europe, a cause he ardently pursued" [13. P. 493]. Similar sentiments were conveyed in Tiflis, where it was noted, "He rose to prominence in the European scholarly community, dedicating his entire career to familiarizing Europe with the Armenian nation" [14]. Meanwhile, Armenian newspapers in Marseille reflected on his legacy, expressing, "With his demise, the Mekhitarist Congregation grieves the loss of one of its most eminent members, and the Armenian nation bids farewell to a revered figure who tirelessly endeavored to introduce them to the world" [15].

In composing the book *History of Armenia*, Archimandrite Hakobos drew inspiration from Movses Khorenatsi's (5th century) *History of Armenians* [16] and Mikayel Chamchian's (1738–1823) three-volume historical compilation [17], curating and presenting noteworthy events and incidents that he believed would captivate European readers. Issavertents's *History of Armenia* spans 390 pages and features 61 engravings crafted by Italian artists. The generosity of Indo-Armenian merchant Hovhan Harutyunyan of Batavia (Jean Arathoon De Batavia) (named after the Indian city of Batavia) made the publication of this extensive album possible. In the preface, Issavertents notes that Jean Aratun had requested him to curate and present "various significant events related to our beloved Armenia" [5. P. 1]. The engravings bear the signatures of three esteemed Italian artists: Giuliano Zasso (1833–1889), Giovanni Fusaro (1803–1894), and Giuseppe Canella the Younger (1837–1913). Following the finest traditions of European classical painting, these Italian artists, adeptly portrayed the real and mythical aspects of Armenian history. They skillfully depicted landscapes, architectural structures, urban and military scenes, palace interiors, period clothing, and armor, enriching the book with a visual narrative of Armenian history.

Beyond the creative imagination and artistic abilities, an engraver should also possess a deep understanding of the history and culture of the Armenian people. Issavertents, the author of the book, played a crucial role in disseminating this knowledge. During his studies at Moorat Raphael College in Venice, he not only refined his artistic skills but also collaborated with Italian artists, exchanging perspectives on Armenian culture [13. P. 419]. This collaboration aimed to ensure precise depictions of characters, atmospheres, settings, and nature in alignment with the text, enabling localization and historical context rooted in specific events.

Despite Issavertents's assertion in the preface that the texts in the book were not meant to provide a comprehensive history of Armenia but rather to elucidate the historically themed illustrations [5. P. 1], it is important

to note that the written texts extend beyond the thematic focus of each image, encompassing the entire historical period related to the depicted events.

The thematic scope of the book ranges from the beginning of Armenian history, narrating the battle between Hayk, the progenitor of Armenians, and Bel, the adversary [18. P. 206–209], to the conclusion with Davit Bek's uprising in Syunik during the 1720s [19. P. 176–180]. Nevertheless, the final illustration in the book refers to the events of 1269 in Cilician Armenia [20. P. 253–254], portraying King Hetum I mourning the death of his sons. The accounts of events in the succeeding centuries lack accompanying illustrations, possibly due to the artists' inability to complete the engravings on time, leaving the last eight themes without images.

It is noteworthy that Issavertents, as highlighted in the obituary in the *Bazmavep* journal, aimed to commission smaller-sized engravings of the book's illustrations from Italian artists for future incorporation into Armenian textbooks. Unfortunately, one of the Italian painters met a tragic end by drowning in the canal due to intoxication, preventing the completion of the project. Archimandrite Hakobos had hoped to fulfill this educational endeavor before his demise but was unable to bring it to fruition [13. P. 495].

The influence of Classicism and Romanticism on the book engravings

This voluminous tome (29 × 40 cm) features a sturdy cover, albeit unadorned on its exterior, enveloped in paper of various shades of brown. Within, the publication boasts pages crafted from milk-colored, thin, yet well crafted paper. The book comprises 390 pages and the textual content is elegantly presented in dual columns.

Diverging from the tradition of Armenian old-printed books, which often featured intricate vegetal, animal, or geometric motifs adorning the margins, Issavertents's tome exhibits a more restrained decorative approach.

Numerous pages feature delicate embellishments along the lower borders, depicting imagery such as Greek column capitals, birds, vases, butterflies among roses, various plants and flowers, swords, shields, helmets, and items related to geography and astronomy like globes, maps, compasses, and telescopes. The lyre is a common motif, often adorned with flowers or placed near military symbols, symbolizing the grandeur and glory of the ancient world. Such intricate engravings, characteristic of the Mekhitarist printing house, are frequently encountered in their other works, notably in the *Bazmavep* journal.

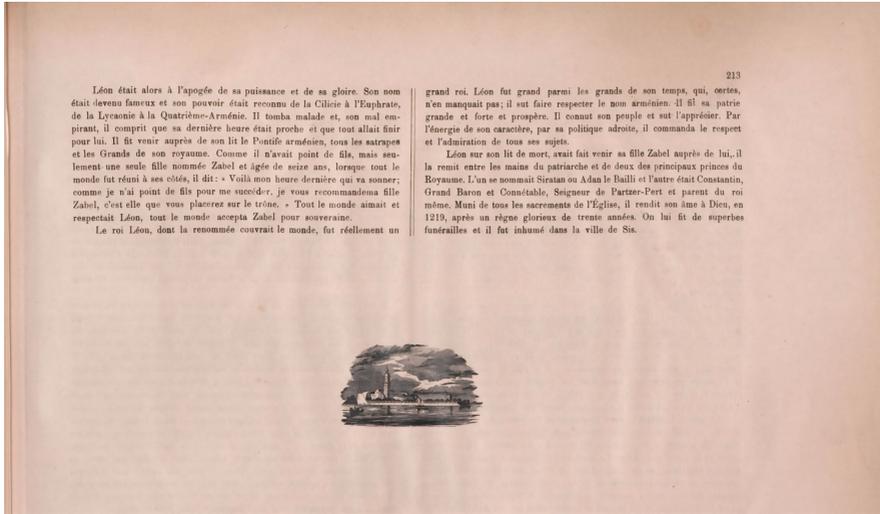

Fig. 1. Decorative element, p. 213

Some of these decorations go beyond mere ornamentation, creating lyrical scenes like a lone steamship navigating rough waves or cherubic angels playing trumpets. One small engraving seems to depict a panoramic view of Venice from St. Lazarus Island, featuring architectural landmarks such as the Venetian Tower, St. Mark's Cathedral, and Doge's Palace, with billowing sails adding a sense of movement to the artwork's intricate detail (Fig. 1).

The title page of the tome follows the classicist style prevalent at the time, featuring pristine background space adorned with a small engraving depicting military paraphernalia: helmets, shields, swords, and arrows. This tasteful ornamentation adds a touch of sophistication to the presentation of the book's information.

The initial letter of the preface commands attention with its grand scale and intricate floral motifs, evoking a sense of solemnity and reverence rarely replicated elsewhere in the book.

The overall artistic decoration of the publication is characterized by restraint and tastefulness rather than opulence. However, the engraved illustrations, executed in the classicist style, significantly elevate the book's decorative value. Additionally, elements of a romantic worldview are incorporated into the design, enriching the visual narrative of the publication. Mkhitar Sebastatsi, the pioneer of Armenian Classicist literature and founder of the Mekhitarist Congregation, established the basis for Armenian Classicism with his 1732 publication "Tagharan", marking the inception of this genre and

classicist direction [21. P. 46]. Sebastsi, a key figure in Mekhitarian poetry, facilitated the transition from medieval Armenian monastic poetry to European Classicist poetry [22. P. 144–157].

By the mid-19th century, a shift towards romanticism became prominent in Mekhitarian literature, stemming from Ghevond Alishan's journal *Bazmavep* from 1847–1858, especially the series *Songs of the Nahapet* (Patriarch) [22. P. 144–157]. Alishan's romantic works were created in harmony with Scottish poet James Macpherson, who, using the name Ossian, sparked the Ossian literary movement in Europe in the 1760s [23. P. 492–496]. Following this trend, Alishan published *Songs of Nahapet* under the name of Nahapet, an ancient Armenian poet from the 17th century. Similar to Macpherson's influence in Europe, Alishan's works infused Romanticism into various art forms, especially literature and fine arts [22. P. XVI].

The works and publications of the Mekhitarist Congregation skillfully integrated successive European styles, culminating in distinctive engravings within the examined book. Adopting the characteristic of Romanticism, the engravings portray scenes of wars, battles, and duels emphasizing the stark contrast between good and evil as two extremes. For instance, in the engraving depicting the battle between Armenian patriarch Hayk and Bel of Babylon (Fig. 2), Hayk stands heroically, fighting for freedom, while the tyrant Bel, struck by Hayk's arrow, falls with a disfigured face. The dynamic engravings, captured in the moment of motion, direct the viewer's focus to the main characters, creating a palpable sense of tension.

Adhering to Classicism's symmetrical balance principle, the composition utilizes intersecting diagonal lines to maintain a sense of motion. The careful detailing of women and men, as well as weapons, animals, and vegetation, in well-defined drawings, preserves the accurate anatomical proportions of human bodies. The engravings, restricted to black and white with light and shadow effects, ensure a three-dimensional visual effect. The facial expressions of Hayk and Bel convey intense emotionality, characterized by furrowed brows, resolute gazes, and expressive features that emphasize both romantic emotion and anger. The use of black and white intensifies the dramatic effect of the scene, highlighting the contrast between light and dark as representations of the dichotomy of good and evil.

In the book, various military scenes meticulously depict warriors, highlighting their well-defined and aesthetically pleasing physiques. Italian artists portray Armenian heroes in an idealized manner reminiscent of Greco-Roman mythological figures. The book intentionally omits the gruesome aspects of war, opting instead to focus on the triumphant outcomes (Figs. 3 and 4).

Fig. 2. *Battle of Hayk and Bel* by Giuliano Zasso

It is noteworthy that the portrayal of heroes in the Greco-Roman style correspond with a characteristic evident in European classicist literature. According to theorist Charlotte Denoël, the iconography of French classicist book art in the 19th century was significantly influenced by Greek culture [24. P. 2].

Considering the weight of Armenia's history, marked by intense and tragic occurrences, a distinct set of engravings in the book can be considered as mourning episodes. One poignant example is the portrayal of the funeral of Armenian King Artashes the First (Fig. 5). Moses Khorenatsi recounts that after the death of the beloved king, many people, overwhelmed by grief, resorted to suicide. Describing Artashes's funeral, Khorenatsi observes, "In front they blew bronze trumpets, behind came wailing maidens dressed in black and mourning women, and then followed the mass of the common people". [16. P. 199]. In the engraving, corresponding to these accounts, we witness the funeral procession departing from the palace, led by herald blowing trumpets. In the ancient world, trumpets served as a means of announcing

Fig. 3. *Gisak Dimaksean Defending King Artaxias I* by Giovanni Fusaro

important news [25. P. 85]. In Armenian medieval art, the representation of a flute or trumpet mainly symbolized the conveyance of good news, particularly prevalent in the Vaspurakan and Syunik miniature schools, especially in depictions of Annunciation and Nativity miniatures [26. P. 60].

Horses pull the carriage carrying the king's body, adorned with his shield, spear, arrow, and bow. In the corner of the image, grieving women are depicted with expressive and theatrical movements. The incorporation of mourning women in ceremonies was a ritual rooted in the ancient world, a tradition that can be traced back to Ancient Egypt [27. P. 157].

The final engraving in the book, represents Hetum the First's lamentation for his sons and offers a particularly distinctive portrayal (Fig. 6). The composition includes not only the grieving king but also courtiers, military personnel, and clergy. The artist skillfully communicates grief and compassion through various means: the despondent posture of the king seated on his throne with closed eyes, soldiers wiping away tears with their cloaks, figures embracing each other for solace, and black-robed clerics engaged in prayer.

The author of the previous engraving is Giuseppe Cannella the Younger. In contrast to Cannella's emotionally charged depiction, Fusaro's figures

Fig. 4. *Battle of Varazdat with the Lombards* by Giuliano Zasso

display greater restraint and a more static quality, devoid of the internal tension expressed in the former.

It is worth highlighting that the three engravers in charge of the book's illustrations have unique individual styles, yet they remain committed to the classicist style and narrative approach. Giuliano Zasso contributes the majority of the illustrations, characterized by a dynamic quality where animated figures often express intense emotions. Zasso's engravings convey an ethereal, dreamlike quality as dictated by the plot, as evident in his representation of pre-Christian Armenia with flying deities, dragons, and enigmatic priests [28].

Giovanni Fusaro's works, on the other hand, feature static and stable lines, as well as balanced and symmetrical compositions, and subdued emotional expression. In contrast, the etchings of Giuseppe Canella the Younger display balanced compositional structures, with figures vividly expressing emotions.

Particular emphasis should be placed on the depiction of female figures in the carvings, especially Armenian heroines who bear resemblances

Fig. 5. *Artashes I Funeral* by Giuseppe Canella the Younger

Fig. 6. *King Hethum I Mourning the Death of His Children* by Giuliano Zasso

Fig. 7. Armenian Princess Tigranuhi before Wedding with Ajdahak by Giuliano Zasso

to Greek goddesses in their graceful appearance, hairstyle, and spirit. While their slender bodies resemble Hellenistic sculptures, yet they are anything but lifeless, with their sentiments and emotions clearly portrayed.

For instance, the image of Armenian princess Tigranuhi en route to marry King Ajdahak of Media (Fig. 7) showcases Tigranuhi's discretion. Adorned in regal attire and lavish jewelry, it seems that she was sent as a gift to the king of Medes. The lowered gaze, gestures of the hand, and hesitant steps emphasize her submission to her brother's will.

The background elements, such as columns, arch patterns, and sculptures, provide immediate context for the palace environment of Media. Notably, Italian engravers present Armenians resembling European heroes and heroines, while other nations, such as the Medes, are depicted as Eastern peoples with distinct physical features.

The publications of the Mkhitarians in the second half of the 19th century adhere to the classicist direction, encompassing both literary text and the artistic decoration of the books. Notably, Ghevond Alishan's topographical volumes [29–33], published nearly simultaneously with Issavertents's *History of Armenia*, deserve special mention. The initial pages of these volumes feature engravings in the classicist style, though with a subtly symbolic interpretation. In these depictions, different historical Armenian regions personify

various resembling Greek muses, and either mourn or extol the glory of Armenia, often holding a lyre. These engravings serve as a condensed representation of Alishan's perspectives and historical accounts [34. P. 142].

In contrast to the engravings found in the current book, the illustrations on the frontispieces of Alishan's topographical volumes showcase a more symbolic representation. This difference arises from the influence of the artistic and compositional preferences of Father Alishan. Given that Issavertents's book sought to communicate the content through a visual language, the engravings in this work lean towards a more narrative style.

Conclusions

History of Armenia by Archimandrite Hakobos Issavertents stands out as one of the most pivotal foreign language editions from the Mekhitarist Congregation, serving as a channel to introduce the extensive Armenian history to Europe, spanning from ancient times to the contemporary era.

The engravings in this book skillfully traverse the artistic domains of Classicism and Romanticism, expertly blending precise composition and form with evocative emotional tones. Going beyond mere visual representations of historical events, these illustrations present the Armenian people as bearers of European aesthetic ideals and moral values.

In essence, the Italian artists depict significant episodes from Armenian history, intricately interwoven with key figures and events from both Ancient Eastern and Greco-Roman civilizations. This method imparts a global perspective to Armenian history, surpassing local confines and infusing it with the rich tapestry of world history. Through this meticulous blend of artistry and historical narrative, *History of Armenia* emerges as a significant cultural bridge, fostering a more profound comprehension and appreciation of Armenia's heritage on the global stage.

References

1. Mirzoyan, L. (2008) Motives for creating the Mkhitarist brotherhood and some issues of education. In: *Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application*. Vol. 55. Novosibirsk: NSTU. pp. 116–120. (In Russian).
2. Torosyan, H. (1901) *Life of Abbot Mekhitar of Sebaste*. Venice: San Lazzaro. (In Armenian).
3. Nikoghosyan, G. (2020) The activities of the Mekhitarist Congregation in Venice and their literary translations from French to Armenian (late 18th and early 19th centuries). In: Gutmeyr, D. & Kaser, K. (eds) *Europe and the Black Sea Region A History of Early Knowledge Exchange (1750–1850)*. Vol. 22. Zürich: Lit. pp. 255–271.

4. Hambardzumyan, V.H., Khudaverdyan, K.S. & Ayvazyan, H.M. (eds) (1990) *Armenian Brief Encyclopedia*. Vol. 1. Yerevan: Armenian Encyclopedia Publishing House. (In Armenian).
5. Issaverdens, J. (1888) *Histoire de l'Arménie*. Venice: Imprimerie de S. Lazare.
6. Anon. (1911) *Illustrated Episodes of History of Armenia*. Venice: San Lazzaro.
7. Gasparyan, H. & Devrikyan, V. (eds) (2007) *Pages of Armenian History in the Graphic Works of Italian Artists*. Yerevan: Tigran Mets. (In Armenian).
8. Issavertents, H. (1870–1871) *France and Prussia*. Vol. 1–3. Venice: San Lazzaro. (In Armenian).
9. Issavertents, H. (1872) The Fisherman of the Lake: Reflections from the Evening Hour. *Bazmavep*. 30(10). pp. 299–303. (In Armenian).
10. Issavertents, H. (1887) *Journey to Indian Bombay*. Venice: San Lazzaro. (In Armenian).
11. Issavertents, H. (1880) *Educational of English Language*. Vol. 1. Venice: San Lazzaro. (In Armenian).
12. Ayvazyan, H. (ed.) (2015) *Encyclopedia. Armenian Typography and Book Art*. Yerevan: Armenian Encyclopedia. (In Armenian).
13. Ter-Sahakian, K. (1902) Father Hakobos Issavertents. *Bazmavep*. 11. pp. 493–496. (In Armenian).
14. Father Hakobos Issavertents. (1902) *Mshak newspaper*. 16th November. Tiflis. (In Armenian).
15. Father Hakobos Issavertents. (1902). *Armenia newspaper*. 24th November. Marseille. (In Armenian).
16. Moses Khorenats'i. (2006) *History of the Armenians*. Translated by R.W. Thomson. Michigan: Caravan Books Ann Arbor.
17. Chamchian, M. (1884–1886) *History of the Armenians*. Venice. (In Armenian).
18. Harutyunyan, A.Zh. (2014) Historical memory and pagan deities in the works of Moses Khorenatsi. *History and Historical Memory*. 1. pp. 206–213. (In Russian).
19. Ayvazyan, A.M. (2016) Hand-held firearms of the Armenian army in the 1720s. (quantity, types, production and extraction). *Metamorphoses of History*. 8. pp. 176–200. (In Russian).
20. Malypev, A.B. (2016) Armenians in ethnocultural interactions on the territory of the Golden Horde. *Journal of Saratov University. New episode. Series History. International relationships*. 16(3). pp. 253–261. (In Russian).
21. Shtikyan, S. (1957) Several Features of Armenian Classicism. *Bulletin of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences*. 12. pp. 43–50. (In Armenian).
22. Devrikyan, V. (2017) The Unquenchable Light of Saint Lazarus Island. *VEM Pan-Armenian Journal*. 3. pp. I–XX. (In Armenian).
23. Macpherson, J. (1983) *Poems of Ossian*. Leningrad: Nauka. (In Russian).
24. Denoël, Ch. (2020) The beginnings of scholarship on early medieval book illumination (1700–1850): between classicism and ethnicity. *Journal of Art Historiography*. 22. pp. 1–26.
25. Hakobyan, H. (1989) *Miniature Painting of Artsakh and Utik*. Yerevan: Sovetskiy pisatel'. (In Armenian).
26. Gharibyan, N. & Yenokyan, A. (2017) *Sounding images. The musician and the instrument in Armenian miniatures. Sound and Silence. Articles and Catalogue*. Yerevan: Komitas Museum-Institute Publishing House. pp. 54–63. (In Armenian).

27. Riggs, Ch. (2013) Mourning women and decorum in ancient Egyptian art. In: Frood, E. & McDonald, A. (eds) *Decorum and Experience: Essays in Ancient Culture for Prof. John Baines*. Oxford: Griffith Institute. pp. 156–162.
28. Soghoyan, A.V. & Devrikyan, Sh.V. (2024) Pagan and Christian Interpretations of Dream-Visions in “History of Armenia” Published by Hakobos Issavertents in Religiovedenie [Study of Religion]. 3. pp. 110–119.
29. Alishan, Gh. (1855) *The Topography of the Great Armenia*. Venice: San Lazzaro. (In Armenian).
30. Alishan, Gh. (1881) *Shirak*. Venice: San Lazzaro. (In Armenian).
31. Alishan, Gh. (1885) *Sisvan*. Venice: San Lazzaro. (In Armenian).
32. Alishan, Gh. (1890) *Ayrarat*. Venice: San Lazzaro. (In Armenian).
33. Alishan, Gh. (1893) *Sisakan*. Venice: San Lazzaro. (In Armenian).
34. Devrikyan, Sh. (2020) The decoration of the frontispieces of Ghevond Alishan's Topographic Volumes. *Review of Armenian Studies*. 3(24). pp. 132–145.

Сведения об авторах:

Согоян Астхик Валериановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института литературы им. М. Абеяна Национальной академии наук Республики Армения, лектор Ереванского государственного университета (Ереван, Армения). E-mail: astghik.soghoyan1994@gmail.com

Деврикян Шогакат Вардановна – аспирант, младший научный сотрудник Института искусств Национальной академии наук Республики Армения, младший научный сотрудник научно-исследовательского института древних рукописей им. М. Маштоца «Матенадаран» (Ереван, Армения). E-mail: devrikyan@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Astghik Valerian Soghoyan, Cand. Sci. (Philology), research fellow, Institute of Literature after M. Abeghyan of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Republic of Armenia), lecturer, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: astghik.soghoyan1994@gmail.com

Shoghakat Vardan Devrikyan, postgraduate student, junior research fellow, Institute of Arts of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Republic of Armenia), junior research fellow, Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: devrikyan@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.12.2023;
одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 05.04.2024*

*The article was submitted 09.12.2023;
approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 05.04.2024*

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/38/7

«ВОЛШЕБНИК ПОЭЗИИ»: Н.Ф. СУМЦОВ В «ЮЖНОМ КРАЕ»

Елизавета Михайловна Захарова

*Институт мировой литературы имени М. Горького, Москва, Россия,
elizakharova2019@gmail.com*

Аннотация. История публикаций фольклориста, этнографа, историка литературы Николая Федоровича Сумцова – яркий пример взаимодействия научного и газетного дискурсов. Помимо работ по фольклору и этнографии им написано значительное число статей о творчестве русских, украинских и европейских писателей и деятелей искусства. Многие из этих текстов впервые появились на страницах газеты «Южный край». Предпринимается попытка найти ответ на вопрос о том, как складывалась судьба филолога 100 лет назад, в эпоху революций, гражданской и мировой войн. На материале публикаций в газете «Южный край» обобщаются сведения о творческом пути профессора Сумцова с 1900 по 1917 г.

Ключевые слова: Н.Ф. Сумцов, «Южный край», И. Северянин, литературоведение, газетный дискурс

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН при поддержке РНФ, проект № 20-18-00003-П «Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа».

Для цитирования: Захарова Е.М. «Волшебник поэзии»: Н.Ф. Сумцов в «Южном крае» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 149–157. doi: 10.17223/23062061/38/7

BOOK PUBLISHING

Original article

"THE WIZARD OF POETRY": NIKOLAI SUMTISOV IN THE YUZHNYI KRAY NEWSPAPER

Elizaveta M. Zakharova

*A.M. Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russian Federation,
elizakharova2019@gmail.com*

Abstract. The history of publications of Nikolai Fedorovich Sumtsov, a folklorist, ethnographer, literary historian, is a vivid example of the interaction of scientific and newspaper discourses. In addition to works on folklore and ethnography, he wrote a significant number of articles about the work of Russian, Ukrainian and European writers and artists. Many of these texts first appeared on the pages of the *Yuzhnyy Kray* newspaper. The First World War changed not only the newspaper's columns (news and reports on government actions came to the fore), but also the general tone of publications. Sumtsov produces texts at the intersection of history and sociology, political science and literary criticism. An attempt is being made to find the answer to the question of how the fate of the philologist unfolded 100 years ago, in the era of revolutions, civil and world wars. Based on publications in *Yuzhnyy Kray*, information about the creative path of Professor Sumtsov from 1900 to 1917 is summarized.

Keywords: Nikolai Sumtsov, "Yuzhnyy Kray", Igor Severyanin, literary criticism, newspaper discourse

Acknowledgments. This research was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00003-П, <https://rscf.ru/project/20-18-00003/>

For citation: Zakharova, E.M. (2025) "The wizard of poetry": Nikolai Sumtsov in the *Yuzhnyy Kray* newspaper. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 38. pp. 149–157. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/38/7

Научный дискурс в газете «Южный край»

«Сейчас светит Солнце. Как, верно, хорошо у тебя! Тебе шлют приветы Катя, Нюша, Елена. Я в тех же созвездиях – и в новых, неожиданных. Через месяц иду на Руст<авели>. Объеду 13–15 городов. Буду читать» [1], – пишет за месяц до своего приезда в Харьков К. Бальмонт в письме к М.А. Волошину. «Волшебник поэзии» [2. С. 6–7] – так озаглавит свой обзор в газете «Южный край» Николай Федорович Сумцов с анонсом лекции Бальмонта «Поэзия как волшебство». Профессор Сумцов еще не раз напишет о поэзии Серебряного века, однако эти тексты будут трансформироваться одновременно с изменениями социополитического характера. В настоящей статье предпринимается попытка найти ответ на вопрос о том, как складывалась судьба филолога 100 лет назад, в эпоху революций, гражданской и мировой войн. На материале публикаций в газете «Южный край» обобщаются сведения о творческом пути Сумцова с 1900 по 1917 г.

Согласно типологии научного знания Ю. Хабермаса, выделяются три группы наук по методам: «эмпирико-аналитические», «историко-герменевтические» и «систематические» (социальные) [3. С. 181]. На первый

взгляд, говорить о существовании научного дискурса на страницах периодических изданий не имеет смысла из-за малого объема (4–6 полос в среднем), скорости публикаций (ежедневные, утренние и вечерние, выпуски) и авторского состава (журналисты и корреспонденты, главной задачей которых является сбор и публикация актуальной новостной повестки). Однако тридцатидевятилетняя история (1880–1919 гг.) крупнейшей харьковской газеты «Южный край» позволяет проанализировать вопрос о существовании векторов научного познания в периодике под другим углом.

Основанная университетской профессурой газета (ее издатели-редакторы – А.А. Иозефович, А.Н. Стоянов, И.А. Воронежский) в первом номере провозглашала: «Существенная задача южнорусской печати в настоящее время состоит в сближении разнородных общественных элементов. Отыскать лучших людей края, сплотить их и направить на главные пункты научного и общественного труда – значит, поднять край в духовном и экономическом отношениях. Важно не одно обилие образованных людей, но и их единение и настойчивость в достижении определенных гражданских или научных целей. <...> Университет, земство и печать в крае призваны идти рука об руку, так как их цель одна: создание и воспитание личности <...>» [4. С. 1]. Но первый же год существования газеты из-за убыточности побудил издателей увеличить долю рекламы, а также расширить целевую аудиторию. Теперь главной опорой стали консерваторы в харьковской политической жизни, однако стремление «подать крестьянству руку помощи» и вывести его «из тьмы невежества» [4. С. 2] сохранялось на протяжении всей жизни «Южного края».

Яркий пример взаимодействия научного и газетного дискурсов – история публикаций фольклориста, этнографа, историка литературы профессора Сумцова (1854–1922). Его судьба структурно напоминает кольцевую композицию. Родившийся в Санкт-Петербурге будущий ученый, основавший Харьковский исторический музей и занявший должности ординарного профессора Харьковского университета, а также члена совета попечителя Харьковского учебного округа, через 50 лет вновь обрел связь с родным городом. В 1905 г. Сумцов стал членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Род Сумцова происходит из дворян казацкой старшины Сумского слободского казачьего полка. Его родители были мелкими землевладельцами, имели хутор в Боромле. Отец будущего профессора умирает еще до того, как Николай или Микола поступает в Харьковскую гимназию. И уже в первые годы обучения Сумцов делает первые записи народных песен Сло-

божанщины. Филологическая ученость и академизм, кабинетный образ жизни автора энциклопедических статей и яркая общественная позиция до самого конца будут жить в нем вместе с острой связью со всем народным.

Несмотря на то, что главным объектом исследования ученого была этнография, круг научных интересов Сумцова был довольно широк. Помимо работ по фольклору, он написал значительное число статей о творчестве русских, украинских и европейских писателей и деятелей искусства: В.А. Жуковском, А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, Н.А. Некрасове, Л.Н. Толстом, И. Котляревском, Г. Квитке-Основьяненко, Т. Шевченко, И. Франко, Э. Лабуле, Ж. Мишле, Леонардо да Винчи¹, М.М. Антокольском и др.

Многие из этих текстов впервые появились именно на страницах «Южного края». С газетой Сумцов сотрудничал с момента ее основания. В целом присутствие литературы в «Южном крае» точнее всего определить как мозаичное или разрозненное, так как здесь отсутствовала постоянная рубрика для художественной прозы, а публикации стихотворных произведений носили эпизодический характер. Еще более спорадическими были публикации научного или околонаучного характера. В качестве материалов, выполняющих одновременно две функции, информационную и историко-литературную, можно назвать юбилейные циклы. Сумцов в свою очередь как автор «Южного края» активно участвовал в написании материалов к чествованию памяти многих писателей. И важно отметить, что ритуальные, на первый взгляд, тексты никогда не ограничивались рамками заданного жанра.

Подтверждением может служить один из некрологов начала XX в. Эта статья Сумцова явственно даст понять, в чем проявляется литературоведческий дискурс газетного формата. В 1900 г., к 25-летию со дня кончины А.К. Толстого, в фельетонном отделе «Южного края» был опубликован материал под названием «О поэзии гр. Толстого». «Поэзия гр. Толстого дает много драгоценных указаний на психологию художника и открывает важные стороны поэтического творчества» [6. С. 2] – в зачине и далее размыкаются границы юбилейного жанра. Читателю предлагается филологический анализ как прозы, так и лирики Толстого. Текст, внешне выглядящий как обзор жизни и творчества, в действительности представляет анализ влияний и специфики поэтического ма-

¹ О полемических связях книги «Леонардо да Винчи. Иссл. проф. Н.Ф. Сумцова» см. ст. Е.А. Андрущенко «Рисунок Леонардо да Винчи и формирование писательской репутации Д. Мережковского» [5. С. 151–152].

стерства Толстого: «В жизни и творчестве гр. Толстого первое место заняла Великороссия в наиболее характерных ее выражениях – отзвуках московской старины и былевой поэзии; затем следует Запад, в виде переводов из Шенье, Гете, Байрона и оригинальной поэмы в терцинах “Дракон” в форме итальянского рассказа XII века» [6. С. 2]. Это не классический юбилейный текст, а попытка филологического анализа в ответе на вопрос о специфике поэзии Толстого. Сумцову принадлежат написанные в том же литературоведческом ключе тексты о И.С. Тургеневе [7. С. 2–3], В.А. Жуковском и А.С. Пушкине [8. С. 2–3], а также материалы об этнографии и этнологии [9. С. 2].

Через 14 лет после публикации о Толстом в Харькове приедет уже известный всей стране поэт К.Д. Бальмонт. И в качестве подготовки местной аудитории к его лекции «Поэзия как волшебство» Сумцов на страницах «Южного края» расскажет об «интересном лекторе» [2. С. 6]. Профессор не только проанализирует сборник Бальмонта «Звенья», но и наделит автора статусом «главного волшебника поэзии» [2. С. 7]. Однако уже второй абзац статьи демонстрирует, что приезд знаменитости был лишь информационным поводом. Форма стиха, творческая история текстов, отсылки к Гоголю, Кольцову, Никитину, Шевченко и другим авторам – вот то, что действительно интересует пишущего. Важно, что Сумцов не превращает статью в сухое наукообразное высказывание. Вероятно, само газетное пространство довлеет над ним и заставляет помнить о читателе. И в литературоведческом по существу высказывании появляются такие каламбурные эпизоды: «У Б. <Бальмонта> есть стихотворение под заглавием “Хмельное солнце”; видно, у нас так много хмельного, что даже солнце иногда хватает через край» [2. С. 7]. Интересно, что у текста о Бальмонте есть продолжение, написанное уже после прочитанной лекции. Вердикт Сумцова суров: «Два-три стихотворения Бальмонта, из лучших, в несколько минут чтения и размышления могут дать более, чем дала прочитанная на этих днях двухчасовая лекция» [2. С. 7].

Война в «Южном крае»

Социо-политический контекст 1914–1916 гг. на «до» и «после» разделил творчество не только писателей, но и ученых, критиков, литературоведов. Деятельность Сумцова не стала исключением. Первая мировая война изменила не только рубрику «Южного края» (на первый план выдвинулись новости и отчеты о действиях правительства), но и общий тон публикаций. Смена политических настроений повлияла на

функционирование литературного отдела. Усилился уклон в публицистику и военные сводки. Репортажное начало проникло в фельетоны о событиях на фронте. Художественные тексты насыщаются большим количеством деталей и за счет быстрой смены эпизодов приобретают динамику и живость изложения. На газетных полосах оказывается все больше текстов от очевидцев и участников войны. А в материалах собственных корреспондентов крупнейшей харьковской газеты сочетаются аналитика (почти каждый автор статей на военную тематику дает свой прогноз развития событий), риторика и призывы к читателю не терять веру в положительный исход.

Если до июля 1914 г. в «Южном крае» заметно преобладали материалы герменевтической направленности (фрагменты лекций о писателях, литературоведческие статьи об авторах-юбилярах, публикация отрывков книг о фольклоре, этнографии и других науках гуманитарного цикла), то в период Первой мировой войны главную роль начинают играть тексты, приближенные к социо-гуманитарным наукам. «Признаки педагогического оживления» [10. С. 4], «Еще о немцах» [11. С. 5], «Отзыв А.И. Герцена о немцах» [12. С. 5] – эти и другие многочисленные статьи схожего содержания, на стыке социального и гуманитарного знания, можно расценивать и как попытку осмыслить мировые исторические процессы, и как один из векторов научного познания в «Южном крае».

После вступления России в войну в газете стали появляться тексты, посвященные взаимосвязям с немецкой культурой. Характер фельетонов изменился также, что видно из заглавий: «Ужасы войны», «Возможен ли сейчас мир?», «Военные эскизы», «Панна Ядвига. Рассказ о днях текущих». Анализ литературного процесса все теснее связывается с военным контекстом [13. С. 4] и выходит за рамки литературы – в жизнь (см. названия статей: «Помощь писателей жертвам войны», «Литература и действительность», «Литература и жизнь»).

Судьба ученого и постоянного автора харьковской газеты профессора Сумцова демонстрирует пример того, как трансформируется творчество филолога в эпоху политических катаклизмов. В этот период у профессора появляются тексты на стыке истории и социологии. Кроме того, в сфере его интересов появляются темы, напрямую не связанные ни с литературой, ни с фольклором. Но важнее, что изменения претерпевает стиль филологического анализа. Сумцов еще более пристально начинает следить за процессами в современной литературе. Так, в 1915 г. под заглавием «На современные темы» профессор беспощадно выскажется о поэтическом сборнике Игоря Северянина «Victoria regia». Начиная с цитаты епископа Максимовича «много бывает бесполезных вещей»

[14. С. 5], Сумцов в этом же ключе выстраивает анализ поэз. Одна из главных претензий профессора к поэту – следующая поэтическая строчка: «война войной, но очи синие...» [14. С. 5]. Аполитичность писателей или их недостаточный патриотизм во время военных действий не раз будет вызывать гнев литературного критика Сумцова.

Публицистика, ее анализ и написание, начинают занимать значительную часть жанрового репертуара Сумцова. Так, в 1915 г. профессор обращается к высказываниям А.И. Герцена о немцах [12. С. 5]. Как пророчество воспринимает Сумцов слова публициста об опасности мировой гегемонии германского народа.

В годы войны профессор Сумцов занял твёрдую патриотическую позицию. Так, в ответ на про-вильгельмовскую декларацию драматурга Г. Гауптмана Н.Ф. Сумцов подал заявление в городскую театральную комиссию с предложением изъять из репертуара Харьковского драматического театра пьесы Гауптмана. В этот же период ученый становится гласным городской Харьковской думы. Причудливым образом со знаком минус сложится посмертная судьба профессора Сумцова, посвятившего жизнь изучению фольклора. В официальном заключении на книгу «Украинская культура» (под ред. К. Гуслистого, С. Маслова, М. Рыльского) от 18 августа 1947 года Николай Сумцов будет назван «буржуазным деятелем украинской культуры с националистическими, антинаучными взглядами» [15. С. 193].

Уже после войны, в 1920 г. Бальмонт из Москвы напишет Волошину: «Милый Макс, сегодня мне минуло 53 года, что похоже на сказку, <...>. Читал твои книги. Помню. Жду свидания. Я тот же» [1]. Бальмонта не станет в Париже в 1942 г. Жизнь Сумцова закончится на двадцать лет раньше, в Харькове 1922 г. Будучи одним из первых академиков новообразованной Академии наук Украины профессор последнюю книгу [16], как и первую, посвятит этнографическим исследованиям.

Список источников

1. Письма Константина Бальмонта к Максимилиану Волошину. URL: <http://balmont.lit-info.ru/balmont/publicistika/pisma/balmont-voloshin.htm> (дата обращения: 16.07.24).
2. Сумцов Н.Ф. Проф. Волшебник поэзии (К приезду в Харьков Бальмонта) // Южный Край. 1914. № 11936. 9 (22) марта. С. 6–7.
3. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова; под ред. О.В. Кильдюшова. М. : Праксис, 2007. 208 с.
4. Н.С. Одна из задач краевой печати // Южный край. 1880. № 1. 1 (13) декабря. С. 1–2.

5. Андрущенко Е.А. Рисунок Леонардо да Винчи и формирование писательской репутации Д. Мережковского // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 145–160.
6. Сумцов Н.Ф. Проф. О поэзии гр. А.К. Толстого // Южный край. 1900. № 6796. 28 сентября. С. 2.
7. Сумцов Н.Ф. Проф. Похороны И.С. Тургенева // Южный край. 1903. № 7828. 23 августа (5 сентября). С. 2–3.
8. Сумцов Н.Ф. Проф. В.А. Жуковский и А.С. Пушкин // Южный край. 1902. № 7344. 12 (25) апреля. С. 2–3.
9. Сумцов Н.Ф. Проф. Из этнографических экскурсий // Южный край. 1901. № 7194. 10 (23) ноября. С. 2.
10. Сумцов Н.Ф. Проф. Признаки педагогического оживления // Южный край. 1916. № 13442. Утр. вып. 24 (7 июля) июня. С. 4.
11. Сумцов Н.Ф. Проф. Еще о немцах // Южный Край. 1915. № 12486. 13 (26) января. С. 5.
12. Сумцов Н.Ф. Проф. Отзыв А.И. Герцена о немцах // Южный Край. 1915. № 12477. 7 (20) января. С. 5.
13. Б. п. Футуристы и война // Южный Край. 1914. № 12456. 24 декабря (6 января). С. 4.
14. Сумцов Н.Ф. Проф. На современные темы // Южный край. 1915. № 12729. Утр. вып. 28 мая (10 июня). С. 5.
15. Шаповал Ю. Украина XX века: Личности и события в контексте тяжелой истории. М. : Генеза, 2001. 560 с.
16. Сумцов Н.Ф. Слобожане: Исторически-этнографическая разведка. Харьков : Издательство «Союз», 1918. 240 с.

References

1. Balmont, K. (n.d.) *Pis'ma Konstantina Bal'monta k Maksimilianu Voloshinu* [Letters from Konstantin Balmont to Maximilian Voloshin]. [Online] Available from: <http://balmont.lit-info.ru/balmont/publicistika/pisma/balmont-voloshin.htm> (Accessed: 16th July 2024).
2. Sumtsov, N.F. (1914) *Volshebnik poezii. (K priedzu v Khar'kov Bal'monta)* [The Wizard of Poetry (On Balmont's Arrival in Kharkov)]. *Yuzhnyy kray*. 9th(22nd) March. pp. 6–7.
3. Habermas, J. (2007) *Tekhnika i nauka kak "ideologiya"* [Technology and Science as "Ideology"]. Translated from German by M.L. Khorkov. Moscow: Praktis.
4. N.S. (1880) *Odna iz zadach kraevoy pechati* [One of the Tasks of the Regional Press]. *Yuzhnyy kray*. 1st (13th) December. pp. 1–2.
5. Andrushchenko, E.A. (2021) *Risunok Leonardo da Vinchi i formirovanie pisatel'skoy reputatsii D. Merezhkovskogo* [Leonardo da Vinci's Drawing and the Formation of D. Merezhkovsky's Writer's Reputation]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 145–160.
6. Sumtsov, N.F. (1900) *O poezii gr. A.K. Tolstogo* [On Count A.K. Tolstoy's poetry]. *Yuzhnyy kray*. 28th September. p. 2.
7. Sumtsov, N.F. (1903) *Pokhorony I.S. Turgeneva* [The funeral of I.S. Turgenev]. *Yuzhnyy kray*. 23rd August. pp. 2–3.

8. Sumtsov, N.F. (1902) V.A. Zhukovskyy i A.S. Pushkin [V.A. Zhukovsky and A.S. Pushkin]. *Yuzhnyy kray*. 12th (25th) April. pp. 2–3.
9. Sumtsov, N.F. (1916) Iz etnograficheskikh ekskursiy [From ethnographic excursions]. *Yuzhnyy kray*. 10th (23rd) November. p. 2.
10. Sumtsov, N.F. (1901) Priznaki pedagogicheskogo ozhivleniya [Signs of pedagogical revival]. *Yuzhnyy kray*. 24th June (7th July). p. 4.
11. Sumtsov, N.F. (1915) Eshche o nemtsakh [More about the Germans]. *Yuzhnyy kray*. 13th (26th) January. p. 5.
12. Sumtsov, N.F. (1915) Otzyv A.I. Gertsena o nemtsakh [A.I. Herzen's Review of the Germans]. *Yuzhnyy kray*. 7th (20th) January. p. 5.
13. Anon. (1914) Futuristy i voyna [Futurists and war]. *Yuzhnyy kray*. 24th December (6th January). p. 4.
14. Sumtsov, N.F. (1915) Na sovremennye temy [On contemporary topics]. *Yuzhnyy kray*. 28th May (10th June). p. 3.
15. Shapoval, Yu. (2001) *Ukraina XX veka: Lichnosti i sobyitiya v kontekste tyazhyoloy istorii* [Ukraine of the 20th century: Personalities and events in the context of difficult history]. Moscow: Geneza.
16. Sumtsov, N.F. (1918) *Slobozhane: Istoricheski-etnograficheskaya razvedka* [Slobozhana: Historical and ethnographic exploration]. Kharkov: Soyuz.

Сведения об авторе:

Захарова Елизавета Михайловна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела русской литературы к. XIX – н. XX в. Института мировой литературы им. М. Горького (Москва, Россия). E-mail: Elizakharova2019@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elizaveta M. Zakharova, Cand. Sci. (Philology), research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: Elizakharova2019@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.07.2024;
одобрена после рецензирования 07.09.2024; принята к публикации 07.09.2024*

*The article was submitted 17.07.2024;
approved after reviewing 07.09.2024; accepted for publication 07.09.2024*

Научная статья
УДК 821
doi: 10.17223/23062061/38/8

ПОДХОДЫ К ИЗДАНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВОСТОКА ВО «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» А.М. ГОРЬКОГО

Яков Дмитриевич Чечнёв¹,
Марина Альбиновна Ариас-Вихиль²

^{1,2} *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской
академии наук, Москва, Россия*

¹ *ya.d.chechnev@yandex.ru*

² *arias-vikhil@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам издания художественных произведений Востока в проекте А.М. Горького «Всемирная литература». Анализируется работа Восточного отдела, принципы отбора текстов и переводческие методы. Рассмотрены ключевые проблемы: европоцентризм, недостаток переводов с оригиналов, поиск баланса между научностью и художественностью. Освещена роль востоковедов (С.Ф. Ольденбург, В.М. Алексеев, И.Ю. Крачковский) в создании научно-обоснованных изданий. На архивных материалах показаны дискуссии о переводческих принципах. Отмечены вклад проекта в развитие отечественного востоковедения и актуальность его опыта для современных исследований культурного трансфера.

Ключевые слова: «Всемирная литература», А.М. Горький, восточные литературы, переводческая практика, коллегиальность, научный перевод, культурный обмен

Благодарности. Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-78-10046 «Восточные литературы в издательских и культурно-просветительских проектах А.М. Горького 1920-х гг. (по рукописным источникам издательства «Всемирная литература», журнала «Восток» и «Секции исторических картин»)» <https://rscf.ru/project/24-78-10046/>

Для цитирования: Чечнёв Я.Д., Ариас-Вихиль М.А. Подходы к изданию художественных произведений Востока во «Всемирной литературе» А.М. Горького // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 158–175. doi: 10.17223/23062061/38/8

Original article

APPROACHES TO PUBLISHING LITERARY WORKS OF THE EAST IN MAXIM GORKY'S VSEMIRNAYA LITERATURA

Yakov D. Chechnev¹, Marina A. Arias-Vikhil²

^{1, 2} *A.M. Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russian Federation*

¹ *ya.d.chechnev@yandex.ru*

² *arias-vikhil@mail.ru*

Abstract. The article explores the approaches to publishing literary works of the East undertaken by the Vsemirnaya Literatura [World Literature] publishing house, founded by Maxim Gorky in 1918. Particular attention is paid to the activities of the Eastern Department—its structure, principles for selecting texts, and translation methodology. The authors analyze key challenges faced by the publishers, including Eurocentrism in the perception of Eastern literatures, the lack of systematic translations from original languages, and the urgent need to develop unified theoretical and practical principles for literary translation. The article emphasizes the collegial nature of the editorial work, which involved leading Orientalists such as S.F. Oldenburg, V.M. Alekseev, I.Yu. Krachkovsky, and others. Their efforts were aimed at producing academically rigorous yet accessible editions. Drawing on archival materials, the authors examine debates around the balance between scholarly accuracy and literary expressiveness, as well as attempts to establish a standardized translation methodology. Particular attention is paid to the publication of the "Eastern" Catalogue, which marked an important step in overcoming cultural isolation and broadening conceptions of the diversity of world literature. The selection of works was guided by their representativeness and cultural significance, with preference given to translations made directly from the original languages. This ensured the authenticity and reliability of the published texts. The article also considers methodological aspects of translation activity. The authors analyze Orientalists' proposals regarding translation principles, including the necessity of prefaces and commentaries to help readers better understand the cultural context of the works. The importance of collegial discussion of translations is highlighted, as it enabled compromise between scholarly precision and artistic expression. Despite the absence of a unified theoretical foundation, the efforts of the project's participants laid the groundwork for the development of a Russian school of translation. The experience of Vsemirnaya Literatura demonstrated the value of a comprehensive approach to translation that combines academic research with educational goals. This experience remains relevant for contemporary research in intercultural communication and translation studies. In conclusion, the authors note the publishing house's contribution to the development of Russian Oriental studies and emphasize that its work helped to expand the philological and cultural horizons of the Soviet reader.

Keywords: Vsemirnaya Literatura, World Literature, Oriental literature, translation practice, collegiality, scientific translation, cultural exchange

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-78-10046, <https://rscf.ru/project/24-78-10046/>

For citation: Chechnev, Ya.D. & Arias-Vikhil, M.A. (2025) Approaches to publishing artistic works of the East in Maxim Gorky's Vsemirnaya Literatura. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 38. pp. 158–175. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/38/8

«Всемирная литература» – первое советское специализированное издательство переводной художественной литературы. Организовано по инициативе А.М. Горького в Петрограде в сентябре 1918 г. Последнее заседание редакционной коллегии состоялось 13 января 1925 г. [1. С. 385–386]. С деятельностью проекта связаны творческие биографии известных литераторов (А.А. Блока, Н.С. Гумилева, Е.И. Замятина, К.И. Чуковского, Ф. Сологуба, М.Л. Лозинского, Г.Л. Лозинского, В.М. Жирмунского, Н.А. Котляревского, Н.О. Лернера, А.Л. Волинского, А.Я. Левинсона, Ф.Д. Батюшкова, Е.М. Браудо и многих других) и ученых (С.Ф. Ольденбурга, В.М. Алексеева, И.Ю. Крачковского, Н.Я. Марра, Н.И. Конрада, Ф.А. Розенберга, В.К. Шилейко, Е.Э. Бертельса, Ю.К. Щуцкого, Б.А. Васильева, С.Г. Елисеева и других). Краткая история издательства изложена И.А. Шомраковой [2].

Одним из важных структурных подразделений «Всемирной литературы» был Восточный отдел. О его организации С.Ф. Ольденбург писал: «Когда окончательно сорганизовался западный отдел “Всемирной литературы”, М. Горький обратился к петербургским востоковедам с предложением организовать в параллель Западному Восточный отдел. Востоковеды охотно откликнулись на это предложение, им хотелось попытаться ввести русского читателя в круг литератур Востока, которые до сих пор были ему почти чужды» [3. С. 106].

Благодаря дневнику арабиста И.Ю. Крачковского можно сказать, что предложение Горького поступило в конце 1918 – начале 1919 г., поскольку уже 10 января 1919 г. под председательством Ольденбурга прошло обсуждение серии переводов с восточных языков [4. С. 173]. Первое заседание новообразованного отдела состоялось 28 апреля 1919 г. [5. Ед. хр. 242]. К середине года востоковеды определились с кругом стран и народов, произведения которых планируется издавать. Так, в «Записке о деятельности издательства “Всемирная литература”» в Наркомпрос с приложением сметы на второе полугодие 1919 г. читаем:

«За последнее время рамки Издательства раздвинулись еще более. В программу включен новый цикл, обнимающий Литературы Востока в их совокупности.

<...>

В круг этого начинания включены литературы: Египетская, Вавилонская, Ассирийская, Финикийская, Древне-Еврейская, Грузинская, Армянская, Древняя, Средняя и Ново-Персидская, Сирийская, Коптская, Абиссинская, Арабская, Турецкая, Индийская, Индо-Китайская, Индонезийская, Тибетская, Китайская, Японская, Монгольская, Манджурская и Литература Палео-Азиатских племен Северо-Востока Сибири» [5. Ед. хр. 490].

Перечисленные литературы легли в основу будущего «восточного» Каталога [6]. В рамках издательской программы «Всемирной литературы» публикация этой книги представляла собой важный этап систематизации литературного наследия Востока. Как отмечал анонимный рецензент, «самый каталог, составленный на русском и французском языках и изданный очень роскошно¹, является единственным в России справочником подобного рода, очень полезным для учащихся и специалистов» [7. С. 4]. Ключевым достоинством издания стала его систематизированность: впервые в отечественной практике были собраны и классифицированы основные литературные памятники семнадцати регионов Востока. Такой подход отвечал академическому, научно-исследовательскому характеру самого отдела [8. С. 213], в редакционной коллегии которого собрались ведущие специалисты в своих областях, действующие и будущие академики: С.Ф. Ольденбург (председатель), В.М. Алексеев (секретарь), И.Ю. Крачковский, Б.Я. Владимирцов (секретарь с апреля 1920 г.). Как отметила А.А. Долинина, «перед восточниками задачи стояли сложнее, и почти каждый шаг переводчиков был шагом по целине» [4. С. 175].

В рамках издательской стратегии был реализован принцип селективности: для публикации отбирались наиболее репрезентативные произведения, отражающие специфику литературного наследия различных народов. Особое внимание уделялось фольклорным текстам, многие из которых впервые переводились на русский язык непосредственно с языков оригинала, включая произведения народов Севера России [8. С. 213]. В количественном отношении «восточный блок» переводных

¹ Фраза «очень роскошно» в условиях послереволюционной разрушенной полиграфической базы означала – в издательской орнаментированной шрифтовой обложке на мелованной бумаге.

изданий уступал «западному» [9]. Объяснялся перевес наличием переводческих сил и обширностью материала [6. С. 5]. Невысокое количество отобранных произведений компенсировалось высоким уровнем научной и переводческой работы. Подтверждением служат опубликованные впоследствии памятники арабской, китайской, персидской, японской, монгольской и других литератур, многие из которых вводились в читательский и научный оборот впервые (список книг см. на сайте электронного архива: <https://gorky-vostok.imli.ru/knigi>).

Во вступительной статье к «Восточному» Каталогу, авторство которой, согласно архивным данным [5. Ед. хр. 245. Л. 1], принадлежало председателю редакционной коллегии Восточного отдела, академику С.Ф. Ольденбургу, констатировался существенный дисбаланс в восприятии мировой литературы русскоязычным читателем: «Мировая литература для русского читателя представлялась почти исключительно как литература Запада; смутно иногда носились перед ним неопределенные образы Востока, и иногда лишь в круг его чтения попадали случайные переводы литературных восточных памятников, притом, по большей части как переводы не с восточных подлинников, а с западных переводов» [6. С. 5].

Ольденбург обозначил ряд ключевых проблем: европоцентризм в литературной рецепции (доминирование западноевропейского канона при маргинализации восточных литератур); фрагментарность восточных текстов в культурном сознании (отсутствие системного подхода к их переводу и публикации); вторичность переводов (опосредованное знакомство с восточной литературой через западные интерпретации, что могло приводить к утрате культурно-исторического контекста) и, как следствие, культурно-познавательная ограниченность читающей публики – недостаток доступа к оригинальным текстам сужал кругозор и упрощал восприятие предмета в целом («неопределенные образы Востока»).

Публикация «Восточного» Каталога ознаменовала важный этап в преодолении культурной изоляции и расширении филологического кругозора. Научная строгость отбора материалов, внимание к фольклору позволили создать уникальный для своего времени справочный ресурс, способствовавший формированию более объективного представления о многообразии мировой литературы.

В предисловии к Каталогу обозначена приоритетность переводов, выполненных непосредственно с языков оригинала, однако данный тезис выражен имплицитно и не сопровождался развернутой аргументацией. Как свидетельствует цитируемый фрагмент: «Русские востоковеды

охотно откликнулись на призыв передать понятную русскою речью замечательные и характерные произведения восточных писателей, над которыми они работали всю свою жизнь» [6. С. 5] – формулировка носила скорее декларативный характер, не раскрывая ни методологических основ перевода, ни конкретных критериев отбора текстов.

Анализ протоколов заседаний редакционной коллегии Восточного отдела позволяет утверждать, что принцип перевода с оригинала приобрел статус ключевого при формировании корпуса публикуемых произведений на основании заказанных и/или поступающих рукописей. Данный критерий последовательно применялся на всех этапах редакционной работы — от первичного отбора материалов до их окончательного утверждения к изданию, что свидетельствует о его нормативном закреплении в издательской практике:

«Постановлено отклонить (перевод «Шахнаме» И.А. Гриневской, выполненный при посредничестве неназванного перса. – Я.Ч., М.А.-В.) по принципиальным соображениям, *требующим непосредственных переводов с оригинала*, текст которого переводчик должен установить сам» [5. Ед. хр. 246. Л. 1 об.];

«Очень удачно схвачен общий тон Саади, позволяющий чувствовать в переводе оригинал» [5. Ед. хр. 265. Л. 1];

«...Коллегия постановляет (в связи с заявлением Н.С. Гумилева, недовольного переводом «Шахнаме» Фирдоуси, выполненным С. Соколовым. – Я.Ч., М.А.-В.), что ее задачи ей вполне ясны и что все нападки на переводы специалистов, *делаемые прямо с оригинала*, не могут быть предметом принципиального суждения, которое уже заявлено Издательству и им принято» [5. Ед. хр. 275. Л. 1]¹.

Отбором рукописей занималась редакционная коллегия, в недрах которой формировались подходы к выпуску художественных произведений Востока. До возникновения единой редакционной коллегии «Всемирной литературы» в конце 1920 г. работа велась в двух отделах – Западном и Восточном (см.: [8. С. 210]), структура которых включала как рядовых сотрудников, так и собственные редакционные коллегии экспертов. Внутри последних отдельные специалисты отвечали за конкретное направление, например, за издание немецкой, английской, арабской, индийской и т.п. литературы. В протоколах такие сотрудники фигурировали как заведующие отделами.

На первом заседании Восточного отдела 28 апреля 1919 г. секретарь синолог В.М. Алексеев обозначил главную задачу редакционных колле-

¹ Курсив в цитатах везде наш. – Я.Ч., М.А.-В.

гий экспертов – посредничество между издательством и отдельными специалистами:

«Коллегия явится, таким образом, посредником между Издательством, имевшим, как известно, до сих пор дело, главным образом, с западными литературами и отдельными сотрудниками-востоковедами, рекомендацию которых, привлечение к делу, объединение в деятельности и пр. может взять на себя только компетентная Коллегия. Всякое другое ведение дела <...> Алексеев считает анархическим, неуклонно идущим к случайному подбору сотрудников, личным вмешательствам и неудачным литературным выступлениям. В.М. Алексеев считает индивидуалистический принцип сотрудничества во «Всемирной Литературе» резко противоположным коллегиальному началу, стоящим вне возможности каких-либо компромиссов» [5. Ед. хр. 242. Л. 1 об.].

Алексеев рассматривал коллегиальность в качестве основного критерия слаженной и продуктивной работы. Противопоставляя данный принцип индивидуализму отдельного специалиста, он утверждал, что отказ от коллективного подхода неизбежно приводит к случайному подбору авторов, субъективному вмешательству в переводные тексты, неудовлетворительным публикациям и, как следствие, снижению общего качества изданий. Таким образом, уже на начальном этапе функционирования Восточного отдела был закреплен принцип коллективного руководства издательским процессом. Как показала практика, решения о публикации конкретных произведений принимались на заседаниях редакционной коллегии посредством обсуждений, зачастую завершавшихся достижением консенсуса. Яркой иллюстрацией данного подхода служит полемика между Н.С. Гумилевым и иранистом Ф.А. Розенбергом относительно перевода персидского эпоса «Шахнаме», выполненного востоковедом С.И. Соколовым. Гумилев критиковал стилистическую шероховатость текста, утверждал, что это снижает эстетическую достоверность перевода и отдаляет его от оригинала. В свою очередь, Розенберг акцентировал внимание оппонента на принципе научной точности и полноты, аргументируя, что, несмотря на отдельные недостатки, язык перевода поддавался редактуре, а главное – впервые адекватно передавал содержание оригинала (подробнее см.: [10, 11]). В результате коллегия пришла к компромиссу: материал Соколова взять в работу, а Гумилеву, предлагавшему дать свой поэтический перевод «Шахнаме», предоставить возможность вынести на рассмотрение этот труд [11. С. 59]. Таким образом, коллегиальное обсуждение позволяло находить баланс между художественной выразительностью и научной досто-

верностью, что способствовало повышению качества публикуемых материалов.

Ключевой стала проблема перевода с восточных языков. Одной из основных задач «Всемирной литературы» являлось формирование теоретической базы для переводческой деятельности. Как отмечалось в «Записке о деятельности “Всемирной литературы”», приложенной к смете на второе полугодие 1919 г. и направленной в Наркомпрос, на начальном этапе работы издательство столкнулось с существенными трудностями, связанными с отсутствием разработанных методик перевода и недостатком квалифицированных кадров: «Искусство перевода до наших дней оставалось в России промыслом кустарным, лишенным теоретических основ и традиций» [5. Ед. хр. 490. Л. 3].

Данное утверждение требует уточнения. Действительно, к моменту создания «Всемирной литературы» единая теория перевода отсутствовала, и переводчики руководствовались преимущественно индивидуальными представлениями, а также требованиями эпохи. В период классицизма (XVIII в.) ключевым критерием перевода считалась точность передачи смысла оригинала, тогда как стилистические особенности часто игнорировались. Как отмечал В.К. Третьяковский, «переводчик от творца только что именем рознится» [12. С. 9], что отражало убежденность в принципиальной тождественности оригинала и перевода. К середине XIX в. подходы изменились: в дворянских литературных кругах возобладали установка на максимально точную передачу как смыслового содержания, так и стилистики исходного текста. Однако параллельно с этим получил распространение так называемый «разночинный» перевод, отличавшийся низким качеством. Рост спроса на переводную литературу привел к увеличению объема публикаций, но уровень многих из них оставался крайне неудовлетворительным. А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» иронически упомянул «переводы одичалые», созданные «переводчиками голодными» [12. С. 122], что указывало на распространность ремесленного подхода к переводу. Большинство переводчиков этого периода работали в условиях жестких временных ограничений и финансовых трудностей, что негативно сказывалось на качестве их работы. Как отметил Ю.Д. Левин, «вынужденные братья за любого автора, который требовался издателю, эти переводчики далеко не всегда имели ясное представление о переводимом писателе и о действительности, им изображаемой» [12. С. 122]. Кроме того, значительная часть переводов выполнялась не с оригиналов, а с языков-посредников, французского или немецкого, что дополнительно искажало текст.

Вероятно, именно на подобные случаи «кустарного» перевода, лишённого теоретического обоснования и профессиональной подготовки, ссылались авторы «Записки о деятельности “Всемирной литературы”». Вместе с тем составители документа не учитывали альтернативные переводческие стратегии, получившие развитие во второй половине XIX – начале XX вв., такие как: «идеологические», «бережные» и «заместительные» переводы 1860-х гг.; «академические» переводы 1880-х гг., связанные с деятельностью А.Н. Веселовского; поэтические переводы эпохи символизма [13. Стлб. 521–526].

Издательство «Всемирная литература» рассматривало перевод как особый вид искусства, требующий системного освоения. В связи с этим актуальной задачей стала разработка теоретических основ переводческого мастерства. Первым шагом в этом направлении явилась публикация в 1919 г. брошюры «Принципы художественного перевода» [14] со статьями членов Западного отдела издательства – К.И. Чуковского («Переводы прозаические») и Н.С. Гумилева («Переводы стихотворные»). Современные исследователи оценивают данные работы критически, отмечая их методологическую разнородность и ограниченную применимость в практической переводческой деятельности [15, 16]. Второе издание сборника [17], вышедшее в 1920 г., было дополнено статьями Ф.Д. Батюшкова («Язык и стиль» и «Задачи художественных переводов»), в которых отражено «нормативное для университетской гуманитаристики понимание перевода как элемента филологического исследования» [16. С. 12].

Несмотря на распространённое восприятие двух изданий сборника как программных документов «Всемирной литературы», данная интерпретация не соответствует изначальному замыслу издательства. Согласно архивным материалам, брошюра задумывалась как открывающая дискуссии о переводе. Опубликованные материалы «лишь частично восполняли существовавший пробел. Выяснилось, что вопросы переводческой техники неразрывно связаны с проблемами литературного творчества, поэтики, стилистики, ритмики, метрики, истории литературы и лингвистики» [5. Ед. хр. 490. Л. 3]. Таким образом, издание обозначило проблему отсутствия единой теоретической базы перевода, а разнородность представленных в нем подходов подчеркнула необходимость разработки унифицированной концепции. «Всемирная литература» стала одной из первых советских институций, создавших условия для достижения значимых практических результатов в области перевода.

Следует отметить, что теоретическими вопросами перевода занимались не только Гумилев и Чуковский. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли М.Л. Лозинский, сформулировавший собственные принципы художественного перевода, и Е.И. Замятин [18].

Вопросы художественного перевода находились в сфере интересов не только сотрудников Западного отдела издательства, но и востоковедов. Брошюра «Принципы художественного перевода» была признана ими неудовлетворительной. Уже на втором заседании Восточного отдела (6 мая 1919 г.) тюрколог В.Д. Смирнов подверг резкой критике данную работу, охарактеризовав ее как «крайне несерьезную» и непригодную в качестве методической основы для обсуждения вопросов перевода [5. Ед. хр. 243. Л. 1]. Сходной позиции придерживался В.М. Алексеев, который, выражая «полное неодобрение» брошюры, тем не менее подчеркивал важность разработки систематизированных принципов перевода. Обращаясь к коллегам, он отмечал: «Нужно и нам дебютировать, а еще лучше и закончить серию особым трактатом о принципах перевода с восточных языков в виде коллективной брошюры или даже большой книги, тем более нередко кто из присутствующих над этим вопросом не думал и даже не трактовал его в своих книгах» [5. Ед. хр. 243. Л. 1 об.].

Из цитаты следует, что Алексеев с самого начала деятельности Восточного отдела стремился привлечь внимание коллег к необходимости теоретического осмысления переводческой практики.

Конструктивные предложения по данной проблеме выдвигал также И.Ю. Крачковский, чья деятельность в горьковском издательстве была детально реконструирована А.А. Долининой:

«Вопрос о принципах перевода, несомненно, очень волновал Крачковского. В его архиве помимо общих переводческих деклараций «Всемирной литературы» сохранилось много относящихся к этому времени листочков с выписками из различных авторов, так или иначе затрагивавших вопрос о переводе в применении к арабистике... <...> По этим карточкам видно, что главное для него — уловить диалектику сочетания передачи точного смысла и художественной формы переводимого произведения» [4. С. 179].

Несмотря на активную подготовительную работу, коллективный трактат о переводе восточных авторов так и не был создан. Тем не менее в протоколах издательства сохранились свидетельства обсуждений, связанных с этим проектом.

К решению проблемы перевода художественных текстов востоковеды «Всемирной литературы» подошли комплексно. На заседании Восточного отдела 6 мая 1919 г. обозначены несколько задач, требующих решения.

Первая – разнообразие принципов перевода. По мнению участников заседания, отсутствие единых стандартов обычно приводит к разному уровню переводов и создает ложное впечатление о произведении. «И.А. Орбели высказывается за желательность серьезного обсуждения принципов перевода в коллективе переводчиков, указывая на то, что неодинаковый уровень переводов у переводчиков и разнообразие принципов, положенных в основание переводов, создает ложное впечатление» [5. Ед. хр. 243. Л. 1].

Вторая – необходимость коллективного обсуждения: важно согласовывать принципы среди переводчиков для достижения единства стиля и подхода. «И.Ю. Крачковский думает, что есть целый ряд вопросов, по которым нужно столкнуться переводчикам, желающим достичь единства плана и стиля работы» [5. Ед. хр. 243. Л. 1].

Третья – роль предисловий и комментариев. Важен не только перевод, но и культурный контекст, когда произведение было создано; особенности языка, исторического развития региона. «В.Г. Богораз предлагает обратить особое внимание на введение и предисловие к переводу, в которых нужно разъяснить дух языка, обстановку города, его культуру, литературу и пр. и, таким образом, облегчит и перевод, и его понимание. Без этого введения красота оригинала может показаться в переводе уродством» [5. Ед. хр. 243. Л. 1].

Четвертая – стихотворные переложения, за которыми скрыта проблема адаптации научных переводов, их преобразования в поэтическую форму, в процессе которого содержится риск искажения оригинала. Для решения этой задачи В.М. Алексеев предложил привлечь к участию поэтов-сотрудников горьковского издательства: «В.М. Алексеев докладывает собранию о серьезном интересе к данному вопросу, проявляемом издательством “Всемирная Литература”, которое предлагает, например, сотрудничество с собой студии поэтов-переводчиков для переложения ученых переводов в поэтические формы русской речи, причем сами переводчики могут даже остаться анонимами, скрываясь под общей эгидой издательства. Переводчики-стихотворцы просили об этой их готовности довести до сведения востоковедов, сотрудников “Всемирной Литературы” [5. Ед. хр. 243. Л. 1 об.].

Предложение вызвало возражения со стороны В.В. Бартольда и В.Г. Богораз: «Опыт стихотворного переложения его (В.В. Бартольда. –

Я.Ч., М.А.-В.) перевода Коркуда небезызвестным Величко дал вполне отрицательные результаты¹. Таким образом, единственно, что можно высказать – это пожелание, чтобы и обсуждение данного перевода, и его переложение в стихи были признаны только факультативными» [5. Ед. хр. 243. Л. 1 об.]; «В.Г. Богораз высказывается против переложений оригинала, считая это опасным путем (примеры Hiawatha, Longfellow²)» [5. Ед. хр. 243. Л. 1 об.]. По мнению тюрколога В.Д. Смирнова, вмешательство неспециалистов в работу с текстом перевода несло опасность потери индивидуального стиля переводчика из-за неквалифицированного редактирования: «В.Д. Смирнов высказывается против вмешательства неспециалистов и посягательства на индивидуальный стиль перевода» [5. Ед. хр. 243. Л. 1–1 об.]. Несмотря на протесты, переводы отдавались на просмотр так называемой «поэтической коллегии», куда входили Н.С. Гумилев и А.А. Блок; после их смерти редактурой занимался М.Л. Лозинский. Протокол от 26 сентября 1919 г.: «С.Ф. Ольденбургу перевод («Шахнаме», выполненный С.И. Соколовым. – Я.Ч., М.А.-В.) кажется местами тривиальным. Поручено просить С.Ф. Ольденбурга еще раз посмотреть перевод и затем передать его на рассмотрение поэтической коллегии, сообщив ей предварительно отзыв Ф.А. Розенберга» [5. Ед. хр. 263. Л. 1]. Протокол от 29 декабря 1920 г.: «...постановлено: все стихотворные переводы Восточного Отдела передавать на просмотр поэтической коллегии по окончании перевода всего произведения, или части, позволяющей все-таки судить о целом» [5. Ед. хр. 306. Л. 1].

Пятая задача – разобраться с техническими аспектами перевода: оформление (сноски, примечания, скобки), допустимость двойных переводов, которые бы показывали различия между основной и народной сериями «Всемирной литературы» [8. С. 219–222]. «В.М. Алексеев указывает на ряд конкретных вопросов, связанных с переводом, как например, о допустимости двойных переводов, о переводах для основной и народной серий, о переводах, прерванных скобками, цифрами-сносками, примечаниями и т.д.» [5. Ед. хр. 243. Л. 1 об.].

Рассуждая о переводе, В.М. Алексеев в первую очередь имел в виду собственную исследовательскую и преподавательскую практику. Пере-

¹ Вероятно, подразумевалось переложение В.Л. Величко одной из песен тюркского героического эпоса «Китаби деде Коркуд» («Книга моего деда Коркута») для литературного приложения журнала «Нива». См.: [19].

² «Песнь о Гайавате» (англ. The Song of Hiawatha) – эпическая поэма Генри Уодсворта Лонгфелло, основанная на легендах индейцев народа оджибве. Впервые издана в США в ноябре 1855 г.

водческие подходы и отчасти приоритеты в выборе произведений сложились у ученого в дореволюционные годы и нашли отражение как в его магистерском сочинении «Стансы Сыкун Ту» [20], так и курсовой работе его студента Н.А. Невского. Он получил задание: «Дать двойной перевод (дословный и парафраз) пятнадцати стихотворений поэта Ли Бо, проследить в них картинность в описаниях природы, сравнить по мере надобности с другими поэтами и дать основательный разбор нескольких иностранных переводов» [21. С. 437]. Летом 1919 г. в организованной Алексеем Студии китайской поэзии при издательстве «Всемирная литература» (подробнее см.: [22]) ученый усовершенствует свой метод: «Эти стихи, двустушия и четверостишия (поэтов VIII в. – Я.Ч., М.А.-В.) я представлял аудитории в тройном переводе: объяснительном, потом и литературном, присоединяя сюда еще ритмические переложения, без рифмы, но в двух различных размерах» [5. Ед. хр. 256. Приложение]. Такой же метод перевода (перевод, парафраз, объяснение) Алексеев использовал при работе с новеллами писателя XVII в. Пу Сунлина [23]. Скобками и цифрами-сносками ученый сопровождал перевод и анализ сочинений Сыкун Ту в названной магистерской диссертации.

Критерии отбора переводов для основной и народной книжных серий «Всемирной литературы» разрабатывались коллегиально. Они не имели строго формализованного характера и основывались на совокупности объективных (происхождение материала) и субъективных (потенциальная востребованность среди различных читательских аудиторий) факторов. При этом учитывалось сочетание творческой свободы с профессиональной интуицией членов редакционной коллегии. Данный подход отражен, в частности, в протоколе заседания Восточного отдела от 15 мая 1919 г.: «Высказываясь по этому поводу, присутствующие находят, что, с одной стороны, надо бы предоставить переводчикам в этом отношении полную свободу определять стиль и серию для своего перевода; с другой же стороны, не лишне было бы прийти к некоторому общему, принципиальному на этот предмет соглашению. Так, можно выставить принципом сам характер материала, определяющий его пригодность или непригодность к народной серии, как например, басни и все, что выходит из народа – и, следовательно, подлежит, как бы, возвращению в народ. Кроме происхождения материала, принципом его определения в серию может быть признак занимательности для образованных слоев общества и для народных масс. Далее указывается на трудность принципиального отбора и желательность замены единообразного принципа развитым чутьем руководителей Издательства, причем ничто не помешает одному

и тому же произведению в совершенно разных стилях, для него принятых, попасть в обе серии» [5. Ед. хр. 245. Л. 1–1 об.].

Шестая задача, которую ставили перед собой востоковеды «Всемирной литературы» – модернизация языка, степень допустимости обновления терминов и стиля.

Н.Г. Адонц даст конкретный пример необходимости коллегиального обсуждения, предваряющего самые переводы, а именно степень допустимости модернизации терминов и даже общего стиля переводов. По-видимому, можно выработать в этом направлении некоторые даже обязательные нормы. <...> В.Г. Богораз не возражает против модернизации в руках ученого и искусного переводчика [5. Ед. хр. 243. Л. 1 об.].

Для решения поставленных задач С.Ф. Ольденбург предложил единственно действенный, по его мнению, метод коллегиальной критики, состоящий из двух подходов: анализа готовых переводов и обсуждения теоретических докладов о принципах перевода [5. Ед. хр. 243. Л. 1].

Деятельность Восточного отдела издательства «Всемирная литература» стала значимым этапом в систематизации и популяризации художественных произведений Востока в ранней советской России. В ходе практической деятельности ключевыми подходами к выпуску литературы стали: научно обоснованный отбор текстов, основанный на принципе перевода непосредственно с языков оригинала, что обеспечило аутентичность и культурную достоверность публикуемых произведений; коллегиальный подход к редакционной работе, позволивший сочетать академическую строгость с художественной выразительностью, а также минимизировать субъективные искажения; разработка методологических основ перевода, включая дискуссии о необходимости предисловий, комментариев с освещением культурного контекста, что способствовало углубленному пониманию восточных текстов сотрудниками горьковского издательства и наукоемкой презентации их читателям.

Несмотря на отсутствие единой теоретической базы перевода восточных произведений, усилия востоковедов (С.Ф. Ольденбурга, В.М. Алексеева, И.Ю. Крачковского и др.) заложили фундамент для последующего развития отечественной переводческой школы. Публикация «Восточного» Каталога, серийных изданий и книг преодолела европоцентризм в литературной рецепции, расширив филологический и культурный кругозор советского читателя.

Однако оставались нерешенные проблемы, такие, например, как противоречия между научной точностью и художественной адаптацией. Тем не менее, опыт «Всемирной литературы» продемонстрировал важность комплексного подхода к переводу, сочетающего академические

исследования с просветительскими задачами. Он и сегодня сохраняет актуальность для современных исследований в области межкультурной коммуникации и переводоведения.

Список источников

1. Иванова Е.В., Чечнёв Я.Д. Как и почему было закрыто издательство «Всемирная литература» (по материалам из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН) // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 2. С. 366–391.
2. Шомракова И.А. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: Исследования и материалы. М. : Книга, 1967. Сб. 14. С. 175–193.
3. С.О. [Ольденбург С.Ф.]. Восточная коллегия «Всемирной Литературы» // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 1. Петербург : Всемирная литература, 1922. С. 106–107.
4. Долинина А.А. Невольник долга: биография И.Ю. Крачковского. Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 459 с.
5. Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. Ф. А.Н. Тихонова. Оп. 2.
6. Литература Востока : Каталог издательства «Всемирная литература» при Нарком по просвещению. Петербург, 1919. 54 с.
7. Жизнь искусства. 1919. № 324. 23 декабря.
8. История книги в СССР, 1917–1921: В 3 т. / гл. ред. М.П. Ким. Т. 1. М., 1983. 240 с.
9. Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению / вступит. статья М. Горького. Петербург, 1919. 170 с.
10. Чечнёв Я.Д. К истории издания персидских авторов во «Всемирной литературе»: «Шахнаме» Фирдоуси (по архивным материалам). Часть 1 // *Новый филологический вестник*. 2022. № 2 (61). С. 310–319.
11. Чечнёв Я.Д. Как хотели издать «Шахнаме» Фирдоуси во «Всемирной литературе». Приложение. Полемика между Н.С. Гумилевым и Ф.А. Розенбергом вокруг перевода «Шахнаме» С.И. Соколова // *Русская литература*. 2023. № 1. С. 56–64.
12. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Ленинград : Наука, 1985. 299 с.
13. Литературная энциклопедия. Т. 8 / Коммунистическая академия, Секция литературы, искусства и языка; отв. ред. В.М. Фриче. М. : Изд-во Коммунист. акад., 1934. 736 стлб.
14. Принципы художественного перевода / Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева. Петербург : Всемирная литература, 1919. 30 с.
15. Волчек О.Е. К истории книги «Принципы художественного перевода» // Романский коллегийум : междисциплинарный сборник научных трудов / под ред. С.Л. Фокина. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. С. 133–143.
16. Баскина (Маликова) М.Э. Филологически точный перевод 1920–1930-х годов: люди и институции // *Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов* / сост. М.Э. Баскина; отв. ред. М.Э. Баскина, В.В. Филичева. СПб. : Нестор-История, 2021. С. 5–80.

17. Принципы художественного перевода / Статьи Ф.Д. Батюшкова, Н. Гумилева, К. Чуковского. 2-е изд., доп. Петербург : Государственное издательство, 1920. 59 с.
18. Ариас-Вихиль М.А., Любимова М.Ю. М.Л. Лозинский и Е.И. Замятин о принципах художественного перевода на рубеже 1910–1920-х годов. Приложение. Заметки Ф.Д. Батюшкова и Е.И. Замятина о переводе // Русская литература. 2023. № 1. С. 65–75.
19. Величко В.Л. Песнь об удалом Домруле. Тюркская легенда из эпопеи «Китаби-Коркуд», с предисловием В.В. Бартольда // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» на 1897 г. за январь, февраль, март и апрель. СПб. : Издание А.Ф. Маркса, 1897. Стб. 723–746.
20. Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте: Стансы Сыкун Ту (837–908) / Пер. и исследование (с приложением китайских текстов). Петроград : Имп. Акад. наук, 1916.
21. Меньшиков Л.Н. Ранняя китаеведческая работа Н.А. Невского // Петербургское востоковедение. Санкт-Петербург, 1996. Вып. 8. С. 434–485.
22. Чечнёв Я.Д., Ульянов М.Ю. Студия китайской поэзии издательства «Всемирная литература»: В.М. Алексеев и Н.С. Гумилев // Русская литература. 2025. № 3 (в печати).
23. Рифтин Б.Л. Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжая) в переводах академика В.М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. М. : Вост. лит., 2008. С. 113–203.

References

1. Ivanova, E.V. & Chechnev, Ya.D. (2022) *Kak i pochemu bylo zakryto izdatel'stvo "Vsemirnaya literatura" (po materialam iz Arkhiva A.M. Gor'kogo IMLI RAN)* [How and Why the Publishing House "Vsemirnaya Literatura" Was Closed (Based on Materials from the A.M. Gorky Archive at IMLI RAS)]. *Studia Litterarum*. 7(2). pp. 366–391.
2. Shomrakova, I.A. (1967) *Knigoizdatel'stvo "Vsemirnaya literatura" (1918–1924)* [The Publishing House "Vsemirnaya Literatura" (1918–1924)]. In: *Kniga: Issledovaniya i materialy* [Book: Research and Materials]. Vol. 14. Moscow: Kniga. pp. 175–193.
3. S.O. [Oldenberg, S.F.]. (1922) *Vostochnaya kollegiya "Vsemirnoy Literatury"* [The Eastern Collegium of "Vsemirnaya Literatura"]. In: *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva* [Vostok. Journal of Literature, Science and Art]. Vol. 1. Petrograd: Vsemirnaya literatura. pp. 106–107.
4. Dolinina, A.A. (1994) *Nevol'nik dolga: biografiya I.Yu. Krachkovskogo* [A Slave to Duty: A Biography of I.Yu. Krachkovsky]. St. Petersburg: Petersburgskoe vostoковедение.
5. The A.M. Gorky Archive at IMLI RAS. Fund A.N. Tikhonov. List 2.
6. Lozinskiy, G.L. (ed.) (1919) *Literatura Vostoka: katalog izd-va Vsemirnaya literatura pri Narkom po prosveshcheniyu* [Literature of the East: Catalog of the Publishing House "Vsemirnaya Literatura" under the People's Commissariat for Education]. Petrograd: [s.n.].
7. *Zhizn' iskusstva*. (1919). 23rd December.

8. Kim, M.P. (ed.) (1983) *Istoriya knigi v SSSR, 1917–1921: V 3 t.* [History of the Book in the USSR, 1917–1921: In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Kniga.
9. Vsemirnaya literatura. (1919) *Katalog izdatel'stva "Vsemirnaya literatura" pri Narodnom komissariate po prosveshcheniyu* [Catalog of the Publishing House "Vsemirnaya Literatura" under the People's Commissariat for Education]. Petersburg: [s.n.].
10. Chechnev, Ya.D. (2022) K istorii izdaniya persidskikh avtorov vo "Vsemirnoy literature": "Shakhname" Ferdousi (po arkhivnym materialam) [On the History of Publishing Persian Authors in "Vsemirnaya Literatura": Ferdowsi's "Shahnameh" (Based on Archival Materials)]. Part 1. *Novyy filologicheskyy vestnik*. 2(61). pp. 310–319.
11. Chechnev, Ya.D. (2023) Kak khoteli izdat' "Shakhname" Ferdousi vo "Vsemirnoy literature." Prilozhenie. Polemika mezhdru N.S. Gumilevym i F.A. Rozenbergom vokrug perevoda "Shakhname" S.I. Sokolova [How Ferdowsi's "Shahnameh" was intended to be published in "Vsemirnaya Literatura." Appendix: The polemic between N.S. Gumilyov and F.A. Rozenberg regarding S.I. Sokolov's translation of "Shahnameh"]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 56–64.
12. Levin, Yu.D. (1985) *Russkie perevodchiki XIX v. i razvitie khudozhestvennogo perevoda* [Russian Translators of the 19th Century and the Development of Literary Translation]. Leningrad: Nauka.
13. Friche, V.M. (ed.) (1934) *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary Encyclopedia]. Vol. 8. Moscow: Izd-vo Kommunist. akad.
14. Chukovskiy, K.I. & Gumilev, N. (1919) *Printsipy khudozhestvennogo perevoda* [Principles of Literary Translation]. Petersburg: Vsemirnaya literatura.
15. Volchek, O.E. (2015) K istorii knigi "Printsipy khudozhestvennogo perevoda" [On the history of the book "Principles of Literary Translation"]. In: Fokin, S.L. (ed.) *Romanskiy kollegium* [The Romanov Collegium]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. pp. 133–143.
16. Baskina (Malikova), M.E. (2021) Filologicheski tochnyy perevod 1920–1930-kh godov: lyudi i institutsii [Philologically Accurate Translation in the 1920s–1930s: People and Institutions]. In: Baskina, M.E. & Filicheva, V.V. (eds) *Khudozhestvenno-filologicheskyy perevod 1920–1930-kh godov* [Literary and Philological Translation in the 1920s–1930s]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 5–80.
17. Batyushkov, F.D., Gumilev, N. & Chukovskiy, K. (1920) *Printsipy khudozhestvennogo perevoda* [Principles of Literary Translation]. 2nd ed. Petersburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
18. Arias-Vikhil, M.A. & Lyubimova M.Yu. (2023) M.L. Lozinskiy i E.I. Zamyatin o printsipakh khudozhestvennogo perevoda na rubezhe 1910–1920-kh godov. Prilozhenie. Zametki F.D. Batyushkova i E.I. Zamyatina o perevode [M.L. Lozinsky and E.I. Zamyatin on the Principles of Literary Translation at the Turn of the 1920s. Appendix: Notes by F.D. Batyushkov and E.I. Zamyatin on Translation]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 65–75.
19. Velichko, V.L. (1987) Pesn' ob udalom Domrule. Tyurkskaya legenda iz epopei "Kitabi-Korkud", s predisloviem V.V. Bartol'da [The Song of the Brave Domrul: A Turkic Legend from the Epic "Kitabi-Korkut", with a preface by V.V. Bartold]. In: *Ezhe-mesyachnye literaturnye prilozheniya k zhurnalu "Niva" na 1897 g. za yanvar', fevral', mart i aprel'* [Monthly Literary Supplements to the Journal "Niva" for 1897 (January, February, March, and April)]. St. Petersburg: A.F. Marks. Colmn. 723–746.

20. Alekseev, V.M. (1916) Kitayskaya poema o poete: Stansy Sykun Tu (837–908) [A Chinese Poem About a Poet: Stanzas by Sikong Tu (837–908)]. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.
21. Menshikov, L.N. (1996) Rannyya kitaevvedcheskaya rabota N.A. Nevskogo [An Early Sinological Work by N.A. Nevsky]. *Peterburgskoe vostokovedenie*. 8. pp. 434–485.
22. Chechnev, Ya.D. & Ulyanov, M.Yu. (2025) Studiya kitayskoy poezii izdatel'stva "Vsemirnaya literatura": V.M. Alekseev i N.S. Gumilev [The Studio of Chinese Poetry at the Publishing House "Vsemirnaya Literatura": V.M. Alekseev and N.S. Gumilev]. *Russkaya literatura*. 3 (in print).
23. Riftin, B.L. (2008) Novelty Pu Sun-lina (Liao Chzhaya) v perevodakh akademika V.M. Alekseeva [Pu Songling's (Liao Zhai) Short Stories in the Translations of Academician V.M. Alekseev]. In: *Vostochnaya klassika v russkikh perevodakh: obzory, analiz, kritika* [Eastern Classics in Russian Translations: Reviews, Analysis, Criticism]. Moscow: Vost. lit. pp. 113–203.

Сведения об авторах:

Яков Дмитриевич Чечнёв – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела изучения и издания творчества А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).
E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Марина Альбиновна Ариас-Вихиль – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник архива А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).
E-mail: marina.arias@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yakov D. Chechnev, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).
E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Marina A. Arias-Vikhil, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina.arias@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.06.2025;
одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 13.06.2025*

*The article was submitted 10.06.2025;
approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication 13.06.2025*

Научная статья
УДК 070.4
doi: 10.17223/23062061/38/9

С.И. ГЕССЕН В РАБОТЕ НАД КНИГОЙ О СОВЕТСКОЙ ШКОЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ Н.А. ГАНЦУ)

Вера Петровна Киржаева¹, Олег Олегович Осовский²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия*

¹ *kirzhaeva_vera@mail.ru*

² *ofs.oos@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен малоизвестный эпизод научной биографии выдающегося русского философа и педагога С.И. Гессена (1887–1950) – история создания книги С.И. Гессена и Н.А. Ганца «Educational Policy in Soviet Russia» (1930) и ее немецкого варианта (1933). На основе сохранившихся в архиве близкого друга С.И. Гессена педагога-компаративиста Н.А. Ганца писем 1929–1934 гг. реконструирован ход работы над рукописью, определен вклад в книгу каждого из соавторов, прослежено изменение замысла и расширение содержания монографии в ходе работы над немецким изданием, восстановлены детали взаимоотношений соавторов и издательств, социально-политический и историко-культурный контексты описываемых событий. Впервые вводятся в научный оборот материалы отечественных и зарубежных архивов.

Ключевые слова: С.И. Гессен, Н.А. Ганц, «Educational Policy in Soviet Russia», интеллектуальная история российского зарубежья, российско-европейский научный диалог, архив, эпистолярный

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в Мордовском государственном университете, проект № 24-28-00134.

Для цитирования: Киржаева В.П., Осовский О.О. С.И. Гессен в работе над книгой о советской школьной политике (по материалам писем Н.А. Ганцу) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 176–197. doi: 10.17223/23062061/38/9

Original article

SERGEI GESSEN AT WORK ON THE BOOK ON SOVIET EDUCATIONAL POLICY (BASED ON LETTERS TO NIKOLAI HANS)

Vera P. Kirzhaeva¹, Oleg O. Osovsky²

^{1, 2} *National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation*

¹ *kirzhaeva_vera@mail.ru*

² *ofs.oos@gmail.com*

Abstract. The article presents a little-known episode from the biography of Sergei Gessen (Sergius Hessen), an outstanding Russian philosopher and pedagogue, – the history of the creation of *Educational Policy in Soviet Russia* (1930) by Sergei Gessen and Nikolai Hans, and its German version (1933). In 1929 in London during his trip to England Gessen met Hans, a well-known historian of education and leading figure in Russian émigré public life. On the basis of Gessen's letters from Hans' archive at the Institute of Education (University College of London), the authors reconstruct the course of work on the English and German versions of the book and determine the volume of what was written by each of the co-authors. It is established that in the first case Hans was responsible not only for writing about half of the text, but also for its translation into English and its final editing. In addition, Hans negotiated with London publishers and supported financially the publication. The book was highly appreciated by the Western and émigré pedagogical community, in particular, reviews on it were published by the outstanding American philosopher and educationist John Dewey and the leading representative of Orthodox pedagogy, philosopher and psychologist Vasily Zenkovsky. However, due to the intensification of the global economic crisis, the book turned out to be financially unprofitable and did not bring the authors the expected income. The idea of publishing the book in German emerged while the co-authors worked on the English version. Having started the translation in 1930, Gessen finished it in January 1932 only, although he had originally planned to complete it much earlier. The delay was due to many reasons: the crisis of the German pedagogical literature market, the publisher's unwillingness to take risks in these situation and deliberate slowness in the publishing process of the manuscript, the appearance of additional materials related to significant changes in the Soviet educational policy in the early 1930s. As a result, the German edition was supplemented with four chapters and enlarged by about one third. In May 1933, Gessen informed Hans that he had received his copies. The authors point out that due to Nazis coming to power, Gessen and Hans' book was not sufficiently demanded. However, the book materials appeared as articles in Russian émigré, Czech, and Polish journals. The Polish edition of the book (1934) strengthened Gessen's position in the Polish academic community and contributed to his university career in Warsaw and Lodz.

The archival materials presented in the article are introduced into scholarly discourse for the first time.

Keywords: Sergei Gessen/Sergius Hessen, Nikolai Hans/Nikolas Hans, "Education Policy in Soviet Russia", intellectual history of Russia and Russia abroad, Russia-Europe scientific dialogue, archive, epistolary

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00134, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00134/>, in Mordovia State University.

For citation: Kirzhaeva, V.P. & Osovsky, O.O. (2025) Sergei Gessen at work on the book on Soviet educational policy (based on letters to Nikolai Hans). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 38. pp. 176–197. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/38/9

2025 год – год 75-летия кончины выдающегося российского философа и педагога Сергея Иосифовича Гессена. Масштаб личности мыслителя, его вклад в теорию образования, философию права был осознан европейской гуманитарной наукой, прежде всего философией, педагогикой, историей культуры, еще при жизни ученого, а с начала 1990-х гг. его наследие возвращается в Россию. В последние десятилетия сложилась целая отрасль междисциплинарного изучения наследия С.И. Гессена, и достижения современной гессенианы в России и за рубежом очевидны: в целом определены масштаб личности С.И. Гессена на фоне его современников, его роль в образовании и философии, место в культурном пространстве российского зарубежья, переизданы важнейшие труды. Одним из знаменательных событий гессеноведения стало появление гессеновского тома в серии «История отечественной философии первой половины XX века» [1]. Значительный вклад внесен в изучение биографии философа и педагога, выяснение отдельных сторон его творчества. Исследовательский интерес проявляется к эпистолярному наследию С.И. Гессена, что соответствует общему тренду изучения отечественной интеллектуальной истории, одна из задач которой – восстановление «архива эпохи» (Т.Г. Щедрина).

В этом контексте эпистолярий С.И. Гессена является одним из важнейших источников для реконструкции научной биографии мыслителя, деталей жизни в российский и эмигрантский периоды. Публикация писем в книге «Сергей Иосифович Гессен», части переписки с философом И.И. Лапшиным [2], евразийцем П.А. Савицким [3], с редакцией журнала «Современные записки» [4] позволяют понять его научные и жизненные приоритеты, прояснить конкретные моменты творчества. В связи

с этим особую значимость приобретают письма С.И. Гессена, которые сохранились в архивном отделе библиотеки Института образования Лондонского университетского колледжа в фонде его многолетнего друга и соавтора Николая Адольфовича Ганца и до сих пор в полном объеме не введены в научный оборот [5].

Письма 1929–1934 гг. помогают восстановить процесс создания книги о советской школьной политике и заглянуть в лабораторию Гессена-исследователя, проследить ход работы, понять, насколько соавторам удалось реализовать в немецком издании 1933 г. свой замысел, увидеть, как эволюционирует мысль Гессена-теоретика и историка образования в конце 1920-х – начале 1930-х гг., выявить соотношение написанного им и его соавтором. Письма С.И. Гессена к Н.А. Ганцу дают уникальную возможность почти в режиме реального времени восстановить отдельные этапы работы.

Прежде чем перейти к разговору о книге, следует сказать несколько слов о Николае Адольфовиче Ганце (1888–1969). Выпускник Новороссийского (Одесса) университета, ученик известного философа, педагога и психолога Н.Н. Ланге, он с 1917 г. был заметной фигурой в образовательном пространстве Одессы. Эмигрировав в Англию благодаря британскому подданству жены, с 1920-х гг. занимается изучением вопросов школьной политики, истории российского образования и сравнительной педагогикой, став после второй мировой войны международно признанным экспертом в области сравнительного анализа образовательных систем [6–8].

По позднему свидетельству Н.А. Ганца, переросшее в тесную дружбу сотрудничество с С.И. Гессеном начинается в первые годы эмиграции: «Впервые я встретил Гессена в Праге в 1923 г. Он произвел на меня огромное впечатление широтой своих познаний и глубиной философского анализа. Мы начали обмениваться мнениями по проблемам педагогической компаративистики, поскольку оба работали в это время над книгами, посвященными данному предмету» [9]. В это время Н.А. Ганц совмещает исследовательскую работу с активной общественно-педагогической деятельностью, возглавляя «Группу русских учителей в Лондоне» и представляя в общеэмигрантских педагогических организациях интересы русского учительства в Англии. Еще большему сближению способствовало сотрудничество Н.А. Ганца с журналом «Русская школа за рубежом», который фактически редактировал С.И. Гессен.

О дружеских отношениях ученых на протяжении более 20 лет свидетельствуют письма, первое из которых датируется 1926 г., а последнее написано за несколько дней до кончины С.И. Гессена. Оценивая вклад

С.И. Гессена в педагогическую компаративистику, Н.А. Ганц писал: «Его “Vergleichende Darstellung des Schulwesens [Сравнительное представление школьных систем]” в “Handbuch der Pädagogik [Справочник по педагогике]” Ноля появилось в 1928 г., за несколько месяцев до выхода моих “Принципов образовательной политики” (1929). Таким образом, ему принадлежит честь издания первой полноценной работы по педагогической компаративистике, которая позднее получила развитие усилиями Т.Л. Кэндела, Фридриха Шнейдера и моими собственными» [10. С. 3–4]. Действительно, занятия Н.А. Ганца проблемами школьной политики как в теоретическом, так и в историко-образовательном аспектах вызывали особый интерес С.И. Гессена, обратившегося к этой проблематике уже в «Основах педагогики» [11].

Диссертация самого Н.А. Ганца представляла масштабное исследование, которое в письме от 1 января 1926 г. давнему знакомому, коллеге по работе в Одесской женской гимназии, известному историку и литературоведу П.М. Бицилли он характеризовал так: «... я пишу докторскую диссертацию (Ph.D. London) на тему “Russian Educational Policy, its origin and development [Российская образовательная политика, ее зарождение и развитие]”. Сперва я был недоволен исторической темой, которую взял по настоянию профессора. Я хотел писать теоретическую тему о политике народного образования вообще, но профессор мне сказал, что сенат Ун<иверсите>та может не принять моей темы и что лучше написать историческую тему. Теперь, однако, я не жалею, что так сделал: во-первых, историческая тема дала мне материал для теоретической, которую я намерен писать по окончании этой диссертации; во-вторых, я сам заинтересовался русской политикой в народном образовании. Теперь, когда работа близится к концу, должен представить ее в мае–июне, я могу сказать, что мне, по-видимому, удалось выяснить несколько вопросов, до сих пор не выясненных. <...> Вообще история политики в образовании мало разработана, и приходится много работать, чтобы найти, что нужно. Мой профессор доволен достигнутыми результатами и хочет печатать мою работу на казенный счет» [12. Л. 1–1 об.].

Цитируемое письмо свидетельствует о выходе сотрудничества С.И. Гессена и Н.А. Ганца (как минимум, на уровне замыслов) за пределы журнала «Русская школа за рубежом», где материалы диссертации публиковались в виде статей и заметок. Н.А. Ганц сообщает П.М. Бицилли: «Я все время сотрудничаю в “Русской школе за рубежом” и пишу статьи по народному образованию. В этом году проф<ессор> С.И. Гессен, при моем сотрудничестве, хочет издать сборник по народному образованию в Европе и Америке. По всей вероятности, я возьму англосакские стра-

ны» [12. Л. 2]. Более того, С.И. Гессен и его корреспондент обсуждали и возможность публикации диссертации по-русски в виде монографии (в силу экономических причин проект не состоялся).

В письмах С.И. Гессен не раз подчеркивал, что ему в целом близок взгляд Н.А. Ганца на феномен образовательной политики. В конце 1930-х, разрабатывая лекционный курс для студентов Свободного университета в Варшаве, он будет настойчиво пытаться получить книгу Н.А. Ганца 1931 г. для университетской библиотеки: «...если у Вас еще есть экземпляры Вашей “History of Russian educational policy [История российской образовательной политики]” [13], не могли бы Вы прислать в дар один экземпляр для библиотеки в Wszzechice? <...> Я попрошу Пед<агогический> семинар университета купить эту Вашу книгу, но Wszzechica не имеет средств на покупку книг. В университетской библиотеке есть Ваш Educational Policy, она же есть (как Ваш дар прош<лого> года) на Wszzechicy, но Вашей History в Варшаве нет» [13. Л. 1 об.–2]. Примечательны и строки из письма от 18 октября 1926 г.: «Я даже не прочь поместить в “Хронике” заметку о защите Вами диссертации. Сообщите подробности, точное заглавие книги, имя профессора и т. д.» [14. Л. 2 об.]. Не менее показательна финальная приписка: «Пришлите для редакции, когда выйдет, Вашу диссертацию» [15. Л. 3 об.]. Таким образом, возникшее осенью 1929 г. во время пребывания С.И. Гессена в Лондоне решение написать соавторскую книгу о советской образовательной политике было закономерным. Вот как вспоминал об этом С.И. Гессен: «В Лондоне я жил в доме сотрудника “Русской школы за рубежом” Н.А. Ганца, с которым близко сошелся. <...> Впоследствии я вместе с Н. Ганцем (N. Hans) издал по-английски и по-немецки книгу о педагогике и школе в Советской России» [16. С. 798]. Об этом же пишет Н.А. Ганц: «Будучи в Англии в 1929 году, он останавливался у меня, и мы договорились написать совместную книгу об образовании в России» [17. С. 296]. У каждого из соавторов уже были статьи, посвященные анализу советской школы и советской педагогической системы, которые публиковались в «Русской школе за рубежом», «Воле России» и других эмигрантских и европейских изданиях.

Совместная работа началась в первые недели сентября 1929 г., когда С.И. Гессен был относительно свободен, о чем он пишет 10 сентября М.В. Вишняку, одному из редакторов «Современных записок»: «Свои лекции я начинаю только 28 сент<ября>. Объезжу всю Англию и Уэльс» [4. С. 142]. Продолжится работа уже в Праге. 21 ноября, сообщая Н.А. Ганцу о перипетиях своего возвращения и сложностях домашнего быта, С.И. Гессен не забывает и о совместной книге: «За нашу книгу

я засяду на днях, как только немного разгрузю самые срочные дела» [9. Л. 1].

Анализ писем позволяет утверждать, что работа продолжается до апреля 1930 г. Изначально предполагалось издать книгу в одном из лондонских издательств, скорее всего в «P.S. King & Sons» за счет авторов, где на таких же условиях Н.А. Ганц выпустил свои «Принципы образовательной политики». В начале февраля возникает перспектива сотрудничества с известным лондонским издательством «Care», о чем Н.А. Ганц сообщает в письме, содержание которого восстанавливается по ответу С.И. Гессена от 19 февраля. Это письмо имеет важнейшее значение для нашего сюжета, проливая свет на многие ранее не известные обстоятельства: «Спешу ответить на Ваш срочный запрос. Что касается дележа наших доходов, то я, конечно, соглашаюсь вполне на Вашу пропорцию: 1/3 – мне и 2/3 Вам. Принимая во внимания, что весь текст английский и корректура – Ваши, что Ваши же все хлопоты, что минимум половина книги написана Вами совершенно заново, я считаю, что пропорция скорее несправедлива в Вашу сторону.

Что же касается способа издания, то я опять-таки могу дать Вам лишь свое мнение. Решите Вы сами – и как более сведущий и как более заинтересованный. Конечно, 190 £ > 50 £: ясно даже без высшей математики» [18. Л. 1].

Поясним, что речь идет о предполагаемом гонораре в 190 фунтов вместо 50, которые соавторы должны были бы заплатить в случае публикации за свой счет. Немаловажными кажутся С.И. Гессену и возможности издательства «Care» – от качества полиграфии до перспектив распространения книги в США: «...Америка – тоже большой плюс (не только материальный, но и идейный), так что я могу только поддержать Ваш собственный уклон. К тому же Care, я думаю, издаст книгу лучше, чем это сделаете Вы сами» [18. Л. 1]. С.И. Гессен предлагает и конкретные рекомендации по работе над текстом рукописи: «Засим еще о книге: считаете ли Вы нужным дать англ<ийскую> библиографию? Я как-то охладел к этой мысли. Если все же вы считаете это полезным, то я мог бы дать (в виде кратких отзывов) характеристику того, что есть в моей статье + S. Harper. Остальное (20–24 годы и т. д.) уже дайте Вы сами, т<ак> к<ак> книг тех здесь нет.

Повторяю: я хотел бы иметь корректуры – только zur Auskunft [для сведения], а не для проверки. Лучше гранки – чтобы, если замечу к<аку>-н<ибудь> ошибку в цифрах или найду более поздние цифры, м<ожно> было сделать исправления в сверстанных страницах.

Относительно русской и т<ак> д<алее> библиографии: как Вы решили – оставить поглавно или вынести в конец книги как Appendix. Относительно англ<ийского> начертания русских имен – воспользуйтесь Harper'ом (Pares в своей рецензии на Harper'a, Slav<onic> R<ewie> July 1929 говорит, что начертание это и терминология Harper'a безупречны). Посмотрите эту рецензию» [18. Л. 1–1 об.].

Основная работа над текстом рукописи, судя по датировке предисловия [19. С. VIII], завершается в феврале 1930 г.

Авторы отчетливо осознавали значение и актуальность своего труда для зарубежного читателя, лишённого возможности составить объективное представление о состоянии советской школы. Именно объективность взгляда они определили как основополагающий принцип книги, противопоставив ее и романтическому изображению советской школы в свидетельствах иностранных гостей СССР, и политизированно негативной критике образования в Советской России в публикациях белой эмиграции. Это подчеркнуто в финале предисловия: «Авторы книги движимы желанием дать беспристрастную картину, в основе которой данные из официальных источников и их собственное участие в деле российского образования: оба активно участвовали в российской образовательной политике, в том числе и в первые годы советской власти. Авторы не претендуют на звание друзей советской власти, они оба убежденные демократы и противники коммунистической и любой другой диктатуры. Это, однако, не мешает им признавать положительные меры и результаты, достигнутые в годы коммунистического правления. Очень сложно быть беспристрастным, особенно для политэмигрантов, но авторы старались отбросить личные чувства и оценивать факты по существу. Удалось ли им это – судить читателю» [19. С. VI–VII].

В 15 главах книги и 8 приложениях рассматриваются история, современное состояние и будущее советского образования – от детского сада, обычной и фабрично-заводской школы до института и университета, а также учреждений партполитпросвета. Наблюдения авторов основаны на глубоком знании материала: новейшей советской статистики, партийных и правительственных документов, публикаций в газетах и журналах. Обширный материал интерпретируется исходя из собственного педагогического опыта с опорой на современную теорию образования и воспитания и новейшие достижения русской и зарубежной педагогики. Особые главы посвящены отечественному образованию дореволюционного и революционного времени, ранним этапам становления советской школы: «романтическим», анархо-коммунистическим и социально-утопическим проектам создания новой школы и ее постепенному превращению

щению в инструмент коммунистического воспитания и пропаганды во второй половине 1920-х гг.

Хотя в книге не указывалось авторство глав, несложно понять, что в главах, посвященных первому и второму этапам советской школы, судьбе коммунистического идеала в образовании, адаптации в советской практике концепции единой школы отразились взгляды С.И. Гессена; а главы об истории русской школы, формировании «образовательной лестницы» в дореволюционной и постреволюционной системах образования, обучении детей с особенностями в развитии, материальном обеспечении и образовательной статистике написаны Н.А. Ганцем.

Перевод книги на английский язык в основном выполнялся Н.А. Ганцем, хотя нельзя исключать и некоторого участия С.И. Гессена, который в письме М.В. Вишняку от 21 ноября 1929 г., подводя итоги своей поездки в Англию, подчеркивал: «Моя англ<ийская> поездка сошла очень удачно: я много видел, многому научился, познакомился с множеством людей, очень усовершенствовался в языке» [4. С. 143].

В марте в условиях усиливающегося мирового кризиса «Саре» отказался от проекта, и Н.А. Ганцу пришлось возвращаться к первоначальному плану. В ответном письме от 30 марта 1930 г. С.И. Гессен пишет со свойственным ему оптимизмом: «Признаться, я не так уж огорчен, что Саре отказал и что мы издаем книгу у King'a на свой страх и риск. Я совершенно убежден в том, что 500 экз<емпляров> будет продано и не только Ваш риск будет покрыт, но и получится £60–70 доходу. Но я не сомневаюсь в том, что в течение года по выходе разойдутся еще 250 экз<емпляров>, и т<аким> обр<азом> наш доход будет вдвое больше того, который мы получили бы от Саре'a. Жалко, конечно, что Вам приходится все же рисковать 50 фунтами, и мне очень грустно, что я не получу никакого аванса в моем нынешнем *очень* затруднительном положении. Но зато в будущем мы получим безусловно больший доход. Печатать, разумеется, нужно 1000 экз<емпляров>. Ведь около 100 экз<емпляров> разойдутся рецензионных и бесплатных, а 750 будет в течение 2 лет продано во всяком случае. Я сам постараюсь устроить более активную продажу в Америке (если до этого Вы не поедете туда сами, чего от души Вам желаю). Я думаю, надо будет связаться с антикомм<унистическими> Лигами, предложив им распространять нашу книгу» [20. Л. 1].

По этому письму восстанавливается и характер работы над рукописью на завершающем этапе. «Пока корректур еще не получил и жду их с нетерпением» [20. Л. 1], – пишет С.И. Гессен, из чего можно сделать вывод, что финальную доработку английского текста осуществляли оба

автора. Более того, С.И. Гессен до последнего момента стремился внести существенные, на его взгляд, поправки. Так, в развернутом постскрипте содержится новая информация: «Да, недавно прочитал вышедшие в Москве в издании Сабашникова “Воспоминания Б.Н. Чичерина” (философа и юриста). Это – замечательная книга, которую советую Вам прочесть: и сама по себе она очень интересна, и для историка русского просвещения. Между прочим, граф Уваров (министр Николая I) вырисовывается в “Воспоминаниях” совсем в ином свете, чем тот, который общепринят в традиционных учебниках и курсах. Чичерин рисует его как защитника (единственного при Николае I) школы и университета, сопротивлявшегося Царю и ушедшего, когда сопротивление стало невозможным. Формула “Православие, самодержавие, народность” принадлежит не ему и им не защищалась!! Я считаю, что желательно и в нашей книге вопрос пересмотреть и характеристику Уварова исправить. Мякотин и Изюмов, с которыми я об этом говорил, сказали мне, что это вещь для историков известная. Достаньте эти книги в Музее или у Pares’a и просмотрите: об Уварове в I томе “Воспоминаний”!» [20. Л. 1 об.]. Весьма радикальное на этапе чтения корректур предложение поддержано не было: по крайней мере характеристика графа С.С. Уварова как консерватора осталась в книге без изменений. Но упоминание о том, что министр народного просвещения выступал защитником университетской автономии появилось, вероятно, не без учета замечания С.И. Гессена [см.: 19. С. 34–36].

В условиях затянувшегося кризиса издание оказалось финансово убыточным, однако педагогическое сообщество высоко оценило книгу. Достаточно сказать, что в числе рецензентов и выдающийся американский философ и педагог Д. Дьюи [21], и крупнейший представитель православной педагогики, философ и психолог В.В. Зеньковский [22].

История книги на этом не заканчивается. Судя по письмам, соавторы с самого начала предполагали публикацию и на немецком языке. В приписке на полях письма от 19 февраля 1930 г. С.И. Гессен замечает: «Мы еще поработаем с Вами на немецком переводе! Оставьте право перевода, по возможности, *за нами!*» [18. Л. 1]. А 28 сентября, отправляясь в Висбаден на Международный педагогический конгресс, где он планировал раздать несколько экземпляров книги и рекламные буклеты, он пишет об издании в Германии как уже о давно принятом соавторами решении: «...пошлите мне уже прямо туда 3–5 экземпляров и побольше проспектов. Если же 6-го я в Висбадене их не смогу получить, тогда уже лучше пошлите их мне прямо в Прагу. <...> Немцам посылать много не стоит, так как выйдет же немецкое издание» [23. Л. 1].

Непосредственную работу над немецкой книгой С.И. Гессен начинает не ранее середины октября, что вызвано различными обстоятельствами. В начале декабря он едет в Берлин на похороны приемной матери Анны Ивановны, а 8 декабря пишет Н.А. Ганцу: «Завтра я возвращаюсь в Прагу и принимаюсь за прерванную работу, буду работать сразу над переводом нашей книги и над своей другой книгой “*Moderne Pädagogik im Ausland* [Современная педагогика за рубежом]”» [24. Л. 1]. Таким образом, к концу 1930 г. С.И. Гессен занимался несколькими проектами, включая две книги и ряд статей для «Современных записок» и педагогических журналов. Кроме того, у него оставалась преподавательская нагрузка в Славянском институте Карлова университета.

Для публикации обеих книг С.И. Гессен выбрал известное издательство «Beltz», специализировавшееся на издании учебной и педагогической литературы, а также журналов, в числе которых ведущий теоретико- и историко-педагогический журнал «*Die Erziehung*». В этом журнале в 1926–1934 гг. он активно публиковался, поддерживая профессиональные отношения с его редактором, известным немецким педагогом В. Флитнером. Добавим, что не без участия С.И. Гессена в 1930-е в журнале появились и статьи Н.А. Ганца.

Несмотря на большую загруженность, С.И. Гессен сумел продолжить работу над немецкой книгой в первые месяцы 1931 г. 24 апреля он сообщал соавтору: «Нашу книгу я наполовину уже перевел, многое в ней переделал в смысле материала. Я Вам писал, кажется, что издатель печатает ее во вторую очередь, требуя раньше рукопись моей “*Moderne Pädagogik im Ausland*”. Эта книга уже почти совсем готова, осталась еще одна глава» [25. Л. 1]. Имеющиеся обязательства не позволяют ему сосредоточиться исключительно на совместной книге: «В мае предполагаю сдать рукопись всей книги, а в июне – рукопись нашей книги. Не сердитесь, что так задерживаю, но заботы мои отнимают у меня половину работоспособности» [25. Л. 1 об.].

Однако приводимый в письме график выдержать до конца ученому не удастся. После значительного перерыва в переписке 28 июля он сетует на возросшую загруженность, замедлившую работу: «Не писал Вам так долго, ибо все время был очень обременен и заботами, и работой. Я должен был экстренно написать статью (она же глава книги) “*Die englische Erziehungstradition* [Английская образовательная традиция]”, а затем “*Staat und Schulwesen in Frankreich von Beginn des 19 Jahrhunderts bis zur Gegenwart* [Государство и образование во Франции с начала XIX в. до наших дней]”. Еще до этого статью: “*Kommunistische russische Pädagogik der Gegenwart* [Коммунистическая российская педагогика наших

дней]”. От всех этих статей я не мог отказываться: 1) я и давно обещал; 2) очень высокий гонорар вперед мне за них выплатили. <...> А кроме того, все время работа над отделкой книги *Moderne Pädagogik im Ausland* и перевод нашей книги» [26. Л. 1]. С.И. Гессен предлагает и новый график работы на ближайшие месяцы: «Первая книга уже *вся* написана, и я ее через дней 10 посылаю издателю. Вторая книга готова на 3/4. Когда переписка ее будет начата в сентябре, я буду, если хотите, пересылать ее Вам отдельными главами в копии» [26. Л. 1], – предупреждая заранее о еще одном своем обязательстве: «Но через 10 дней я уезжаю на месяц в Латвию: в Двинск, куда приглашен на учительские курсы, а затем в Ревель и Нарву. Пробуду в этой поездке ровно месяц. Это – мой отдых, который, как видите, я сочетаю с заработками. Но что же делать, от заработка я сейчас отказываться никак не могу...» [26. Л. 1].

Планы С.И. Гессена вновь были нарушены обстоятельствами, главным из которых стала затянувшаяся история с изданием «Современной педагогики»: «Еще в самом начале октября я отослал издателю рукопись своей “*Moderne Pädagogik im Ausland*”. Вышла хорошая книга, но сколько – если бы Вы знали – труда и крови стоила она мне! В ней 300 страниц формата “*Die Erziehung*” и 9 глав. Я Вам писал, что по условию с издателем, эта книга должна была выйти в первую очередь. Я задержал ее на 9 месяцев, и вместо 1 февраля сдал 1 октября, но что я мог делать? Я все время работал над ней, поскольку у меня оставался досуг от текущих работ, которые я делал для заработка. Издатель приступил уже к набору этой книги, но предупредил меня, что будет печатать ее «не торопясь», принимая во внимание отвратительное состояние немецкого книжного рынка. Увы! – на этом же основании он – вопреки условию – и гонорар за книгу выплатит мне лишь по выходе ее в свет. <...> Главные неприятности мои были в связи с сокращением внутри нашего института, и в будущем году я не получу полное жалование» [27. Л. 1–1 об.].

После сдачи своей книги в издательство, С.И. Гессен сосредотачивается на немецком переводе. В письме он приводит детали работы с текстом и ставит задачи перед соавтором: «Отослав рукопись книги, я немедленно *вплотную* засел за перевод нашей книги. Я поставил себе дневной урок (который пока выполняю): 5 печ^атных страниц в день. Думаю, что закончу всю работу 1 декабря, принимая во внимание, что последнюю главу и предисловие надо будет написать совсем заново. Одновременно книга по главам переписывается. Я буду Вам посылать, начиная с будущей недели, по 3 главы в неделю. Возвращайте их мне с Вашими замечаниями и исправлениями, но, пожалуйста, не очень за-

держивайте. 15 дек<абря> – крайний срок для предоставления рукописи издателю» [27. Л. 1 об.]. Становится ясно, что объем книги значительно увеличился, а содержание заметно обновилось. К концу ноября рукопись готова почти полностью, и тон С.И. Гессена заметно меняется, превращаясь в последовательный отчет: «...посылаю Вам пять глав нашей книги. Еще четыре главы – у переписчицы, всего же мною написано по-немецки 11 глав. Главы 12–14 закончу к 12 дек<абря>. А главы 15–16 и предисловие думаю закончить к 25 дек<абря> и еще до Нового года надеюсь отослать всю рукопись издателю. Я старался изменять, возможно, меньше. Вы сами заметите изменения, в дальнейших главах их больше. Главы 15–16 будут написаны почти заново. Я Вам посылаю уже окончательный текст, исправленный одним моим немецким приятелем» [28. Л. 1–1 об.].

На этом этапе в работу должен включиться и Н.А. Ганц, к которому С.И. Гессен обращается с конкретными предложениями: «Посылаю – для сведения, но, конечно, если Вы заметите где-нибудь неправильности или неточности – исправьте, отметив все исправления на полях. Проверьте еще раз, пожалуйста, все цифры. Рукопись верните и в случае отсутствия исправлений» [28. Л. 1 об.]. В этом письме он приводит еще одну причину задержки рукописи – трудности перевода: «Работа оказалась гораздо труднее, чем думал. Я в день перевожу 5 печ<атных> стр<аниц>, независимо от дополнений и вставок. Это очень трудно, но я сам виноват, что запоздал. К счастью, мой немец очень доволен немецким стилем перевода» [28. Л. 1 об.].

Обоснованно беспокоится С.И. Гессен и об издательских перспективах, для чего есть весомые основания – сложности, возникшие с «*Moderne Pädagogik*»: «Мой издатель еще не присылает мне корректур моей первой книги. Боюсь, что он задерживает печатание намеренно – из-за кризиса. Как бы ни случилось то же с нашей книгой!» [28. Л. 1 об.].

Основная совместная работа над рукописью приходится на декабрь: С.И. Гессен отправляет в Лондон готовые главы, получая от Н.А. Ганца текст с поправками и уточнениями, а также конкретные вопросы и предложения по дополнению книги новым материалом. 14 декабря он отвечает соавтору: «...получил Ваше письмо и главы I–V с Вашими замечаниями. За замечания большое спасибо. Все они будут приняты во внимание. Главы VI–X Вы уже тоже должны были получить. Гл<авы> XI–XIV уже готовы и переписываются. Они очень дополнены мною, а глава XIV значительно изменена, но я думаю – Вы не будете протестовать: я старался сделать изложение более выпуклым и наглядным. К Рождеству надеюсь закончить обе последние главы, здесь многое придется

писать заново» [29. Л. 1]. Перед нами обстоятельный диалог двух соавторов, и детальные ответы С.И. Гессена позволяют восстановить содержание предшествующего письма Н.А. Ганца: «Отвечаю на Ваши вопросы: 1. Главу о дошкольном воспитании хорошо бы дать. Попробуйте написать ее (я не берусь) и пришлите мне ее возможно скорее. Мы пустим ее или в качестве гл<авы> X (соответственно изменив нумерацию дальнейших глав) или в качестве приложения I. Только не нарушайте архитектоники книги. В главах IV–XIV мы держимся в *общем* в пределах НЭПа (1923–1928 гг.). Все, что касается позднейших лет, будет вынесено в последние главы (м<ожет> б<ыть>, придется сделать три главы: XV, XVI и XVII). Поэтому и цифры Бубнова (всё, что есть) пришлите мне.

2. немедленно (м<ожет> б<ыть>, у Вас другой вариант, чем у меня, – с указанием, откуда Вы их взяли), я их использую для главы XVII. В тексте же оставил цифры 1927–28 гг. Основание к тому: только цифры 1926–27 и 1927–28 гг. – точные. После упразднения ЦСУ в 1929 г. вся статистика дутая» [29. Л. 1].

С.И. Гессену важно не только содержание книги, но и форма представления статистического материала. Признанный специалист в подаче статистики, Н.А. Ганц регулярно сопровождал свои обзоры и статьи в английской периодике таблицами и диаграммами. На его предложение аналогично представить статистику в книге С.И. Гессен отвечает: «3. Нужна ли диаграмма для Anhang'a [Приложения], – не знаю. Она может только запутать читателя еще больше. Но если Вы хотите (и если Вам удастся ее представить просто), то *присылайте*» [29. Л. 1 об.]. Охотно принимаются поправки, предлагаемые Н.А. Ганцем: «4. Ваши книги, как относящиеся преимущественно к эпохе пятилетки, приведу в главе XVII и постараюсь раздобыть их здесь – особенно Бубнова.

5. Что касается цифр: 15,2 и 2,19 на человека, то: 15,2 = фактически 2,90, – и это прогресс за 15 лет! при увеличении сети школ» [29. Л. 1 об.].

Из писем становится ясно, что работа над рукописью – это не просто перевод предшествующей книги с правкой прежних и внесением новых данных: в значительной степени это продолжение осуществленного ранее исследования с переносом акцентов на новый период в советской образовательной политике, чем и объясняется заметное увеличение объема текста: «По моим расчетам немецкая книга будет на 1/4 больше английской, но это не беда: издатель вряд ли будет возражать, а нам это только выгодно будет (если вообще будет выгода!)» [29. Л. 1 об.].

Характеристику новизны и полноты немецкого варианта С.И. Гессен дает в письме от 22 декабря в связи с сообщением соавтора о предложении перевести книгу на японский язык. Соглашаясь на это предложение, он советует: «Разумеется, дайте ему свое согласие, но предложите хотя бы три последние главы перевести с немецкого текста, а я бы предложил ему даже и весь перевод сделать с немецкого текста, как исправленного и дополненного» [30. Л. 1].

Работа над рукописью близится к завершению, и ее интенсивность заметно возрастает, продолжает увеличиваться объем ее, что вызывает беспокойство самого С.И. Гессена и мысли о необходимости сокращений: «Одновременно высылаю Вам еще две главы: XIII и XIV. Я их тоже сильно дополнил и переделал. Пожалуйста, отметьте, что, по Вашему мнению, можно выпустить. Рукопись уже дошла до 300 стр<аниц>, и я боюсь, не протестует ли издатель. Уж слишком много! Я сегодня сдал в переписку гл<аву> XV, тоже сильно дополненную. А дальше гл<аву> XVI я разбиваю на две: гл<ава> XVI: “Der Fünfjahresplan und die Ergebnisse der Kulturfeldzuges der Jahre 1929–1931 [Пятилетний план и результаты культпросветработы 1929–1931]”; гл<ава> XVII: “Die Ideologischen Auswirkungen der Kulturfeldzuges. Die Militarisierung des Schulwesens [Идеологическое воздействие культпросветработы. Милитаризация школьной системы]”. Материала очень много, и вся забота моя в том, чтобы уместить изложение на 20 + 20 страницах машинн<ого> текста. Значит, всего будет 300 + 60 (XV–XVII) + 3 (Vorwort [Предисловие]) + Anhang (10) + оглавление (2) + (эвентуально) глава о дошк<ольном> воспитании (15) = 390 стр<аниц>. Это будет ровно 260 стр<аниц> хорошего формата печатного, т<о> е<сть> книга выйдет вполне основательная. Главу XVI окончу к 28 дек<абря>, главу XVII к 31 дек<абря> (дал зарок), а остальное уже – в Нов<ом> году. Хорошо, если бы удалось 15 янв<аря> рукопись отослать издателю!

Страниц с выписками из речи Бубнова (какой?) я не получил. Посмотрите у себя и вышлите их мне. Это очень важно. Также все другие данные, все, что имеете. И сейчас же, т<ак> к<ак> я уже сейчас пишу эту главу. Дошкольное воспитание можете прислать к концу месяца, т<ак> к<ак> до 31-го я все равно буду занят главами о пятилетке» [30. Л. 1–1 об.].

Как показывают письма, опасения С.И. Гессена в значительной степени оправдались. Завершенная в начале 1932 г. рукопись на несколько месяцев «застряла» в издательстве. 24 мая он с горечью объясняет: «...я не писал Вам так долго, т<ак> к<ак> еще не имел от Beltz’a *ни одной* корректуры несмотря на то, что он мне *дважды* писал, что сдает

уже книги в набор. Его поведение возмущает меня до крайности. Лучше бы было уже, если бы он отказался от издания книг. Я попробовал бы их устроить в другом издательстве. Последнее письмо его было от 5 мая: “я сдаю книги в набор”, и с тех пор ни слуху ни духу. Это меня приводит в совершенное отчаяние, тем более, что дела мои здесь ухудшаются с каждым месяцем» [31. Л. 1].

Издательская работа над рукописью затянулась, и только 24 декабря 1932 г. С.И. Гессен смог сообщить об улучшении ситуации: «Beltz все тянет с книгами. Только неделю тому назад пришла, наконец, первая корректура “Сов<етской> школы”, и третьего дня начали приходить первые листы второй корректуры (т<ак> н<азываемый> Revision). Я сегодня одновременно посылаю Вам полученные до сих пор первые два листа верстки (Revision) и впредь буду посылать их Вам регулярно по мере получения. Кроме того, посылаю Вам корректуру последней главы (XVIII), дописанной мною заново на основании самых новейших материалов. Эту корректуру с Вашими замечаниями (если будут такие) прошу мне вернуть. Я ее не послал Вам раньше, т<ак> к<ак> Beltz очень торопил, грозя не включить главу в книгу, если я задержу рукопись и корректуру. Думаю, что Вы с главой этой будете согласны. Кое-что можно будет изменить в Revision. Beltz обещал, что книга выйдет к Рождеству. Теперь дай Бог, чтобы она вышла в январе» [32. Л. 1–1 об.].

С.И. Гессен вносит существенные коррективы в оценку совместной книги, фактически воспринимая ее как новое исследование, в котором использованы новые подходы к анализу материала и показано развитие советской школы вплоть до настоящего момента. Закономерно и предложение изменить название книги: «...что касается нашей книги, то, говоря объективно, она от затяжки не только не пострадала, а скорее выиграла. Тем, что мне удалось в последний момент включить в нее “реформы 1931–1932 г.” (т<о> е<сть> реставрацию старой школы), она не только стала “up to date [обновленная]”, но и получила известное закругление: в нее включена вся пятилетка, завершен целый новый период, она и внешне дает историю школы за 15 лет. А главное: тем, что сов<етская> школа возвращается сейчас на позиции 1927–1928 года (конца НЭП’а), оправдывается архитектоника книги, в которой органическое развитие школы за время НЭП’а чрезмерно выпячено вперед. В силу новых событий этот недостаток изложения, объясняющийся историей составления книги, становится сейчас добродетелью.

Поэтому также я думаю – самое правильное было бы дать книге следующее заглавие: Fünfzehn Jahre Sowjetschulwesen und kommunistischen Bildungspolitik seit der Octoberrevolution bis zum Abschluß des Fünfjahres-

planes (1917–1932) [Пятнадцать лет советского образования и политики коммунистического воспитания от Октябрьской революции до завершения пятилетнего плана] [32. Л. 1–1 об.]. Отметим, что в окончательном варианте книга получит скорректированное название, определяющее характер эволюции советской школы, – «Пятнадцать лет советского образования: развитие советского образования и трансформация коммунистической образовательной политики с Октябрьской революции до конца пятилетнего плана» [33].

К весне 1933 г. издание книги завершается, и 24 апреля С.И. Гессен наконец получает авторские экземпляры. Происходит это уже совсем в другой – гитлеровской – Германии, которой не нужны ни книга о советской школе, ни сам Гессен. Он пишет Н.А. Ганцу: «Я только вчера получил свои экземпляры (правда, переплетенные). Вы видите: Beltz не спешит. Я до сих пор не знаю, сколько стоит книга наша в продаже. Разумеется, ни счета, ни второй половины гонорара я от Beltz'a еще не имею. Сегодня же пишу ему о Ваших дополнительных двух экземплярах» [34. Л. 1]. Год спустя в письме от 4 февраля он посетует: «...немецкая книга наша, несмотря на прекрасную “прессу”, расходуется плохо. Издатель мне пишет, что продано пока только 160 экз<емпляров>! И это несмотря на то, что книга *официально* рекомендована высшими инстанциями нового правительства. В Германии сейчас Россией не интересуются. Идут только национал-социалистические книги и в особенности брошюры» [35. Л. 2 об.].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать ряд выводов. Совместная работа С.И. Гессена и Н.А. Ганца уже над английским изданием книги о советской школьной политике – это закономерный результат научного диалога ученых, глубоко погруженных в проблемы образовательной политики. Как показывают письма, каждому из соавторов принадлежала примерно половина написанного текста. При этом Н.А. Ганц взял на себя перевод рукописи на английский язык, а также контакты с английскими издательствами и решение вопроса о месте публикации книги. В свою очередь, С.И. Гессен играл ведущую роль в подготовке немецкого варианта: он не только перевел на немецкий язык имевшийся текст, но в значительной степени дополнил его новейшим материалом, увеличив объем на треть, он же вел переговоры с издателем и осуществлял контакты с издательством на всех этапах прохождения рукописи, продолжавшегося три года. Н.А. Ганц также принял участие в этом процессе, написав главу о дошкольном воспитании. Анализ писем дает представление о характере совместной работы: постоянном обмене предложениями по улучшению текста, уточнению и

обновлению фактического материала и статистических данных. Несмотря на то, что книга получила высокую оценку педагогической ответственности Европы и США, социально-политический и экономический контексты ее публикации, кризис книжного рынка англоязычных стран и Германии стали причиной ее финансового неуспеха.

Опыт совместной работы получил продолжение в дальнейшем сотрудничестве. По инициативе Н.А. Ганца, на страницах английской педагогической периодики, прежде всего в «Year Book of Education» появился ряд статей С.И. Гессена. Обсуждался замысел публикации трех последних глав немецкого перевода в виде отдельного английского издания как дополнения к их «Educational Policy in Soviet Russia» (правда, реализован он не был). Значительная часть материалов немецкой книги послужила основой для статей и заметок в «Современных записках», «Новом Граде», «Русской школе», а также в чешских и польских педагогических журналах. Особое значение имел польский перевод [36], упрочивший положение С.И. Гессена-педагога в польском академическом сообществе и наряду с «Основами педагогики» способствовавший его успешной университетской карьере в этой стране во второй половине 1930-х гг.

Список источников

1. Сергей Иосифович Гессен / под ред. В.В. Сапова, Т.Г. Щедриной. М. : РОС-СПЭН, 2020. 447 с.
2. Дмитриева Н.А. *Vivos vosco*. Послевоенная переписка С.И. Гессена и И.И. Лапина: год 1946 // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 4. С. 178–199.
3. Осовский О.Е., Киржаева В.П. «Итак – кончается уже окончательно мой пражский период»: жизнь С.И. Гессена на фоне мемуаров и эпистолярия 1920–1930-х годов // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 132–145.
4. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. М. : Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. 1016 с.
5. Nicholas Hans Archive at University College, London, Institute of Education. NH/4/1/10.
6. Джуринский А.Н. Сравнительная педагогика : учебник для магистров. 2-е изд. М. : Издательство Юрайт, 2014. 440 с.
7. Киржаева В.П., Осовский О.Е. На повороте: Н.А. Ганц в русско-английском педагогическом пространстве 1920–1930-х годов. Пенза : Наука и просвещение, 2018. 236 с.
8. Масоликова Н.Ю. К истории российского педагогического зарубежья в Великобритании: Николай Адольфович Ганс (1888–1969) // Ежегодник Дома русского

- зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. Т. 6. М. : Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2017. С. 153–164.
9. Hans N. Sergius Hessen // *The Slavonic and East European Review*. 1950. Vol. 29, No. 72. P. 296–298.
 10. Hans N. *Comparative Education: A Study of Educational Factors and Traditions*. Ed. 3. London : Routledge & Kegan Paul, 1955. 360 p.
 11. Гессен С.И. *Основы педагогики. Введение в прикладную философию*. Берлин : Слово, 1923. 420 с.
 12. Архив Пушкинского Дома. Ф. 804. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–1 об.
 13. Hans N. *History of Russian Educational Policy (1701–1917)*. London : P.S. King & Sons, 1931. 255 p.
 14. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 12 декабря 1936 г. // NH/4/1/10.
 15. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 18 октября 1926 г. // NH/4/1/10.
 16. Гессен С.И. *Мое жизнеописание* // Гессен С.И. *Избранное*. М. : РОССПЭН, 2010. С. 723–782.
 17. Hans N. Sergius Hessen // *The Slavonic and East European Review*. 1950. Vol. 29, No. 72. P. 296–298.
 18. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 19 февраля 1930 г. // NH/4/1/10.
 19. Hans N., Hessen S. *Educational Policy in Soviet Russia*. London : P.S. King & Sons, 1930. 236 p.
 20. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 30 марта 1930 г. // NH/4/1/10.
 21. Dewey J. *Making Soviet citizens* // *New Republic*. 1931. 18 June.
 22. Зеньковский В.В. Ред. на: Hans N. & Hessen S. *Educational Policy in Soviet Russia*. L., 1930 // *Современные записки*. 1932. Кн. 49. С. 472.
 23. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 28 сентября 1930 г. // NH/4/1/10.
 24. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 8 декабря 1930 г. // NH/4/1/10.
 25. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 24 апреля 1931 г. // NH/4/1/10.
 26. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 28 июля 1931 г. // NH/4/1/10.
 27. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 26 октября 1931 г. // NH/4/1/10.
 28. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 30 ноября 1931 г. // NH/4/1/10.
 29. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 14 декабря 1931 г. // NH/4/1/10.
 30. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 22 декабря 1931 г. // NH/4/1/10.
 31. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 24 мая 1932 г. // NH/4/1/10.
 32. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 24 декабря 1932 г. // NH/4/1/10.
 33. Hessen S., Hans N. *Fünfzehn Jahre Sowjetschulwesen. Die Entwicklung des Sowjetschwesens und die Wandlungen der kommunistischen Bildungspolitik seit der Octoberrevolution bis zum Ende des Fünfjahresplanes (1917–1932)*. Langensalza; Berlin; Leipzig : Beltz, 1933. 260 s.
 34. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 24 апреля 1933 г. // NH/4/1/10.
 35. Письмо С.И. Гессена Н.А. Ганцу от 4 февраля 1934 г. // NH/4/1/10.
 36. Hessen S., Hans M. *Pedagogika i szkolnictwo w Rosji Sowieckiej : rozwój szkolnictwa sowieckiego i zmiany komunistycznej polityki oświatowej od rewolucji październikowej do końca planu pięcioletniego 1917–1932 / Z oryginału niemieckiego przełożył Adam Zieleńczyk*. Lwów; Warszawa : Książnica Atlas, 1934. 308 s.

References

1. Sapov, V.V. & Shchedrina, T.G. (eds) (2020) *Sergey Iosifovich Gessen*. Moscow: ROSSPEN.
2. Dmitrieva, N.A. (2023) Vivos voco. Poslevoennaya perepiska S.I. Gessena i I.I. Lapshina: god 1946 [Vivos voco. The postwar correspondence of S.I. Hessen and I.I. Lapshin: 1946]. *Kantovskiy sbornik*. 42(4), pp. 178–199.
3. Osovsky, O.E. & Kirzhaeva, V.P. (2021) "Itak – konchaetsya uzhe okonchatel'no moy prazhskiy period": zhizn' S.I. Gessena na fone memuarov i epistolyariya 1920–1930-kh godov ["So – my Prague period is finally coming to an end": S.I. Hessen's life against the background of memoirs and epistolary of the 1920–1930s]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 132–145.
4. Korostelev, O. & Shruba, M. (eds) (2013) *"Sovremennye zapiski" (Parizh, 1920–1940). Iz arkhiva redaktsii* ["Sovremennye zapiski" (Paris, 1920–1940). From the archives of the editorial board]. Vol. 3. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Nicholas Hans Archive at University College. London, Institute of Education. NH/4/1/10.
6. Dzhurinsky, A.N. (2014) *Sravnitel'naya pedagogika: uchebnik dlya magistrrov* [Comparative Pedagogy: Textbook for Masters]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
7. Kirzhaeva, V.P. & Osovsky, O.E. (2018) *Na povorote: N.A. Gants v russko-angliyskom pedagogicheskom prostranstve 1920–1930-kh godov* [On a turn: N.A. Hans in the Russian-English pedagogical space of 1920–1930s]. Penza: Nauka i prosveshchenie.
8. Masolikova, N.Yu. (2017) K istorii rossiyskogo pedagogicheskogo zarubezh'ya v Velikobritanii: Nikolay Adol'fovich Gans (1888–1969) [On the History of Russian Pedagogical Emigration in Great Britain: Nikolay Adolfovich Gans (1888–1969)]. In: *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russians Abroad]. Vol. 6. Moscow: Alexander Solzhenitsyn House. pp. 153–164.
9. Hans, N. (1950) Sergius Hessen. *The Slavonic and East European Review*. 29(72), pp. 296–298.
10. Hans, N. (1955) *Comparative Education: A Study of Educational Factors and Traditions*. 3rd ed. London: Routledge & Kegan Paul.
11. Hessen, S.I. (1923) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu* [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Berlin: Slovo.
12. The Pushkin House Archives (St. Petersburg). Fund 804. List 1. File 78.
13. Hans, N. (1931) *History of Russian Educational Policy (1701–1917)*. London: P.S. King & Sons.
14. Hessen, S.I. (1936) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 12 dekabrya 1936 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 12 December 1936]. NH/4/1/10.
15. Hessen, S.I. (1926) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 18 oktyabrya 1926 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 18 October 1926]. NH/4/1/10.
16. Hessen, S.I. (2010) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 723–782.
17. Hessen, S.I. (1929) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 21 noyabrya 1929 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 21 November 1929]. NH/4/1/10.
18. Hessen, S.I. (1930a) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 19 fevralya 1930 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 19 February 1930]. NH/4/1/10.

19. Hans, N. & Hessen, S. (1930) *Educational Policy in Soviet Russia*. London: P.S. King & Sons.
20. Hessen, S.I. (1930b) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 30 marta 1930 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 30 March 1930]. NH/4/1/10.
21. Dewey, J. (1931) Making Soviet citizens. *New Republic*. 18th June.
22. Zenkovskiy, V.V. (1932) Retz. na: Hans N. & Hessen S. *Educational Policy in Soviet Russia*. L., 1930 [Rev. on: Hans N. & Hessen S. *Educational Policy in Soviet Russia*. L., 1930]. *Sovremennyye zapiski*. 49. p. 472.
23. Hessen, S.I. (1930c) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 28 sentyabrya 1930 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 28 September 1930]. NH/4/1/10.
24. Hessen, S.I. (1930d) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 8 dekabrya 1930 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 8 December 1930]. NH/4/1/10.
25. Hessen, S.I. (1931a) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 24 aprelya 1931 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 24 April 1931]. NH/4/1/10.
26. Hessen, S.I. (1931b) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 28 iyulya 1931 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 28 July 1931]. NH/4/1/10.
27. Hessen, S.I. (1931c) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 26 oktyabrya 1931 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 26 October 1931]. NH/4/1/10.
28. Hessen, S.I. (1931d) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 30 noyabrya 1931 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 30 November 1931]. NH/4/1/10.
29. Hessen, S.I. (1931e) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 14 dekabrya 1931 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 14 December 1931]. NH/4/1/10.
30. Hessen, S.I. (1931f) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 22 dekabrya 1931 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 22 December 1931]. NH/4/1/10.
31. Hessen, S.I. (1932a) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 24 maya 1932 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 24 May 1932]. NH/4/1/10.
32. Hessen, S.I. (1932b) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 24 dekabrya 1932 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 24 December 1932]. NH/4/1/10.
33. Hessen, S. & Hans, N. (1933) *Fünfzehn Jahre Sowjetschulwesen. Die Entwicklung des Sowjetschwesens und die Wandlungen der kommunistischen Bildungspolitik seit der Octoberrevolution bis zum Ende des Fünfjahresplanes (1917–1932)*. Langensalza; Berlin; Leipzig: Beltz.
34. Hessen, S.I. (1933) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 24 aprelya 1933 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 24 April 1933]. NH/4/1/10.
35. Hessen, S.I. (1934) *Pis'mo S.I. Gessena N.A. Gantsu ot 4 fevralya 1934 g.* [Letter from S.I. Hessen to N.A. Hans, 4 February 1934]. NH/4/1/10.
36. Hessen, S. & Hans, M. (1934) *Pedagogika i szkolnictwo w Rosji Sowieckiej: rozwój szkolnictwa sowieckiego i zmiany komunistycznej polityki oświatowej od rewolucji październikowej do końca planu pięciolecia 1917–1932*. Z oryginału niemieckiego przełożył Adam Zieleńczyk. Lwów; Warszawa: Książnica Atlas.

Сведения об авторах:

Киржаева Вера Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Россия). E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

Осовский Олег Олегович – кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Россия).
E-mail: ofs.ooos@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vera P. Kirzhaeva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

Oleg O. Osovsky, Cand. Sci. (Philology), research fellow, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: ofs.ooos@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.09.2024;
одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 25.12.2024*

*The article was submitted 24.09.2024;
approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 25.12.2024*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 27]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словами «Список источников» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:
 - английский вариант инициалов и фамилии автора;
 - перевод названия своей организации;
 - перевод названия статьи (например: Ideological context of “Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812”);
 - автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
 - перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы/учебы (кафедра/лаборатория/сектор, факультет/институт, вуз/НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (название и номер по классификации ВАК);
- телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи с аннотацией на русском языке;
- 2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

- 3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне¹.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т. д.).

¹ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными pdf-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2025. № 38

Редактор *Е.В. Иванова*
Редактор-переводчик *В.В. Кашиур*
Оригинал-макет *Е.В. Ивановой*
Дизайн обложки *Л.Д. Кривцовой*

Подписано в печать 3.09.2025 г. Дата выхода в свет 12.09.2025 г.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Печ. л. 12,55; усл. печ. л. 11,63; уч.-изд. л. 12,5.
Тираж 50 экз. Заказ № 6404. Цена свободная

Издание отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. +7 (382-2) 53-15-28, 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>, e-mail: rio.tsu@mail.ru